

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
МЕДИЕВИСТИКЕ**

МАТЕРИАЛЫ ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА, 21–22 ИЮНЯ 2023

А К В И Л О Н

МОСКВА 2023

УДК 930(08)
ББК 63.2

Рецензенты

к.и.н. Т.П. Гусарова
д.и.н. А.А. Фролов

И 91 Источниковедение в современной медиевистике: Материалы Второй всероссийской научной конференции. Москва, 21–22 июня 2023 г. / Отв. ред. Е.Н. Кириллова, И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2023. — 228 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, Древней Руси, арабского Востока. Представлены разнообразные типы источников, новые подходы к их изучению, а также ряд теоретических проблем современного источниковедения.

Научное издание

© Коллектив авторов, 2023
© Институт всеобщей истории РАН, 2023
© Е.Н. Кириллова, общая редакция, составление, 2023
© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2023
© Издательство «Аквилон», 2023

ISBN 978-5-906578-94-5

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А.И. Агиляр Куэста</i> Как узнать стоимость кадастра в Испании в середине XVIII века? Источник, документальный корпус и данные	9
<i>М.Ю. Андрейчева</i> Электронные репрезентации древнерусских летописных сводов в цифровой среде.....	15
<i>М.Ц. Арзаканян, А.А. Герцен</i> Письменные, антропологические и географические свидетельства по истории владов.....	18
<i>О.В. Ауоров</i> Ранние хроники на разговорных языках как исторический источник. На примере «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого.....	23
<i>М.Р. Белоусов</i> Роспись крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих по переписным, отказным, отдельным книгам и «сказкам» середины июля 7161/1653 г. Предварительные наблюдения.....	27
<i>А.А. Бондаренко</i> Реалии XVI в. в родословном памфлете о Сукиных.....	31
<i>Ю.Е. Вершинина</i> Концепт <i>domus</i> в произведениях Павла Диакона: континуитет или дисконтинуитет с античными / имперскими представлениями о нем.....	35
<i>Ю.Я. Вин, Д.Е. Кондратьев</i> Систематизация рецептов и транслитераций понятий и терминов византийского права и актов программными средствами Экспертной системы «Византийское право и акты»	40

<i>М.В. Винокурова</i>	
Роль сравнительно-статистического метода в исследовании документов по манориальной истории средневековой Англии.....	44
<i>А.Л. Грязнов</i>	
Удостоверение грамот в московской княжеской канцелярии в XV – начале XVI в.....	48
<i>Т.Н. Джаксон</i>	
От Снорри Стурлусона до наших дней. Можно ли считать скальдические стихи источником?	52
<i>О.В. Дмитриева</i>	
Текст и его визуальная интерпретация в памфлете Джона Деррика «Образ Ирландии, а также Открытие лесных разбойников» (1581).....	56
<i>А.В. Духанина</i>	
Краткие редакции Жития Стефана Пермского как исторический источник.....	60
<i>М.В. Земляков</i>	
<i>Mosaicarum et Romanarum legum collatio</i> как исторический источник. Происхождение, состав и назначение.....	64
<i>Е.В. Казбекова</i>	
Новые данные о палеографии рубрик экземпляра Библии Гутенберга в РГБ.....	69
<i>Т.М. Калинина</i>	
Параллели в описаниях «климатов» некоторых арабских авторов.....	72
<i>К. Камареро Буйон, А. Вальина Родригес</i>	
Географические донесения Филиппа II — предшественник анкет и непрофессиональной кадастровой картографии XVIII в.....	76
<i>Е.Н. Кириллова</i>	
Коллекция как культурный феномен и исторический источник. На примере «Рукописного собрания Ламуаньона».....	83

<i>В.Н. КОЗЛЯКОВ</i>	
Источники по истории церковного судопроизводства в России XVII века.....	87
<i>И.Г. КОНОВАЛОВА</i>	
Некартографические источники по истории средневековой картографии.....	91
<i>Н.Л. КОНЮШИХИНА</i>	
Американские и испанские донесения Филиппа II как геоисторические источники.....	95
<i>М.А. КОРЗО</i>	
Книжные предисловия как источник для реконструкции интеллектуального ресурса православных книжников Речи Посполитой начала XVII века.....	100
<i>А.А. КУЗНЕЦОВ</i>	
«Формирование» нижегородской княжеской династии XIV в. в погребальных списках источников XVII века.....	104
<i>М.А. КУРЫШЕВА</i>	
Хронология стилей письма греческих рукописей Македонского ренессанса в Византии.....	108
<i>А.В. ЛАЗАРЕВА</i>	
Немецкие иллюстрированные листовки как источник по изучению рубежа Средних веков и раннего Нового времени.....	111
<i>Е.В. ЛИТОВСКИХ, И.А. РЕЙЕР</i>	
Использование методов морфологического анализа изображений при работе с рукописью AM 107 fol.....	115
<i>В.И. МАЖУГА</i>	
О еще одном рукописном памятнике рецепции римского права в Средние века. Фрагмент <i>Digestum infortiatum</i> в Научном архиве СПбИИ РАН.....	119
<i>С.А. МАСЛОВА</i>	
Учет населения русских земель в XIII–XV вв.. Дефтери, описи, книги.....	124

<i>Е.А. МЕЛЬНИКОВА</i>	
«Бегство Теодориха». О циклизации германских эпических сюжетов.....	128
<i>Д.С. МИТЮРЁВА</i>	
Операционализация источников по дискуссиям времен гражданской войны в Англии середины XVII века. Опыт создания базы данных и визуализации данных.....	133
<i>Д.Е. МИШИН</i>	
Средневековая персидская легенда о взятии сасанидским царем Ардаширом I крепости Гужаран и ее возможная историческая основа.....	137
<i>М.В. МОИСЕЕВ</i>	
Османская империя в отчетах русских дипломатов XVI века.....	141
<i>И.Ю. НОВИЧЕНКО</i>	
Мазаринады. Потенциал французского источника середины XVII столетия.....	145
<i>А.Д. ПАСКАЛЬ</i>	
Неизвестная румынская версия славянского азбучного стиха «Аз есмь Бог».....	148
<i>М.С. ПЕТРОВА</i>	
Макробиев «Комментарий» в средневековых текстах. Пьер Абеляр.....	153
<i>Е.М. ПОПОВА</i>	
«Кому мне что отдать и на ком что взять». Пример составления завещания в начале XVII века.....	158
<i>В.Л. ПОРТНЫХ</i>	
Ганзейские документы Средневековья и раннего Нового времени в РГАДА. История возникновения фонда № 1490.....	162
<i>А.Г. ПРАЗДНИКОВ</i>	
Тенденции развития источниковедения истории Англии второй половины XV века в новейшей британской историографии.....	164

<i>Е.В. ПЧЕЛОВ</i>	
Западноевропейские эмблематические и геральдические издания XV–XVII вв. как источник для русской дворянской геральдики.....	168
<i>М.А. РЯБОВА</i>	
Торговые посредники в бухгалтерских книгах фирмы Соранцо (Венеция, 1406–1434). Социально-сетевой анализ.....	171
<i>А.И. СИДОРОВ, И.С. ФИЛИППОВ</i>	
Маргиналии в средневековых рукописях. Новые возможности источниковедения.....	175
<i>Н.Б. СРЕДИНСКАЯ</i>	
Приданое, продажа недвижимости и завещание. Защита имущественных прав женщин в актах Северной Италии XIII–XIV веков.....	179
<i>Л.Б. СУКИНА</i>	
Древнерусская икона как визуальный источник. Ценный информационный ресурс или дополнительная проблема для историка?	182
<i>Т.Н. ТАЦЕНКО</i>	
Источниковедческая характеристика указов и служебных писем короля /императора Священной Римской империи Максимилиана I в Архиве СПбИИ РАН.....	186
<i>А.В. УШАКОВ</i>	
Регламентация морских плаваний в Ливонию в 1560–1570 годах и проблема охраны торговых судов в условиях войны. По материалам архива города Любека	191
<i>О.Э. ФРОЛОВА, О.В. СУББОТИНА</i>	
Богослужебные монастырские сборники первой половины XVI в. из собрания Российской национальной библиотеки. Особенности состава и оформления.....	195
<i>Н.П. ЧЕСНОКОВА</i>	
Поствизантийское пророчество о Константинополе. Новое обращение к тексту.....	200

<i>А.В. ЧИРКОВА</i>	
Грамоты приората Бельруа XIII в. в собрании Н.П. Лихачева. Новые находки.....	203
<i>И.Н. ШАМИНА</i>	
Приходо-расходная книга Коломенского архиерейского дома 1706 г. как исторический источник.....	207
<i>Ю.Э. ШУСТОВА</i>	
Символика временных циклов в эмблематической композиции титульного листа книги проповедей Лазаря Барановича «Трубы...» (1674).....	211
<i>А.С. ЩАВЕЛЕВ</i>	
Происхождение хазарского обычая поднятия нового архонта на щите (DAI.38.51–53).....	216
<i>А.Д. ЩЕГЛОВ</i>	
Хроника Адама Бременского и шведские исторические сочинения XV–XVI веков.....	220
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	224

А.И. Агиляр Куэста

КАК УЗНАТЬ СТОИМОСТЬ КАДАСТРА В ИСПАНИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА?

ИСТОЧНИК, ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ КОРПУС И ДАННЫЕ

Процесс централизации и укрепления государств в XV–XVIII вв. привел к возникновению потребности у королей и правителей в получении информации о своих территориях, населении и источниках его доходов с целью установления более эффективной и рациональной системы налогообложения. Именно поэтому во всей Европе кадастр, будь то в текстовом формате или в виде картографических данных, стал мощным инструментом организации налогообложения в тех областях, границы которых часто изменялись в результате присоединения или утраты территорий (в результате войн или матримониальной политики), эпидемий, упадка сельского хозяйства и т.д.

Это привело к развитию процесса создания кадастровых переписей, хотя его скорость и периодичность сильно варьировались в зависимости от страны (Табл. 1).

Таблица 1

Кадастры и кадастровые проекты в Европе (XV–XVIII вв.)

Регион	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.
Италия	6	2	5	11
Франция		1	2	8
Нидерланды		3	1	5

Испания				4
Австро-Венгрия				38
Восточная Пруссия			2	
Швеция			3	3
Дания			1	
Россия	2	4	3	2
Польша		3	3	1
Всего	8	13	20	72

Составлено автором. Источник: Touzery 2007. В Испании к кадастру был причислен «Реестр и общее состояние домов, пещер и земельных участков Мелильи» (*Padrón y estado general de casas, cuevas y solares de Melilla*) на основании содержащейся в нем информации и структуры, составителем которого был Х. Оссорно де Сото, 1753 (Migallón Aguilar 2008).

До XVIII века общеиспанских кадастров не существовало. Однако кадастры создавались в каждом из двух королевств (корон), входивших в состав Испанского государства; такая политическая структура была результатом долгого процесса Реконкисты, начавшегося после арабского завоевания полуострова (711) и завершившегося в 1492 г. взятием Гранады Католическими королями. Это привело к возникновению разных структур собственности и систем налогообложения в зависимости от принадлежности к той или иной короне (Кастилии или Арагону), а внутри каждой из них – в зависимости от региона. В целом, особенно в отношении Кастилии, можно заключить, что в XVIII в. было покончено с поголовной раскладкой налогов, при которой объем податей практически не был пропорционален благосостоянию налогоплательщика, а также с практикой почти полного освобождения от налогового бремени двух сословий: дворянства и духовенства. В случае Арагонской Короны налогообложение

также варьировалось, при этом оно всегда было ниже кастильского. Учитывая эти обстоятельства, надо иметь в виду, что и документация, связанная со сбором налогов, отличалась большим разнообразием. Что касается Гранадского королевства, то для распределения земель после конкисты использовались так называемые межевые акты (*apeos*) и акты о репартименто (*repartimientos*) (акты о распределении между завоевателями владений и имущества на завоеванной территории), сохранившиеся в течение XV и XVI вв., в которых фиксировались земельные участки. Часто межевые книги (*libros de apeos*) использовались и в Кастилии; в настоящее время они находятся в очень плохом состоянии, потому что хранились в деревенских архивах. В Королевстве Арагон, по меньшей мере с XIV века, составлялись так называемые податные описи/списки (*cabreves* или *stimes*), схожие с теми, что были в ходу во Франции для сбора реальной талы (*taille réelle*). В качестве источника знаний о территориях Испании и Америки во времена Филиппа II были созданы так называемые «Топографические донесения» для Пиренейского полуострова и «Географические донесения» для Нового Света. Хотя они не имели фискальной природы, эти документы все же послужили основой для кадастров XVIII века. Их можно рассматривать в качестве прототипа кадастров, так как они содержат кадастровые сведения, то есть информацию фискального типа, но при этом полноценным кадастром они не являются.

Все разнообразие социоэкономической структуры и форм собственности на землю территорий, входящих в Корону Кастилии, отражено в кадастре Энсенеды (1749–1756), названном так в честь инициатора его создания, Зенона де Сомодевилья-и-Бенгоэча, первого маркиза де ла Энсенеда. Речь идет об очень обширной территории: около 372 000 км² и более 15 000 населенных пунктов. В результате было составлено около 80 000 книг и листов.

Несмотря на важность европейских кадастров Нового времени, до сих пор не была проанализирована стоимость такого рода предприятия для очень обширной территории.

В источниках стоимость работ по составлению кадастра можно проследить на двух уровнях: на местном — в отчетах о затратах (*certificaciones de gastos*) на кадастровую оценку каждого населенного пункта; и на провинциальном — в финансовой документации (*documentación de los costes*), подготовленной в счетных палатах (*contadurías*) — учреждениях, отвечавших за надзор и контроль за расходами, а также за копирование документации. Она представлена следующими видами документов:

1. Финансовый отчет провинции или отчет-основание для утверждения финансовых операций провинции (*Certificación general de la Provincia o certificación que acredita la aprobación de las cuentas de dicha provincia*).

2. Поправки или исправления по счетам (*Reparos o correcciones de las cuentas*).

3. Приказы Его Величества (*Órdenes de su Majestad*).

4. Книга регистрации возмещенных расходов (*Pliego de receipts*).

5. Главная книга счетов и подтверждающая документация (*Cuenta general y recados de justificación*).

Несмотря на общую однородность источникового корпуса и его полную комплектность на уровне каждой провинции, документы сильно различаются по своей структуре и порядку в зависимости от конкретной провинции или королевства. Например, в королевствах Гранада или Ла Манча главная книга счетов и подтверждающая документация создавались для каждого населенного пункта, тогда как в других местах они сводились по институциональному принципу: по интендантствам или провинциальным кадастровым комиссиям, а внутри них — по учреждениям, которые занимались организацией кадастровой переписи (аудиенсий — королевских судебных палат).

За исключением королевства Севилья, кадастровое обследование Короны Кастилии обошлось в 59.699.393 реалов веллона, что составило 2,58% от прибыли или налоговой базы. Тем не менее, между провинциями существовали значительные различия, поскольку в Галисии, Бургосе, Леоне, Ас-

турии или Саламанке эта цифра превысила 4%, в то время как в Мадриде или Мурсии она не достигла 1%.

Детальный анализ королевства Хаэн позволяет узнать подробности о расходах каждого учреждения, о жалованье и числе рабочих дней участников кадастровой переписи, а также о затратах на использованные материалы. Так, из общей суммы в размере 1 441 174,32 реала, 721 367,66 реала составили расходы интендантства, 426 618,79 — кадастровых комиссий, 292 165,72 — счетных палат, а оставшиеся 1 022,15 — прочие траты.

Различия в стоимости по провинциям и населенным пунктам обусловлены такими факторами, как размер территории, структура собственности и ее организация, численность населения, разнообразие экономической деятельности, профессионализм переписчиков, и т.д. Эта обширная кадастровая перепись финансировалась королевской властью, создавшей строгие механизмы контроля для предотвращения неправомерных расходов королевских средств.

В заключение важно отметить необходимость дальнейшего изучения и сравнительного анализа стоимости кадастров на европейском уровне, чтобы выявить сходства и различия кадастрового процесса в разных странах.

Перевод выполнен Н.Л. Конюшихиной, которая выражает благодарность Е.Э. Юрчик за помощь и содействие.

БИБЛИОГРАФИЯ

Aguilar Cuesta Á.I. Catastrar las Castillas: racionalidad frente a despilfarro. El coste de la realización del catastro de ensenada en el Reino de Jaén. Tesis doctoral, Universidad Autónoma de Madrid, 2022.

Aguilar Cuesta Á.I. El impacto del territorio y la sociedad en los costes del Catastro de Ensenada. Las “operaciones-piloto” del Reino de Jaén // *CT Catastro*. 2019. № 96. P. 87–110.

Camarero Bullón C. (2002): “El Catastro de Ensenada, 1749–1759: diez años de intenso trabajo y 80.000 volúmenes manuscritos” // *CT Catastro*. 2002. № 46. P. 61–88 (исп.), p. 141–153 (англ.).

- Konyushikhina N.* Los cuestionarios para las Relaciones topográficas de Felipe II y las Relaciones geográficas de Indias de los años 1570 // CT Catastro. 2017. Nº 89. P. 9–30.
- Migallón Aguilar M.I.* Padrón de viviendas, cuevas y solares existentes en Melilla en 1753 elaborado por Joseph de Ossorno // CT Catastro. 2008. Nº 63. P. 99–120.
- Platonova N.V.* Agrimensores y Catastro general en el Imperio ruso (siglos XVIII–XIX) // CT Catastro. 2017. Nº 90. P. 9–44.
- Touzery M.* (edit.). De l'estime au cadastre en Europe, XIIIe–XVIIIe siècles. Deuxième partie: l'époque moderne. París, 2007.
- Vallina Rodríguez A., Konyushikhina N.* Los interrogatorios de los catastros españoles de la Edad Moderna: fuentes geohistóricas para conocer los paisajes y las sociedades // CT Catastro. 2017. Nº 90. P. 39–63.
- Vallina Rodríguez A., Aguilar Cuesta Á.I., García Juan L., Bernabé Crespo M. B., Bringas Gutiérrez M.A., Camarero Bullón C.* Discovering the Legacy of Hispanic/Spanish and South American Landscapes through Geohistorical Sources: The Geographical and Topographical Relations of Philip II // Sustainability. 2022. 14(3), 1306; <https://doi.org/10.3390/su14031306>.

М.Ю. АНДРЕЙЧЕВА

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Настоящий доклад имеет цель проанализировать основные принципы и подходы к публикации летописных текстов в цифровой среде, оценить полноту и удобство предлагаемых для их исследования инструментов и наметить перспективы развития электронного представления летописей в интернет-пространстве.

Появление интернета и сканирующей техники позволили в 2000-е годы оцифровать и выложить в открытом доступе для исследователей древнерусской книжности Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Этот шаг был закономерным, так как ПСРЛ, содержащая оригинальные тексты летописей с разночтениями по различным спискам и научно-справочный аппарат (примечания, указатели и проч.), долгие годы служила основным источником в изучении летописания, поскольку для большинства исследователей подлинные рукописи летописей, хранившиеся в архивах и библиотеках, были труднодоступны. Из наиболее полных интернет-ресурсов, которые поставили перед собой задачу предоставить исследователю возможность работать с ПСРЛ онлайн, необходимо отметить проект Челябинского государственного университета «Полное собрание русских летописей» (http://psrl.csu.ru/toms/Том_01.shtml), страницу Википедии «Полное собрание русских летописей», проект Руниверс (https://runivers.ru/doc/rusland/letopisi/?SECTION_ID=19639, опубликовавший первые десять томов первого издания ПСРЛ 1843–1885 гг. и другие ресурсы).

Параллельно в архивах и библиотеках, содержащих рукописи с летописными сводами, началась оцифровка этих памятников. Эта тенденция была связана, прежде всего, с необходимостью обеспечения их сохранности и одновременно предоставления широкому пользователю знакомства с ними *de visu*. Из такого рода проектов необходимо отметить оцифрованные летописи на сайтах РГАДА, Отдела рукописей РГБ, РНБ и др. В большинстве своем на этих ресурсах рукописи сопровождаются лишь кратким описанием. О необходимости сопроводить рукопись летописи широкими поисковыми возможностями и научно-справочным сопровождением позаботилась только Российская национальная библиотека. Библиотека осуществила проект факсимильного издания Лаврентьевской летописи (<https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/project1.html>) в электронном виде на основе разработанной специалистами РНБ информационно-поисковой системы «Депозитарий», которая служит для формирования базы данных рукописных фондов. Этот инструмент позволил соединить цифровую копию рукописи с поисковым справочным аппаратом базы. Оцифрованные страницы манускрипта были представлены в сопровождении транслитерированного текста летописи и его перевода на русский язык. Информационно-поисковая система «Депозитарий» дала возможность исследователю осуществлять поиск по летописи по следующим параметрам: по погодной дате, по имени упоминаемого лица, по слову/фразе в транслитерированном тексте и переводе. Именной поиск был сопровожден примечаниями биографического и исторического характера. Безусловно, необходимо отметить положительный опыт такого рода представления летописи, поскольку оно дало инструменты, необходимые для разностороннего анализа текста, тем самым существенно расширив возможности его изучения.

Похожей целью — представить летописный текст с максимальными поисковыми возможностями — задан ресурс «Славянское письменное наследие» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=23>), на котором были опубликованы несколько летописных сводов — Лаврентьевская, Ипатьевская, Рад-

зивиловская летописи, Новгородская первая летопись по Синодальному списку и Новгородская первая летопись по Комиссионному списку. Электронные издания были снабжены поисковым аппаратом, позволяющим получить сведения о составе памятников, их языковых особенностях: графике, орфографии, лексике и грамматике. Таким образом, разработчики сайта предоставили исследователям широкие возможности для лингво-текстологического исследования летописных текстов.

Приведенные примеры публикации летописей (с расширенными возможностями поиска и научно-справочным сопровождением) имеют свои недостатки: встречающиеся техническое несовершенство, сложность запросных поисковых форм, обращение к устаревшим переводам и комментариям. Тем не менее общую тенденцию развития электронных публикаций летописных текстов — предоставить исследователю не только текст летописи, но и специальные инструменты для его изучения — можно, безусловно, расценивать как положительную.

М.Ц. АРЗАКАНЯН, А.А. ГЕРЦЕН

ПИСЬМЕННЫЕ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПО ИСТОРИИ ВЛАХОВ

Происхождение и история народа влахов, потомков романизованного населения Римской империи и предков молдаван и румын, уже несколько столетий вызывают научные споры. Современные ученые, занимающиеся данной проблемой (Рабинович 2011; Гросул 2014, 2021; Stamati 2019; Арзаканян 2020; Арзаканян, Герцен 2021, 2022 и др.) единодушно признают, что и в первой четверти XXI в. она далека от разрешения. В своих предположениях исследователи опираются на различные источники, которых не так много. Порой историки в зависимости от их конкретной специализации привлекают лишь некоторые из них, игнорируя другие. Поэтому и интерпретации вопроса бывают самые разные, иногда противоречивые. Мы поставили перед собой цель представить основной корпус имеющихся на сегодняшний день источников по истории народа влахов, чтобы в очередной раз привлечь внимание научного сообщества к этой нерешенной проблеме. Речь пойдет о письменных свидетельствах, антропологических данных и старинных географических картах.

До сих пор остается доподлинно неизвестным происхождение влахов. Это связано с тем, что после распада Римской империи какие-либо письменные источники о судьбах романизованного населения в ее придунайских землях отсутствуют. Существуют различные версии и этнонима «влахи». Обратим внимание на заключение известного советского российского антрополога Т.И. Алексеевой и ее коллег о том, что «влахи считаются потомками романизованных иллирий-

ских и фракийских племен северной части Балканского полуострова», а их язык — «древний романский диалект, приближенный к итальянскому» (Алексеева 2003).

Проживание владх на обширных территориях Карпато-Дунайского региона фиксируют достаточно многочисленные письменные средневековые источники. Наиболее раннее упоминание о владхах (волохах) зафиксировано под 898 г. в «Повести временных лет». В летописи указывается, что они жили к западу от Карпат (ПСРЛ 1997: 25). На их локализацию там же в XII в. указывает анонимный писатель венгерского короля Белы III. Венгерские грамоты первой четверти XIII в. свидетельствуют о том, что владхи достаточно плотно проживали на территории Трансильвании. Об этом же повествуется в самом конце XIII в. хронист Оттокар Штирийский.

О владхах писали и византийские историки. Первым о них упомянул историк конца XI в. Иоанн Скилица. Многочисленные высказывания о владхах содержатся в «Советах и рассказах Кекавмена» (XI в.). В Византии об этом народе продолжали писать вплоть до начала XIII в., в частности, Иоанн Киннам, Никита Хониат, Анна Комнина (Литаврин 1972). Все они утверждают, что владхи проживали на юго-востоке и востоке от Карпат.

Не менее сложным, чем происхождение, остается вопрос о передвижении (миграции) владхов на север от Дуная, т.е. на территорию сегодняшнего проживания их потомков — восточных романцев (румын и молдаван). В письменных источниках XIII–XIV вв. об этом нет никаких сведений. В результате историкам нового и новейшего времени пришлось выстраивать свои гипотезы на сведениях из многочисленных летописей, записанных лишь в XVI в., но затрагивающих более ранние события. Самая известная из них — «Русская летопись съ Воскресенского списка подаренного въ оной Воскресенской монастырь Патриархомъ Никономъ в 1658 году» (Русская 1793). Однако восстановить действительную канву событий по этой и другим летописям затруднительно. Как писал известный молдавский российский этнограф В.С. Зеленчук, «летописи, включающие в свой текст устные народные предания, зачастую придавали тем или иным свиде-

тельствам причудливые фольклорные формы» (Зеленчук 1973), а историк Л.Л. Полевой добавлял, что в летописях отражались «какие-то действительные события и исторические лица, хотя все окутано мистическими явлениями и происходит в легендарно смещенных временных измерениях» (Полевой 1990).

Из-за отсутствия в письменных источниках точных сведений о перемещениях владх, исследователи проблемы, начиная с XVII в., выдвинули три гипотезы появления предков восточных романцев на их сегодняшней родине (Полевой 1972) — автохтонную, миграционную и смешанную (так называемой адмиграции). Сегодня большинство отечественных историков, работающих с письменными источниками, склоняются или к миграционной концепции, или к теории адмиграции. Перемещение владх с запада на восток подтвердила своими исследованиями и советский российский антрополог М.С. Великанова (Великанова 1993).

Уже в XII–XIII вв. в письменных источниках появляется имя собственное Влахия применительно к Балканскому полуострову — Великая Влахия (в Фессалии и горах Пинда), Малая Влахия (в Акарнии и Этолии). На дошедших до нас географических картах оно впервые присутствует с середины XV в. (Паскарь, Герцен 2021). Этим названием обозначены земли в Северо-Западном Причерноморье: Влахия Великая (*Vlahia granda*) и Влахия малая (*Vlahia pizola*) — на карте Андреа Бьянко и Фра Мауро 1450 г. (Bianco, Fra Mauro 1450), Великая Валахия (*Valachia Magna*) на карте Н. Кузанского 1460 г. (переиздана в 1491 г.; Nicolas de Cusa 1460, 1491), Валахия (*Walachia*) — на карте Х. Шеделя 1493 г. (Schedel 1493).

Хотелось бы надеяться, что современный уровень развития информационных технологий, массовая оцифровка архивных и библиотечных фондов, будут делать их все доступнее для изучения колоссального наследия старинных рукописей, книг и карт. И это, в свою очередь, позволит обнародовать новые сведения по сложной истории владх.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В.* Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.
- Арзаканян М.Ц.* К вопросу о раннем этногенезе молдаван в советской историографии // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 251–257.
- Арзаканян М.Ц., Герцен А.А.* Владислав Якимович Гросул — автор концепции этногенеза молдаван // Stratum plus. 2022. № 6. С. 27–39.
- Арзаканян М.Ц., Герцен А.А.* Современные концепции раннего этногенеза молдаван // Вопросы истории. 2021. № 6 (1). С. 36–60.
- Великанова М.С.* Антропология средневекового населения Молдавии: по материалам памятника Старый Орхей. М., 1993.
- Гросул В.Я.* Откуда и когда пришли молдаване в Марамуреш? — Электронный ресурс [режим доступа: <https://izborsk.md/otkuda-i-kogda-prishli-moldavane-v-maramuresh/>, дата обращения — 20.04.2023].
- Гросул В.Я.* Проблема этногенеза молдаван. — Электронный ресурс [режим доступа: <https://ava.md/2014/05/10/problema-etnogeneza-moldavan/>, дата обращения — 20.04.2023].
- Зеленчук В.С.* Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван // Историографические аспекты славяно-волошских связей: Резюме докладов сессии Научного совета 1973 г. Кишинев, 1973. С. 11–22.
- История Молдовы в 3-х томах. Кишинев, 2016. Т. 1: Страна Молдова в эпоху Средневековья (XI–XVII века).
- Литаврин Г.Г.* Влахи византийских источников X–XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века / Отв. ред. Я.С. Гросул. Кишинев, 1972. С. 92–138.
- Паскарь Е.Г.* Неизвестная Молдавия. Одесса, 2014.
- Паскарь Е.Г., Герцен А.А.* Историко-географическая эволюция Бессарабии по сведениям старинных карт // InterCarto. InterGIS. 2021. Т. 27. Ч. 4. С. 415–433.
- ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись.
- Полевой Л.Л.* Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель (Феодальная и буржуазная историография XVII – первой половины XX в.) // Юго-Восточная Европа в средние века / Отв. ред. Я.С. Гросул. Кишинев, 1972. С. 46–91.

- Полевой Л.Л.* «... И с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев, 1990.
- Рабинович Р.А.* Балканские волохи и русские волхвы. К истокам происхождения. Саарбрюккен, 2011.
- Рабинович Р.А.* Искушение «Волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы // *Stratum plus*. 2000. № 5. С. 262–390.
- Русская летопись съ Воскресенскаго списка подареннаго въ оной Воскресенской монастырь Патриархомъ Никономъ въ 1658 году. Первая часть. СПб., 1793. С. 53–58.
- Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул, отв. ред. В.И. Буганов. М., 1976.
- Bianco A., Fra Mauro.* Planisfera. Venetia, 1450.
- Nicolas de Cusa.* Quod pictum est parva Germania tota tabella... Roma, 1460 (1491).
- Schedel H.* [Charta] — Das buch der Cronicken... Norimbergae, 1493.
- Stamati Iu.* The Slavic Dossier. Medieval Archaeology in the Soviet Republic of Moldova: Between State Propaganda and Scholarly Endeavor. Leiden; Boston. 2019 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 53).

О.В. АУРОВ

РАННИЕ ХРОНИКИ НА РАЗГОВОРНЫХ ЯЗЫКАХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

НА ПРИМЕРЕ «ИСТОРИИ ИСПАНИИ»
АЛЬФОНСО Х МУДРОГО

В докладе предполагается рассмотреть весь круг основных источниковедческих проблем, обусловленных особенностями содержания ранних западноевропейских хроник на разговорных языках. В качестве объекта исследования выступает написанная на старокастильском языке хроника «История Испании» (*Estoria de España*, далее — *EE*), составленная под руководством Альфонсо X Мудрого (1252–1284) в 1270–1280-х годах. Целью Мудрого Короля являлось представление истории политий и народов Пиренейского полуострова — земель бывшей римской Испании — как единого целого. В свою очередь, это должно было способствовать формированию новой, общеиспанской, идентичности элит христианских королевств Пиренейского полуострова — Кастилии и Леона, Португалии, Арагонской Короны, Наварры. В массе своей не знавшая латыни (а подчас и вообще неграмотная) светская знать и являлась главным адресатом хроники. В качестве же конечного результата своей политики Альфонсо X видел гегемонию Кастилии и Леона в границах древней римско-вестготской Испании.

Строго говоря, достижение этой политической цели определяло всю политику Мудрого Короля, включая завершение «быстрой реконкисты» земель мусульманского юга (завершившейся захватом Ньеблы в 1262 г.), планы продолжения экспансии в южном направлении, вплоть до завоевания Марокко, провозглашенные на кортесах в Севилье (1261 г.)

(*fecho de allende*) (этим планам не суждено было сбыться), а также борьбу за вакантный престол Священной Римской империи (*fecho del imperio*, 1256–1275). В конечном итоге те же цели преследовала и культурная политика короля, важнейшей составляющей которой являлось превращение одной из диалектных форм старокастильского языка в полноценный литературный язык, пригодный для составления памятников ученой, исторической, юридической и иной мысли, делопроизводства и т.д. Этот старокастильский диалект, изначально являвшийся одним из многих вариантов *romançe* — романских разговорных диалектов (леонских, арагонских, галисийско-португальских), сложившихся на полуострове к началу Высокого Средневековья, лишь часть из которых получила дальнейшее развитие, изменился до неузнаваемости в королевской канцелярии и многочисленных «альфонсовых мастерских» по созданию новой литературы *lato sensu*. По темпам и результатам своего развития официальный старокастильский Альфонсо X обогнал не только другие пиренейские романские диалекты, но и едва ли не все разговорные языки тогдашней Латинской Европы. И это полностью соответствовало цели Мудрого Короля, стремившегося дать полуострову (и его светским элитам) новый единый язык, на котором были «проговорены» и «прописаны» ключевые военно-политические реалии прошлого и настоящего, включая ономастику.

Появление масштабного исторического сочинения на этом языке, каковым являлась *EE*, которая должна была охватить период от начала испанской истории до середины XIII в. (то есть до начала правления Альфонсо X), знаменовало собой новый этап в истории как старокастильского языка, так и написанных на нем памятниках историографии. К моменту появления *EE* уже существовали тексты историографического жанра, написанные на романских диалектах. К их числу следует отнести созданные в первые десятилетия XIII в. отдельные краткие анналы, отдельные местные хроники (прежде всего, «Хроника заселения Авилы»), а также памятники феодального эпоса и ранние рыцарские романы («Книга об Александре», «Поэма о Сиде», «Поэма о Фернанде Гонса-

лесе и др.). Последние (наряду с другими функциями) также выступали в качестве форм сохранения и передачи исторической памяти и сыграли свою роль в формировании специальной лексики, пригодной для фиксации информации о прошлом. Разумеется, эта традиция была учтена при составлении *EE*. Более того, использование эпических поэм в качестве одного из источников хроники — в тексте *EE* подробно пересказаны едва ли не все важнейшие пиренейские «песни о деяниях», включая «Песнь о Роланде», «Поэму о Сиде», «Поэму о Фернанде Гонсалесе», в том числе не сохранившиеся в оригинальной форме («Поэма об инфантах Лара» и некоторые др.) — было мотивировано не только лингвистическими соображениями, но и стремлением сделать шаг навстречу феодальной знати, ценностные установки которой получили отражение в этих памятниках.

Вместе с тем, в содержательном плане *EE*, в первую очередь, продолжила историю латинской хронистики в Кастилии и Леоне. В том, что касается концепции, можно указать на прямую преемственность с латинской хроникой «История об испанских событиях» Родриго Хименеса де Рада (ум. в 1247), пространной версии его же «Готской истории» (1243). Именно эта хроника первой предложила концепцию единой истории пиренейских политий. Кроме того, важным латинским источником стала «Всемирная хроника» Луки Туйского (ум. в 1249), доведенная до 1236 года и отразившая леонский взгляд на историю народов и политий Испании. Вместе с тем, при составлении *EE* были использованы и другие латинские источники. В числе хроник выделю, в первую очередь, «Хронику Евсевия–Иеронима» и ее позднейшие продолжения, сочинения Сигиберта из Жамблу (ум. в 1112) и Мартина Оповского (ум. в 1279), определившие временную шкалу *EE* и круг запиренейских сюжетов (история Византийской империи до 800 г., история Империи Каролингов и каролингских династий до начала XI в. и др.). «История против язычников» Павла Орозия предсказуемо стала главным источником по истории Рима (изложенной достаточно подробно), «Гетика» Иордана — по истории готов и других варварских народов времен Великого переселения, а «Историческое зер-

цало» Винсента из Бове (ум. в 1264) довольно неожиданно оказалось, помимо прочего, источником сведений о содержании «Жизни двенадцати цезарей» Светония, недоступной Альфонсо X и его анонимным соавторам в оригинале. В завершение к этому перечню следует добавить десятки других латинских текстов разного времени — от «Героид» Овидия до «Истории римлян» Родриго Хименеса де Рада.

Значимость *EE* для политики Мудрого Короля предопределила сложный путь поиска адекватной модели повествования. Сначала хроника писалась как история завоеваний Испании внешними врагами — от таинственных альмухусов до мусульман (1270–1274 гг., так называемая Изначальная версия), затем превратилась в хронику королей (1282–1284 гг., так называемая Критическая версия), а позднее была доработана при Санчо IV (1284–1295), сыне Мудрого Короля (так называемая «Хроника 1289 г.»), причем и на этом история текста *EE* не завершилась. В докладе будет обращено особое внимание на необходимость учета в процессе исследования текстологии памятника, степени ее отражения рукописной традицией и существующими изданиями и т.п.

Наконец, отдельный вопрос, требующий внимания источникововеда-медиевиста, который также будет освещен в докладе, касается форм использования памятников, типологически соотносимых с *EE*, в процессе исторического исследования, а также соотношение их данных с информацией других видов источников.

М.Р. БЕЛОУСОВ

**РОСПИСЬ КРЕСТЬЯНСКИХ И БОБЫЛЬСКИХ
ДВОРОВ В ПОМЕСТЬЯХ И ВОТЧИНАХ
СТРЯПЧИХ ПО ПЕРЕПИСНЫМ, ОТКАЗНЫМ,
ОТДЕЛЬНЫМ КНИГАМ И «СКАЗКАМ»
СЕРЕДИНЫ ИЮЛЯ 1653 ГОДА**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Известно, что с 13 по 28 июня 7161/1653 г. проходил конный смотр служилых людей московских чинов: «Июня в 13 день государь... за городом, на Девичье поле, изволил смотреть свой государев двор, столников, и стряпчих, и дворян московских, и жилцов, со всею их службою... Июня в 28 день... пошел государь с Девичья поля к Москве» (I. Стб. 355–357).

Стряпчие, как и другие служилые люди, на этом смотре подали «сказки» о готовности к полковой службе, а именно: о собственной боеготовности, о числе «людей з боем», о количестве принадлежащих им крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии у них поместий и вотчин, в редких случаях — о «кормовом» обеспечении (II).

Роспись крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих по переписным, отказным, отдельным книгам и «сказкам» (III. Л. 2–253; пропущен л. 40; самоназвание документа — «список» (III. Л. 77)) справлена подьячим Поместного приказа С. Несветаевым (III. Л. 253 об.), скреплена дьяком Поместного приказа И. Хрипковым (III. Л. 216 об.–217 об.; 253). Цель составления росписи крепостных дворов — проверка достоверности сведений о количестве крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии поместья и вотчины в поданных стряпчими на конном смотре в середине

июня 1653 г. «сказках» на основе их сопоставления с количеством дворов, «сысканных» за каждым стряпчим в переписных, отказных, отдельных книгах. Таким образом, роспись, отложившаяся в фонде Разрядного приказа, была составлена в Поместном приказе.

Роспись датируется по содержанию серединой (после 10-го) июля 1653 г.: о незарегистрированной в Поместном приказе купленной вотчине Е.Н. Неелова сообщается, что о ее записи «и челобитья ево нынешняго, 161-го, году июля по 10 день не бывало» (III. Л. 197), иначе говоря, работа с документацией по составлению росписи крепостных дворов велась по 10 июля 1653 г. Видимо, роспись не могла быть составлена позже 21 июля 1653 г., поскольку в помете на обороте поданной на смотре «сказки» дворянина московского кн. И.А. Голицына указано: «Скаски дворянские. 161-го июль в 21 день принес в Розряд ис Помесново приказу подьячей Григорей Козлов» (IV. Л. 2 об.). «Сказки» стряпчих, как и «сказки» дворян московских (а также роспись крепостных дворов), отложились в фонде Разрядного приказа, а следовательно, были возвращены в этот приказ из Поместного вместе с составленной в последнем росписью крепостных дворов. Вероятно, передача «сказок» стряпчих и росписи в Разряд состоялась тогда же, когда и возвращение «сказок» дворян московских, во всяком случае, около 21 июля 1653 года.

В основу перечней стряпчих росписи крепостных дворов (стряпчие (начало с заголовком перечня утрачено; III. Л. 2–216), стряпчие «больные» (III. Л. 216–222), стряпчие «в нетех» (заголовок отсутствует; III. Л. 223–224), стряпчие «в городех в воеводах, и на приказах, и в отсылке, и в отпуску» (III. Л. 224–235), стряпчие в рейтарской службе (III. Л. 235–248), «стряпчие ж, а за ними в Помесном приказе поместей и вотчин не сыскано» (III. Л. 249–253, в том числе: основная часть перечня, III. Л. 249–252; стряпчие «в нетех», III. Л. 252; стряпчие в городах с отцами, в отсылке, в воеводах (общий для всех лиц подзаголовок отсутствует), III. Л. 252–253; стряпчие в рейтарской службе, III. Л. 253)), кроме перечня беспоместных и безвотчинных стряпчих (III. Л. 249–253), были поло-

жены перечни стряпчих «половинного» боярского списка июня 7161/1653 г. (V).

Начало росписи стряпчих (видимо, один лист с заголовком и статьей о дворовладении кн. А.Н. Юсупова) не сохранилось. Порядок расположения листов: III. Л. 6, 3, 4, 5, 2, 7–16, 20, 19, 23, 22, 21, 17, 18, 24, 25, 27, 26, 28–39, 41–253.

Основная часть перечня беспоместных и безвотчинных стряпчих (III. Л. 249–252) была составлена не посредством выборки из перечня стряпчих (III. Л. 2–216) имен лиц, при именах которых указано, что за ними «в живущем» «не сыскано», но, очевидно, на основании какого-то перечня стряпчих, в котором были указаны лишь дворы, принадлежащие им по переписным книгам.

Некоторые стряпчие не подали «сказки». Каждый случай отсутствия «сказки» у лица из перечня стряпчих (III. Л. 2–216) специально оговаривается в росписи крепостных дворов. Не сообщается о поданных «сказках» в перечнях стряпчих «больных», «в нетех», «в городех в воеводах, и на приказах, и в отсылке, и в отпуску», в рейтарской службе (III. Л. 216–248).

Очевидно, каждый стряпчий также должен был явиться в Поместный приказ для «справки» (пояснений служилого человека; в ряде случаев отмечается, что имярек «к справке не бывал» (III. Л. 53)). «Справка» предусматривалась даже в том случае, если расхождения данных Поместного приказа со сведениями «сказки» не было. Если у «справки» выяснялись не известные документам Поместного приказа сведения о дворовладении служилого человека, он подавал письменную «сказку» у «справки», как правило, заверяя ее рукоприкладством.

В росписи крепостных дворов, так же как и в «половинных» боярских списках мая (IV. Л. 458–579) и июня 7161 г., не указаны стряпчие — головы стрелецкие А.С. Матвеев и С.С. Коквинский (они значатся в «подлинном» боярском списке 7161 г. (VI. Л. 31, 34)). В то же время в роспись крепостных дворов, так же как и в «половинные» списки мая и июня 7161 г. (в майском списке в виде более поздней вставки), записан

стряпчий М.И. Еропкин (III. Л. 179, 251), имя которого отсутствует в «подлинном» боярском списке 7161 года.

В перечень стряпчих «в нетех» росписи крепостных дворов включено имя кн. И.П. Вяземского (III. Л. 223). Это имя значится и в трех боярских списках — «подлинном» 7161 г. и «половинных» мая и июня 7161 г. (причем в «половинных» — в перечнях стряпчих «в нетех»). В июньском «половинном» списке при этом имени впоследствии была сделана помета — «161-го после смотру Вяземские родом в Розряде сказали, что у них в роду такова в стряпчих нет» (V. Л. 293).

Количество стряпчих в росписи крепостных дворов — 336 чел. (без имен князей И.П. и И.С. Вяземских, которых не было). Общая же численность стряпчих в середине июня 1653 г. (на начало проведения конного смотра) на основании данных «подлинного» боярского списка 7161 г. и «половинных» списков мая и июня 7161 г. определяется в 338 чел. (включая А.С. Матвеева и С.С. Коковинского). Таким образом, роспись крепостных дворов дает практически достоверные сведения о численности и персональном составе стряпчих на середину июня 1653 года.

ИСТОЧНИКИ

- I — Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением с. е. и. в. канцелярии. СПб., 1852. Т. III.
- II — РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Ед. хр. 1081. Столп. 5, 7.
- III — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1088. Столп. 2.
- IV — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 234.
- V — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 233.
- VI — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1133. Столп. 3.

А.А. БОНДАРЕНКО

РЕАЛИИ XVI ВЕКА В РОДОСЛОВНОМ ПАМФЛЕТЕ О СУКИНЫХ

Генеалогические пасквили и родословные памфлеты — феномен придворной культуры Русского государства XVI–XVII вв., возникший на фоне существования социального института местничества. Ориентированные на дискредитацию соперников в ходе местнических разбирательств, пасквили и памфлеты создавались параллельно с процессом разработки титулованным и нетитулованным дворянством родословных легенд и составлением родословных росписей. Выявление сохранившихся списков «местнических справочников» и отдельных памятников письменности, имеющих черты пасквиля, их датировка, установление степени достоверности включенных в них сведений, разработка типологии этих источников является значимой задачей исторической науки.

Введенный в научный оборот Н.П. Лихачевым (Лихачев 1888: 215–216. Прим. 2) и повторно опубликованный Ю.В. Татищевым (Татищев 1910: 66–67), родословный памфлет о Сукиных хорошо известен в историографии, но до сих пор не изучался как исторический источник. Лихачев справедливо связал создание этого памятника с местническим спором между думным дьяком С.И. Заборовским и окольным О.И. Сукиным, начавшимся весной 1663 г. и все еще продолжавшимся летом-осенью 1664 г. (РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–5).

Текст памфлета может быть условно поделен на три части. Первая из них, наиболее объемная и носящая «литературно-сатирический» характер, включает легенду о «нечестном» происхождении видных деятелей середины — второй половины XVI в. братьев Бориса и Федора Ивановичей

Сукиных, «бесстыдным» приобретении ими родового прозвания при косвенном участии Ивана IV и сведения об их последующем возвышении, которому они якобы были обязаны дьякам Щелкаловым. Вторая часть памфлета представляет собой краткую родословную роспись Сукиных. Заключительные статьи пасквиля содержат известия о «службах» Сукиных-однофамильцев в XVII в. и записи местнических «потерек» печатника Б.И. Сукина.

Анализ содержания памфлета указывает как на присутствие в нем бесспорно вымышленных сведений, призванных скомпрометировать происхождение Сукиных, так и на знакомство составителя с реальными фактами служебных биографий Федора и Бориса Ивановичей. Цель работы — установить степень достоверности приведенных анонимным автором памфлета сведений и определить круг использованных им источников.

Первое известие о Борисе Сукине автор пасквиля отнес к 1545/46 г., когда тот встречал великого князя Ивана Васильевича в предместье Пскова. Это прямая отсылка к уникальному сообщению Постниковского летописца о наместничестве Сукина в псковском пригороде Воронач, который в 1546 г. посетил Иван IV во время поездки на богомолье в северо-западные монастыри.

Б.И. Сукин предстает в памфлете дьячком псковской всегородной избы, его брат Федор — ярыжным человеком с псковской воскобойни, то есть выходцем из податного сословия. Являясь в конце XV–XVI в. землевладельцами Суздальского, Коломенского уездов и Водской пятины Новгородской земли, Сукины, за исключением кратковременного наместничества Бориса Ивановича в Вороначе, не были связаны с Псковом, однако именно такая подача начальной истории их рода коррелирует с обвинениями С.И. Заборовского в адрес О.И. Сукина (худородность, дьяческое происхождение, служба предков в «худых» чинах).

Значимой для составителя пасквиля «потерькой» Б.И. Сукина была его служба в дьяках в «[70]57 году». Это известие читается в нескольких редакциях разрядных книг под 7056 г. и относится к зимнему походу 1547/48 г. на Казань, во время

которого дьяк Сукин оставался в свите царицы во Владимире. В Эрмитажном списке разрядной книги 1475–1605 гг. напротив имени Сукина помещена помета «Осипов прадед родной» (имеется в виду окольный О.И. Сукин), впервые отмеченная В.И. Бугановым и являющаяся зримым свидетельством деятельности анонимного автора памфлета.

В 7062 (1553/54) г. Б.И. Сукин «по промыслу Щелкаловых» был отправлен в Мещеру «Шацкого города ставить» вместе с князем Д.С. Шестуновым и С.Г. Сидоровым. Известие «О поставлении города в Шатьских воротех» включено в Никоновскую, Александро-Невскую, Лебедевскую летописи и Царственную книгу, пространную и сокращенную редакции разрядных книг. В источниках несколько разнятся детали этого события, датируемого ими 1552 или 1553 г., но в каждом из них Сукин выступает неизменным участником «поставления» Шацка.

Как отмечено в памфлете, в «[70]67 и [70]68 годех» Б.И. Сукин «меньше был Михайла Лыкова» в Чебоксарах. Согласно разрядным книгам 1475–1605 и 1550–1636 гг., Сукин получил назначение в Чебоксары третьим воеводой после князя П.А. Куракина и М.М. Лыкова, где «годовал» с ними либо в 1558/59 г., либо в 1558 и 1559/60 г. «Государевы разряды» редакций второй половины XVI в. эту информацию не приводят.

О боярине Ф.И. Сукине (ум. в 1565 г.) составитель пасквиля сообщает, что после службы в «ярыжных» он был недельщиком в «Московском [судном] приказе» (известен только с 1581 г.), затем благодаря доносительству («за доводы и клеветы») и «заступленью» Щелкаловых был пожалован в казначеи (руководил Казенным приказом с середины 1540-х по 1560 г., когда Щелкаловы еще не вышли на политическую сцену). Далее говорится о двух посольствах в Литву, в которых Сукин участвовал с боярином В.М. Юрьевым (1554 г.) и боярином И.М. Воронцовым (1556 г.). Эти дипломатические миссии упомянуты в Лебедевской и Никоновской летописях, подробно описаны в документах Посольского приказа (4-я посольская книга).

В основе вполне определенных известий пасквиля о страхе братьев Сукиных, которых те подтолкнули к грехопадению и за счет этого добились расположения Щелкаловых, о родственных связях Сукиных с Пушкиными, а последних — с князьями Хилковыми, о некоем инциденте, имевшем место с представительницей рода Писемских, могла лежать какая-то устная традиция. Анализ синодиков-помянников нескольких монастырей, вкладчиками которых были Сукины и Пушкины, позволяет допустить, что дочери думного дворянина Е.М. Пушкина были выданы замуж за В.Б. Сукина и князя А.Д. Хилкова — как об этом и сообщает автор памфлета.

Не принимая во внимание «литературно-сатирическую» составляющую памфлета о Сукиных и ряд имеющихся в нем анахронизмов (указание, что братья Борис и Федор Ивановичи были креатурами Щелкаловых, названия приказных учреждений, неточности в датах), следует прийти к выводу, что в той части, которая поддается проверке, это произведение отличает высокая степень достоверности. Главным источником заимствования сведений для анонимного автора ожидаемо стали разрядные книги и, вполне вероятно, летописи и посольские книги.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888.

Татищев Ю.В. Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 145 (Приказ Великого княжества Смоленского). Оп. 1 (столбцы). Ед. хр. 4 (1664 г.). Л. 1–5.

Ю.Е. ВЕРШИНИНА

КОНЦЕПТ *DOMUS* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПАВЛА ДИАКОНА КОНТИНУИТЕТ ИЛИ ДИСКОНТИНУИТЕТ С АНТИЧНЫМИ/ИМПЕРСКИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О НЕМ

Исследователи уже довольно долгое время ведут поиски социальной группы, которую можно было бы рассматривать в качестве прототипа современной европейской нуклеарной семьи. Некоторые из них считают таковыми коллективы, обозначавшиеся в средневековых источниках как *familia* и *domus*, хотя социальные группы, на которые эти два слова указывали в классической античной традиции, были по многим своим характеристикам весьма далеки от искомого общества.

В связи с этим представляется необходимым определить значения, в которых слова *familia* и *domus* использовались в раннесредневековых текстах, с целью установления континуитета или дисконтинуитета в их восприятии раннесредневековыми авторами по сравнению с античной / имперской традицией.

Источниками подобного анализа в нашей работе выступают произведения Павла Диакона — одного из крупнейших раннесредневековых писателей и видного деятеля Каролингского возрождения. Среди созданных им произведений присутствуют сочинения, относящиеся к различным жанрам (историописание, агиография, поэтические и энциклопедические труды). Кроме того, одна из его работ — «Римская история» — представляет собой переработку «Бревиария» Евтропия, а другая — «О значении слов» — эпитому сочинения другого римского писателя Секста Помпея. Таким образом,

Павел Диакон только являлся весьма образованным человеком, хорошо знавшим латынь, но и был в достаточной мере знаком с античной литературной традицией.

Р. Саллер выявил четыре основных значения, в которых слово *domus* использовалось в античной литературной традиции:

- группа домочадцев, подвластных одному *dominus* (*the household including family and slaves*);
- коллектив родственников, в том числе предков (*the broad kinship and ancestors and descendants, the domain in which the dominus exercised his control*);
- жилище (*the physical house*);
- наследие (*patrimony*) (Saller 1984: 342).

В более ранней «Римской истории» слово *domus* встречается всего 8 раз (*familia* упоминается в этом сочинении 7 раз, но только в первой его части, написанной на основе «Бревиария» Евтропия). В первой части «Римской истории», представляющей собой сокращенный вариант «Бревиария», *domus* упоминается трижды. В двух из них (Pauli 1879: 7, I 4; 46, V 7) речь идет о месте жительства (резиденции). Павел не вносил каких-либо правок в эти сюжеты, дословно приводя текст Евтропия, что говорит о его согласии с тем значением, в котором употреблялось здесь слово *domus*. Обращает на себя внимание мотив разрушения *domus*'а, который присутствует в обоих этих сюжетах, но не встречается в других сочинениях автора «Римской истории» (хотя присутствует сюжет с его оставлением). Интересно также отметить, что сначала Павел приводит сообщение о том, как бежавший в Италию Сатурн научил людей, живших здесь, строить дома (Pauli 1879: 3, I 1a), а затем рассказывает о разрушении *domus*'ов. При этом, в обоих случаях оно становится следствием внешнего воздействия и совпадает со смертью владельца или утратой его семьей положения в обществе и изгнанием. В главах XI–XVI, представляющих собой более самостоятельный нарратив, *domus* для указания на место жительства / резиденцию используется лишь единожды (Pauli 1879: 114, XIV 10), но упоминает случаи из «Истории лангобардов», которые мы подробно рассмотрим далее.

Более интересным представляется использование Павлом Диаконом слова *domus* для указания на Родину. Оно встречается только во второй части «Римской истории». При этом, если в одном случае он следует за источником, из которого заимствовал сведения (Pauli 1879: 110, XIII 17), то два других представляют его собственное решение использовать *domus* для передачи сообщения (Pauli 1879: 113, XIV 8; 123, XV 12). Все три эти сюжета так или иначе связаны с мотивом возвращения домой. Однако, если, например, у Беды Досточтимого в таких случаях речь идет об избавлении от опасности и восстановлении нормального порядка вещей (Beda Venerabilis 1969: 68, I 23; 188, II 15), то у Павла Диакона это возвращение связано с вооруженной борьбой и военными действиями.

Несколько иная картина складывается при анализе использования слова *domus* в «Истории лангобардов». Павел Диакон употребляет это слово здесь более 30 раз (в то время как *familia* в этом сочинении он упоминает лишь единожды). В «Истории лангобардов» чаще всего речь идет о *domus* как месте жительства / резиденции (15 раз). Это слово также указывает на здание, церковь или является составной частью названия придворной должности.

Место жительства, то есть здание или группа построек, где человек проживал вместе со своей семьей и остальными домочадцами, упоминается как в связи со знатными и / или занимающими высокое положение лицами (принцесса, патриций), так и с рядовыми членами сообщества. Достаточно часто Павел указывает на принадлежность *domus*'а конкретному лицу с помощью притяжательного местоимения (*eius, sua*) или прилагательного *propria*. *Domus* также мог отражать статус его владельца: патриций Нарсес владел *domus magna* (Pauli 1878: 98, III 12), а король Гримуальд предоставил приехавшему к нему королю Перктариту *spatiosa domus* (Pauli 1878: 143, V 2).

В тоже время *domus* использовался Павлом Диаконом как синоним слова *palatium* (Pauli 1878: 98, III 12). Последнее обстоятельство, а также тот факт, что автор «Истории лангобардов» часто обозначает как *domus* места проживания офи-

циальных лиц (королей, патриарха, епископов), позволяет предположить, что он не видел в нем сугубо частное пространство, доступ в которое был ограничен. При этом, пространство *domus*'а сохраняло определенные сакральные черты. Так, приглашение гостя в дом было знаком почтения к нему (Pauli 1878: 57–59, I 20), а убийство там гостя могло навлечь гнев Бога (Pauli 1878: 62, I 24). Оставить *domus* (добровольно или принудительно) было серьезным поступком или испытанием (Pauli 1878: 74, II 4), а *domus* заброшенный людьми был символом упадка и опустошения (Pauli 1878: 74, II 4).

В тех случаях, когда *domus* указывал на здание, имелось ввиду жилое помещение. Так, в связи с ним упоминаются посуда и утварь (Pauli 1878: 74, II 4), *villa* (Pauli 1878: 111, III 31), родственники (Pauli 1878: 132, IV 37). Используя *domus* для обозначения церкви, Павел Диакон называет ее местом «физического» пребывания святого (его тела) (Pauli 1878: 121, IV 16). Наконец, рассказывая о переходе власти в меровингской Галлии из рук Меровингов к их майордомам, он описывает этот процесс как распространение полномочий последних с управления *domus*'ом короля, на всю подвластную последней территории (Pauli 1878: 170, VI 16).

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что, в отличие от других раннесредневековых писателей, таких как Григорий Турский и Беда Досточтимый, Павел Диакон не обозначает с помощью слова *domus* группу домочадцев подвластных одному главе. Из всех значений, в которых оно использовалось в античной литературной традиции, он прибегает к нему только для указания на *жилище*. При этом последнее представляет собой не просто строение, но «место жительства / резиденцию», «жилое здание». Кроме того, в трудах Павла Диакона *domus* приобрело и новое, по сравнению с классической литературной традицией, значение и стало указывать на Родину, что также характерно для произведений Беда Досточтимого, но не встречается, например, у Григория Турского. Таким образом, мы можем говорить о значительном изменении в восприятии концепта *domus* у Павла Диакона по сравнению с классической литературной традицией, и в тоже время отметить определенную близость

его представлений с таким раннесредневековым писателем, как Беда Досточтимый.

БИБЛИОГРАФИЯ

Beda Venerabilis. *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* // *Bede's Ecclesiastical History of The English People* / Ed. by B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969. P. 1–577.

Pauli *Historia Langobardorum* / MGH SS rer. Lang. / Ed. G. Waitz. Hannoverae, 1878. P. 45–187.

Pauli *Historia Romana* / MGH SS rer. Germ. in us. schol. / Ed. H. Droysen. Berlin, 1879. P. 1–135.

Saller R.P. "Familia, Domus", and the Roman Conception of the Family // *Phoenix*. 1984. Vol. 38, No. 4. P. 336–355.

Ю.Я. Вин, Д.Е. Кондратьев

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РЕЦЕПЦИЙ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЙ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА И АКТОВ ПРОГРАММНЫМИ СРЕДСТВАМИ ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ «ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО И АКТЫ»

Рецепции и транслитерации понятий и терминов византийского права уже не один раз становились предметом особого внимания специалистов. Однако и фактически, и практически изучение рецептов и транслитераций понятий и терминов византийского права остается на своей начальной стадии. Пока нет достаточных оснований для утверждения о доскональной их изученности. Более того, их выявление, систематизация и классификация не произведены с какой-либо логичной последовательностью. В настоящее время такая цель, являясь актуальной с научной точки зрения для того, чтобы знания о рецепциях и транслитерациях стали полноценным информационным ресурсом, может быть достигнута только с применением новейших программных продуктов. Именно в намеченном подходе видят дальнейшие перспективы реализации инновационного проекта Экспертная система «Византийское право и акты» его участники, поставив перед собой задачу разработки специального программного приложения.

Репрезентируемое программное приложение разрабатывается как Модуль когнитивного анализа рецептов и транслитераций понятий и терминов византийского права и актов. Его основу составят Банк рецептов и транслитераций

(БРТ) и Блок систематизации и классификации рецептов и транслитераций (БСК). БРТ предназначен для создания информационного массива данных в форме интегрального реестра, содержащего рецепты и транслитерации понятий и терминов византийского права и актов, которые выявлены в процессе анализа словариков источников. Речь идет о разработке средства накопления и хранения лексических рецептов и транслитераций с указанием статей содержащих их источников и точной локализацией каждого рецептированного и транслитерированного понятия и термина. Такая процедура индивидуальной идентификации выступает важнейшей функцией навигации и информационного поиска как БРТ, так и Модуля в целом. Индивидуальная идентификация осуществляется независимо от числа вхождений в контекст источника данного словоупотребления любой рецепции и транслитерации в качестве отдельной словоформы. Благодаря указанной процедуре информационно-поисковый массив БРТ превращается в эффективно используемый ресурс для проведения начальной систематизации и классификации рецептов и транслитераций понятий и терминов византийского права и актов.

Поставленной задаче также отвечает БСК. Его функции предопределены параметрами когнитивного анализа материалов интегрального реестра рецептов и транслитераций понятий и терминов византийского права и актов с целью их систематизации и классификации в автоматизированном режиме. В соответствии с разрабатываемой технологией предстоит идентифицировать каждую лексическую форму рецептов и транслитераций путем ее соотнесения с определенным ключевым словом. Выполнение этой процедуры предусматривается сопровождать определением частеречной принадлежности с дифференциацией имен существительных и субстантиваций, имен прилагательных, глаголов и глагольных имен, наречий и служебных слов. Тому будет сопутствовать указание языка, к которому восходит рецепция и транслитерация, а именно латинского, греческого, славянского и восточных языков. Равным образом предполагается предварительная классификация по характеру заимствова-

ния соответственно категориям рецептов, транслитераций, а также просторечий и слов, содержащих грамматические ошибки, что представляется особенно актуальным для лексики актов и документов. Сообразно тому БСК планируется выстраивать как сопоставленные поля, отображающие 1) реестр рецептов и транслитераций; 2) ключевое слово; 3) часть речи; 4) язык; 5) категорию; 6) статьи источника. Кроме того, БСК дополнит релевантное изучаемым рецепциям или транслитерациям поле экспертных комментариев как обязательного компонента научной атрибуции искомой лексики. В совокупности указанные данные, фактически образуя когнитивную карту каждой рецепции и транслитерации, послужат основой воссоздания интегральных когнитивных карт изучаемых понятийно-терминологических заимствований путем аккумуляции сведений о лексических единицах, релевантных по их ключевому слову.

Представляя предназначение и функции БСК, необходимо отметить его принципиальные отличия от БРТ. Оба репрезентируют интегральный реестр рецептов и транслитераций понятий и терминов византийского права и актов с функцией маркированного воспроизведения изучаемых лексических единиц в контексте источника. Однако прочтение и понимание некоторых лексических заимствований из-за их неадекватной структуры и транслитерации настолько затруднительно, что простой просмотр контекста их словоупотребления не всегда достаточен для атрибуции и установления их значения. Во многих случаях требуется специальная терминологическая интерпретация. Ее, как и предлагаемые значения отдельных словоформ, допуская их толкования и альтернативное понимание, оправданно фиксировать в комментариях. Принципиальна конструктивная сторона БСК, который представляет собой трансформер. Его главной технологической функцией является изменение порядка расположения шести основных полей. Процедура чередования их последовательности поддерживает возможность альтернативного системного подхода к анализу рецептов и транслитераций. В частности, обеспечивается технически их дифференцированный просмотр сообразно категориям от-

дельных полей, например, через выбор из реестра всех имен существительных или прилагательных, репрезентации заимствований из определенного языка и так далее, вплоть до представления всех рецептов и транслитераций или просторечий в составе определенной статьи.

Перспективы разработки рассматриваемого технологического комплекса заключаются в его использовании на последующих этапах систематизации и классификации понятийно-терминологических заимствований посредством реализации системной навигации. По каждой позиции и функциям отдельных полей БСК намечено установить прямые ссылки на другие программные приложения Экспертной системы «Византийское право и акты», прежде всего такие, как Аннотации и Блок понятий и терминов. Развитая системная структура названных приложений позволяет сопоставлять рецепты и транслитерации с прототипическими понятиями и терминами с различных научных позиций. Особенно важны текстологические сравнения и ознакомление с экспертными комментариями. Они обеспечат всесторонний анализ рецептов и транслитераций понятий и терминов византийского права и актов, способствуя выявлению новых, неочевидных для пользователя на первом этапе исследования, критериев дальнейшей систематизации и классификации понятийно-терминологических заимствований, представленных в поисково-информационном массиве.

Модуль когнитивного анализа рецептов и транслитераций и результаты систематизации и классификации понятийно-терминологических заимствований планируется внедрить как в составе стационарной версии ЭС, так и онлайн версии Тезауруса понятий и терминов византийского права и актов.

М.В. Винокурова

РОЛЬ СРАВНИТЕЛЬНО- СТАТИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ ПО МАНОРИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Роль сравнительно-статистического метода в исследовании источников по истории английского средневекового манора трудно переоценить. Целый ряд трудов представителей отечественной аграрно-исторической школы, посвященных развитию английской деревни, основан на применении этого метода (Барг 1962; Косминский 1947; Лавровский 1966; Винокурова 2004). Сам метод основан на использовании цифрового материала определенного типа исторических источников — с целью аналитического сравнения социальных процессов в развитии средневекового манора, имевших место в разное время (или/и в разных локальных зонах). Он объективно необходим при изучении крупных земельных кадастров и прежде всего — манориальных описей (*manorial surveys*), представляющих собой массовые источники. Характеристика источников в качестве массовых предполагает схожие причины и обстоятельства составления описей отдельных маноров, включаемых в свод (кадастр), стандартные их содержание и форму, а также большую территорию, подлежащую включению в описи, изучить которую невозможно без применения обмеров. Такого рода тексты (*Survey of the Lands 1909; Survey of the Manors 1953; The Survey of the Manor of Rochdale 1913*) дают представление о размерах крупного землевладения в Англии. В них также отражена система поместной администрации и подчеркнута роль ма-

нориальной курии. Описи дают материал о категориях держательского состава того или иного манориального комплекса: в них присутствует деление сельского населения маноров на фригольдеров, копигольдеров и арендаторов, что позволяет решить вопрос об особенностях юридической и социально-имущественной дифференциации в их среде. Важно и то, что эти документы содержат обширный материал об эволюции рентных отношений.

Однако применение так называемой манориальной статистики связано со значительными трудностями. Прежде чем начинать непосредственные статистические подсчеты, необходимо подготовить сами тексты описей к восприятию исследователя (особенно впервые взявшего их в руки), то есть провести их «терминологическую расшифровку» (включая перевод терминов, объяснение существования лакун в описях и др.). Так производится своего рода герменевтическая реконструкция — приближение этих особых текстов, наполненных цифрами и терминами, к постижению современным человеком. Это нужно для того, чтобы историк мог максимально объективно вникнуть в их содержание.

После проведения такой предварительной работы большое значение имеет составление индивидуальной таблицы на каждое крестьянское хозяйство (таких хозяйств может быть от 30/40 до 100 и более на один манор). В этой таблице исследователь отражает основные данные о держании: площадь различного рода угодий (пахота, пастбище, луг, лес, огороженные участки), уровень рент, файнов, гериотов, годовой доход с хозяйства и прочее. Затем составляется сводная таблица по каждому манору (их фиксируется, как правило, от 20 до 40 на одно крупное поместье) и затем — по всему комплексу. Особенность состоит в том, что такие сводные таблицы должны отражать не только общие данные в их статичном состоянии, но и, повышая познавательную важность манориальных описей как основного типа источников по аграрной истории, давать представление о социальной динамике развития того или иного манориального комплекса.

Поэтому исследователи считают очень существенным проводить сравнительно-статистический анализ источников в различные периоды исторического развития того или иного региона (или нескольких регионов). При этом важно, чтобы территориальные пределы изучаемых регионов совпадали в сравниваемых хронологических разрезах, а однородность содержания разновременных земельных кадастров служила основанием для одних и тех же принципов группировки данных с целью максимально обеспечить сопоставимость результатов исследования на различных временных срезах. Подобный анализ, как правило, приводит историка не только к констатации особенностей локального развития аграрных структур, но подчас и к выводам социологического порядка.

Отметим важное обстоятельство, состоящее в том, что сравнительно-статистический анализ в качестве метода познания, как следует из опыта автора, применим именно к такому типу источников как манориальные описи. Его практически невозможно задействовать в исследовании другого основного вида источников по истории средневекового манора — протоколов курий (*manorial court rolls*), в которых фиксировалась правовая повседневность и которые, как выясняется ныне, не требуют сложнейших приемов раскодирования. Протоколы представляют собой тексты-записи судебных заседаний, имевших место в маноре с определенной периодичностью. К изучению этого типа документов приходится применять и даже изобретать в ходе их исследования свою собственную методику. Что имеется в виду? Сначала на каждое «дело» того или иного заседания курии (по месяцам и годам) заводится определенная карточка, в тексте которой отражаются имена участвующих в тяжбе и существо самой тяжбы. Параллельно в большой список вносятся имена держателей. Именной состав затем подвергается «перекрестному» анализу — поскольку один и тот же крестьянин мог принимать участие в разных тяжбах в качестве истца, ответчика, свидетеля или члена Жюри присяжных. Еще один список с вертикально прочерченными графами вмещает в себя наименования категорий «тяжб» или «дел». Например: «на-

рушения ассиз», «бытовые ссоры», «неявка в курию», «задолженность в выплате штрафов», «вторжения на землю домена» и прочее. В нем отмечаются те крестьяне, которые принимали участие в тяжбах именно по данному поводу. Затем уже можно по каждому такому «тематическому» столбцу писать текст, основанный на конкретных примерах (то есть осуществлять своего рода *case-study*) — и при этом стараться уловить общие тенденции в правовом развитии манора. Если не проводить этой систематизирующей работы, то тексты протоколов могут показаться очень туманным, молчаливым (о чем писал еще Ф.У. Мейтленд) и даже не столь уж надежным источником. Важно понимать, что изучение такого рода правовых текстов не только дополняет исследования описей, проводимые на основе использования сравнительно-статистического метода, но имеет также и самостоятельное значение для понимания повседневности средневекового английского манора.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барг М.А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962.
- Винокурова М.В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира XVI – начала XVII в. М., 2004.
- Косминский Е.А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947.
- Лавровский В.М.* Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966.
- Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke: 1566–1567 / Ed. by Ch. Craton. Oxford, 1909.
- Survey of the Manors of Philippe the First Earl of Pembroke and Montgomery: 1631–1632 / Ed. by E.Kerridge. Devizes, 1953.
- The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster, Parcel of the Possessions of the Worshipful Sir of Robert Hit, Knt., His Majesty's Attorney General made in 1626 / Ed. by H. Fishwick. Manchester, 1913.

А.Л. ГРЯЗНОВ

УДОСТОВЕРЕНИЕ ГРАМОТ В МОСКОВСКОЙ КНЯЖЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

Удостоверительная часть акта — важнейший элемент, делающий обычный текст именно документом, подтверждая его подлинность и юридическую силу. Приемы и техники, используемые для удостоверения документов, характеризуют делопроизводство, показывают характер решаемых канцелярскими служащими проблем. К середине XV в. на территории Северо-Восточной Руси сложилось несколько делопроизводственных традиций, в которых существовали как общие, так и особенные подходы к удостоверению выпускаемых княжескими канцеляриями документов. Наибольшее число актов связано с канцеляриями князей Московской династии. Именно поэтому московское делопроизводство служит своеобразным эталоном, с которым можно сравнивать подходы и практики других княжеских канцелярий. В полной мере это относится и к удостоверительной части документов.

Уже для второй половины XIV в. можно уверенно говорить о явных признаках существования княжеской канцелярии как отдельного института. В числе таковых выработка стандартов, в соответствии с которыми оформляются документы. В первую очередь, это их внешний вид: формат, ориентация текста, наличие необходимых элементов (в зависимости от вида документа). Выделяются определенные виды документов, издаваемые в соответствующих ситуациях. Соблюдается единообразие в оформлении документов одного вида.

Можно выделить несколько элементов, которые присущи всем документам, издаваемым княжеской канцелярией.

1. Используемый почерк. Со второй половины – конца XIV в. намечается тенденция к уменьшению букв, почерк становится более убористым. К концу XV в. появляются элементы скорописи. Почерк княжеских грамот существенно отличается от почерков писцов, не имевших за плечами опыта канцелярской работы.

2. Печать. Она являлась обязательным атрибутом княжеской грамоты с момента проникновения на Русь византийской делопроизводственной традиции. В зависимости от важности документа к пергаменным грамотам привешивались металлические печати (из золота, серебра или свинца). С появлением бумаги стали применяться восковые печати, и для XV в. подавляющее большинство документов скреплено именно восковыми печатями.

3. Способ прикрепления печати. Металлические печати крепились к нижнему краю грамоты с помощью шелковых шнуров. Для прикрепления восковых печатей в Северо-Восточной Руси был выработан свой способ — с помощью загиба узкой полоски бумаги на нижнем поле грамоты.

4. Отсутствие исправлений и помарок. На княжеских грамотах, как правило, нет помарок или исправлений, хотя сохранившиеся экземпляры черновиков нескольких договоров периода княжения Ивана III показывают, что текст документов мог подвергаться нескольким волнам правок разной степени кардинальности.

Элементы, характерные для отдельных видов документов:

5. Княжеская подпись. Ставилась на жалованных, указанных, кормленых грамотах. Ее предшественником являлись боярские подписи — указание на обороте грамоты имени боярина, по инициативе которого было осуществлено пожалование. В Москве первые точно датированные грамоты с княжеской подписью «князь великий» появляются с 1433 г. (АСЭИ. Т. I. № 74). Некоторое время боярские подписи еще продолжали ставить на отдельных грамотах Василия II или Софьи Витовтовны, но основная масса великокняжеских грамот уже заверялась по-новому.

Сама княжеская подпись, судя по всему, не является московским изобретением. Самой ранней сохранившейся грамотой, в которой была применена эта технология, была жалованная грамота кн. Андрея Дмитриевича на земли в Белозерье (АСЭИ. Т. II. № 51), датируемая 1428–1432 гг. Здесь же впервые встречается дьяческая монограмма. Дополняет этот букет новшеств сделанное теми же почерком и чернилами указание на то, что подписал грамоту дьяк Захария. Была ли княжеская подпись изобретением дьяка Захарии или же это устоявшаяся белозерская делопроизводственная традиция, судить пока затруднительно, поскольку эта грамота является самой ранней грамотой князя Андрея Дмитриевича, сохранившейся в подлиннике. Некоторое время на Белоозере использовалась княжеская подпись того же вида, что и на первой грамоте («Сам князь Андрей Дмитриевич»). В 40–50-е гг., в правление кн. Михаила Андреевича, в Белозерье практика боярских подписей проникла, но не закрепилась, а княжеская подпись приняла стандартный для других московских уделов вид — «князь Михаил Андреевич».

Великокняжеская подпись имеет формат «князь великий», подпись великих княгинь — «княгиня великая». У удельных князей в подписи указывается их имя. С середины 1480-х гг. в княжеской подписи используется клаузула «князь великий всея Руси».

Хотя термин «княжеская подпись» давно устоялся в литературе, делались такие записи не самими князьями, а уполномоченными на то дьяками. Причем, именно индивидуальный почерк дьяка служил одним из важных и легко проверяемых средств защиты подлинности документа. В ходе судебных разбирательств неоднократно фигурирует почерковедческая экспертиза, при которой идентифицировался почерк дьяка, ставившего княжескую подпись. Среди актов XV в. сохранился единственный пример подписи, сделанной князем собственноручно (АСЭИ. Т. I. № 434).

6. Виза митрополита на духовных грамотах. Ставилась на лицевой стороне грамоты, внизу текста. Подпись, судя по всему, выполнялась митрополитом собственноручно. Впервые появилась на второй духовной грамоте Василия I.

7. Формат правых грамот и судных списков. Для судебных документов характерен сравнительно большой объем текста, значительно превышающий объем жалованных грамот. Поэтому правые грамоты и судные списки в большинстве случаев писались на целом листе бумаги.

8. Подписи дьяков на межевых и меновных грамотах. Если такие сделки осуществлялись в интересах князей, то производивший их дьяк ставил свою подпись на лицевой стороне грамоты, после основного текста. Обрат сторона документа оставалась чистой.

9. Дьяческие монограммы. Одновременно с княжеской подписью широкое распространение получили дьяческие монограммы. Самые ранние из них внешне похожи на записи уйгурской письменности. С середины XV в. преобладают кириллические монограммы, в которых зашифрованы имена ставивших их дьяков. Каждый тип монограмм связан с конкретным дьяком. К началу XVI в. монограммы почти выходят из употребления.

10. Подтверждения. Появляются во второй половине правления Василия II. Они ставились на обороте грамоты и заверялись подписью дьяка. Происходят, вероятно, от практики записи судебного решения на грамотах, представленных для решения поземельных споров. Во всяком случае, смысл и формат записей в обоих случаях совпадает, в том числе и указание на поставившего подпись дьяка.

В целом, в московской княжеской канцелярии применялась продуманная система, отражающая специфику оформления и содержания каждого вида документов. Использование разных доступных технических средств обеспечивалось несколько уровней защиты документа. В случае с боярскими и княжескими подписями удастся проследить эволюцию от служебных пометок к элементу удостоверения документа.

БИБЛИОГРАФИЯ

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.: в 3 т. М., 1952–1964.

Т.Н. ДЖАКСОН

ОТ СНОРРИ СТУРЛУСОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ СКАЛЬДИЧЕСКИЕ СТИХИ ИСТОЧНИКОМ?

Снорри Стурлусон (1179–1241) — крупнейший исландский хёвдинг, политический деятель, историк и знаток скальдической поэзии. Он считается автором «Младшей Эдды», «Саги об Эгиле», «Отдельной саги об Олаве Святом» и «Круга земного», хотя его имя не значится ни в одной из рукописей (или копий утраченных рукописей) приписываемых ему сочинений.

«Круг земной» (КЗ) — свод саг о норвежских конунгах с древнейших времен по 1177 г. Он распадается на три части. Первая (КЗ-1) состоит из Пролога, «Саги об Инглингах» и пяти саг, посвященных норвежским конунгам до Олава Святого. Центральную часть (КЗ-2) занимает «Сага об Олаве Святом», охватывающая лишь 1014–1030 гг. Третья часть (КЗ-3), включающая в себя еще девять саг, повествует о конунгах между Олавом Святым и Сверриром. Долгое время считалось, что Снорри сначала написал КЗ, а потом расширил его центральную сагу в «Отдельную сагу об Олаве Святом» (ОсО). С. Нордаль подверг эту теорию критике и продемонстрировал, что Снорри, напротив, сначала написал ОсО, а лишь потом переработал и адаптировал ее для КЗ. Исследователи практически единодушно приняли такую трактовку. Э. Вессен выявил следующую последовательность: сначала была написана ОсО, затем она была превращена в КЗ, к которому был добавлен Пролог и, наконец, Пролог КЗ был переписан, с тем чтобы служить введением к ОсО. Й. Луис-Йенсен первой предположила, что ОсО могла быть переработана для включения в КЗ не самим Снорри, а кем-то еще в более позднее

время. Вслед за ней Й.Г. Йоргенсен так представил историю сложения КЗ. Сначала автор (вероятно, Снорри Стурлусон) написал ОсО. Далее тот же автор мог написать КЗ-1 и КЗ-2, которые даже передавались один независимо от другого. Несколько различных писцов затем переработали ОсО, что нашло отражение в существовании ряда манускриптов с одинаковой структурой (КЗ-1 + сокращенная ОсО + КЗ-2), при том что нет двух рукописей, содержащих одну и ту же редакцию КЗ. ОсО Снорри Стурлусон написал предположительно в 1220–1230 гг. после того, как побывал в 1218–1220 гг. в Норвегии. КЗ был написан, как принято считать, после 1230 г. и, скорее всего, завершён к 1235 г. (Подробнее: Джаксон 2012: 51–59 и там же литература).

Работая над КЗ, Снорри — по формулировке А.Я. Гуревича — «постоянно, на протяжении всего своего труда, обращается к “критике источников”» (Гуревич 1972: 128). Из Пролога к КЗ и из отдельных разбросанных по тексту замечаний следует, что критериями достоверности источника для Снорри были авторитет мудрых людей прошлого, свидетельства очевидцев и правильно сложенный скальдический стих.

Стихи скальдов сочинялись в основном по свежим следам события его очевидцами или современниками. Большой частью это были хвалебные песни, которые сообщали имя и род прославляемого, рассказывали о числе выигранных им битв, о его героизме и подвигах. Неспособность высказать в глаза заведомую ложь или лесть, следовавшая и из понимания древними исландцами функции поэзии (поэзия — способ передачи информации), и из их веры в магическую силу слова (лживое слово — посягательство на благополучие того, кому льстят), служили критерием достоверности скальдических стихов для средневековых авторов.

В переработанном и расширенном Прологе к ОсО сохраняются некоторые уточнения и еще больше подчеркивается преимущество поэзии над прозой с точки зрения сохранения достоверной информации. Первый Пролог был опубликован в русском переводе КЗ и неоднократно цитировался исследователями. Второй — Пролог к ОсО, насколько мне

известно, на русский язык не переводился. Среди прочего, в нем говорится следующее:

«... Но с того времени как Харальд Прекрасноволосый стал править в Норвегии, люди могут гораздо правдивее рассказать о жизни норвежских конунгов. В его дни была заселена Исландия, и много тогда плавали из Норвегии в Исландию. Каждое лето люди обменивались новостями между этими странами, и всё это затем запоминалось и передавалось далее в виде рассказов. И все же мне кажется наиболее примечательным по правдивости то, что говорится простыми словами в тех песнях или другой поэзии, сочиненной о конунгах или других правителях, что они сами слышали, или в тех поминальных песнях, которые скальды произносили перед их сыновьями. Слова, что стоят в стихах, те же, что были с самого начала, если правильно произнесены, — хотя каждый человек с тех пор заучивал от другого, — и их нельзя изменить. А относительно тех саг, которые рассказываются, есть такая опасность, что не все они будут поняты одинаково. И некоторые (люди. — *Т. Д.*) могут не вспомнить по прошествии времени, как им было рассказано, и часто у них в памяти всё меняется, и истории становятся ненадежными. Прошло более 240 зим от заселения Исландии, прежде чем люди здесь начали записывать саги, а это был большой период времени, и вряд ли саги не исказились бы при передаче, если бы не было песней, как новых, так и старых, из которых люди могли получить достоверные знания. Так раньше поступали мудрые люди, когда они хотели узнать истину, признавая за правду слова тех людей, которые сами видели происшедшее и находились поблизости. И когда скальды участвовали в битвах, тогда их свидетельства были надежны, равно как и когда скальд исполнял (свои песни. — *Т. Д.*) перед самими правителями, — тогда бы он не решился назвать такие его деяния, о которых и сам правитель, и все те, кто слушали, знали, что его нигде поблизости не было. Это было бы насмешкой, а не хвалой» (Snorri Sturluson 1945: 422).

Но не только в XIII в. стихи скальдов признавались вполне достоверным историческим источником, а потому

цитировались в королевских сагах. Современные исследователи видят в них источник саг и относятся к поэтическим вставкам с большим доверием, нежели к самим сагам, что объясняется в первую очередь тем, что трудный стихотворный размер, своеобразный порядок слов и сложный поэтический язык практически исключали возможность искажений и дополнений в процессе бытования этих стихов в устной традиции и в момент их письменной фиксации. Тем не менее, гиперкритицизм начала XX в. в духе Л. Вейбулля порой возрождается в наши дни (Ghosh 2011), а потому дискуссия относительно достоверности королевских саг, скальдических стихов как источника саг и принципов критики источников Snorri Sturluson не прерывается (Bagge 2011). В докладе предполагается детально рассмотреть два Пролога Snorri Sturluson и их трактовку в современной научной литературе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. 2-е изд., в одной книге, испр. и доп. М., 2012.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной / А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Bagge S. [Review of] Kings' Sagas and Norwegian History. Problems and Perspectives. By Shami Ghosh. Leiden, 2011.
- Ghosh Sh. Kings' Sagas and Norwegian History. Problems and Perspectives. Leiden, 2011.
- Snorri Sturluson. Heimskringla 2 / Bjarni Aðalbjarnarson (Íslenzk fornrit; 27). Reykjavík, 1945.

О.В. ДМИТРИЕВА

ТЕКСТ
И ЕГО ВИЗУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В ПАМФЛЕТЕ ДЖОНА ДЕРРИКА
«ОБРАЗ ИРЛАНДИИ, А ТАКЖЕ ОТКРЫТИЕ
ЛЕСНЫХ РАЗБОЙНИКОВ» (1581)

Предметом рассмотрения является труд Дж. Деррика «Образ Ирландии, а также Открытие лесных разбойников» (*The Image of Ireland, With a Discoverie of Woodkarne*), написанный в Дублине, где автор служил под началом лорда-наместника, сэра Генри Сидни, который в 1578 г. был отозван в Лондон, где подвергся острой критике за неспособность подавить постоянные мятежи гэльского населения. Политика наместника вызывала недовольство и англо-ирландского дворянства, в особенности из-за его планов ввести постоянный налог на содержание военных гарнизонов в Ирландии. Книга Деррика, завершенная в 1578 г., вышла в свет лишь в 1581 г. Есть все основания предполагать, что ее издание стало частью политической кампании по защите репутации Г. Сидни и апологии его политики, организованной в Лондоне кругом его политических единомышленников, в число которых входили высокопоставленные члены Тайного совета — Р. Дадли, граф Лейстер, государственный секретарь Ф. Уолсингем и др. Это произведение стало самым ярким текстом, прославлявшим решительные действия елизаветинской администрации и лично Генри Сидни в Ирландии.

Оно было издано Джоном Дзем (1522–1584), снискавшим славу «главного печатника» английской реформации, после того, как он издал знаменитый протестантский мартиролог Джона Фокса «Деяния и достопамятности» (*Acts*

and Monuments, 1563), сопроводив его серией высококачественных гравюр. Убежденный протестант, он был тесно связан с кругом Лейстера-Уолсингема.

Формат, жанровые и стилистические особенности позволяют отнести труд Джона Деррика к памфлетной литературе: это небольшое по объему публицистическое произведение, апеллирующее к самой широкой публике и посвященное событиям 1570-х гг. в Ирландии. Памфлет был написан в стихотворной форме в стилистике народной баллады и проиллюстрирован уникальной для подобного издания серией из двенадцати гравюр на дереве. Автором некоторых из них, помеченных монограммой *JD*, возможно, был сам Джон Деррик, слывший художником (при этом трудно судить, выполнял ли он одни лишь эскизы или сам резал доски для ксилографической печати). Ряд гравюр, отмеченных монограммой *FD*, приписывается брату Деррика, однако серьезных оснований для такой атрибуции нет. Большеформатные гравюры, складывавшиеся вдвое (что свидетельствует о больших затратах издателя), были распределены по всему тексту. Впоследствии их, по-видимому, изымали из книг и использовали как популярные плакаты. Это объясняет тот факт, что из девяти дошедших до нашего времени экземпляров памфлета только в двух сохранились гравюры. Полный же набор из двенадцати ксилографий уцелел лишь в одном экземпляре, который хранится в библиотеке Эдинбургского университета.

Это издание считается одним из ключевых произведений, определивших восприятие англичанами Ирландии и ее населения на рубеже XVI–XVII веков. Памфлет имел сложную многослойную структуру, в стилистическом плане в нем уживались мифология, этнографические сведения, христианская аллегория, политически окрашенное изложение исторических событий, апология действий наместника Ирландии, апокалиптические пророчества. Текст Деррика знаменовал собой переход от традиционного для елизаветинской литературы дискурса «варварства» и «цивилизованности» в описании взаимоотношений ирландцев и англичан к «апокалиптическому» дискурсу, в котором ирландцам приписы-

валась изначально порочная натура, обрекавшая их на вечное проклятие. Лишенные божественной благодати, они якобы не поддавались цивилизаторским усилиям и были не способны воспринять английские законы, став частью единого с англичанами политического тела. Отсюда вытекало оправдание жестких мер по отношению к ирландским «мятежникам», вплоть до их окончательного уничтожения. Генри Сидни представлен в памфлете победоносным военачальником, который неуклонно теснит «изменников», христианским рыцарем-чемпионом королевы, персонификацией всей мощи английской монархии, а также апокалиптическим «небесным косцом» — воплощением Божественного правосудия.

Проблема взаимодействия текста и визуального материала в памфлете заслуживает отдельного внимания. Гравюры, иллюстрирующие разные части издания, существенно отличаются по степени художественной проработки и качеству исполнения. Первые пять, иллюстрирующие нравы «диких» местных жителей (предположительно, выполненные самим Дерриком), выглядят менее изысканными, чем те, что изображают мир англичан, самого Генри Сидни и его армию. Едва ли это было изначально задумано автором. Более вероятным представляется, что важные с идейной точки зрения гравюры, связанные с репрезентацией наместника, были выполнены в Лондоне по заказу Джона Дэя более искусным резчиком. Тем не менее, объективно разница в исполнении иллюстраций усиливает визуальное противопоставление образа жизни ирландцев, обитающих в лесах, среди топких болот, населенных дикими животными, их убогих хижин и экзотических одежд — длинных мантий, которые служат для них и плащами и постелью, и урбанистической цивилизации англичан, обитающих за мощными стенами городских укреплений, прекрасно вооруженных и представляющих собой несокрушимую военную машину, которой невозможно противостоять.

Гравюры наглядно иллюстрируют оппозицию хаоса и беззакония жизни ирландцев, занимающихся грабежом соб-

ственных соплеменников, и порядка, который приносят в Ирландию англичане.

С точки зрения функционирования текстов и визуальных образов, особый интерес представляет то, как автор, стараясь добиться убедительности той или иной идеи, троекратно повторяет ее, растолковывая смысл, уточняя и дополняя сказанное сначала в основном тексте, затем в маргиналиях, и, наконец, в особых подписях, сопровождающих гравюры. Это позволяет акцентировать разные аспекты обсуждаемых вопросов, истолковать аллегории, содержащиеся в основном тексте. Определенное «расширение директории» происходит именно за счет гравюр. Так, например, в иллюстрациях делается больший, чем в тексте, акцент на «ложной» католической вере ирландцев, губительной для их душ деятельности католических проповедников, происках римского престола. С другой стороны, для раскрытия авторского замысла, согласно которому Деррик хочет увенчать свой рассказ сценой мирного подчинения наместнику Турло О'Нила и его вассалов, гравюра, изображающая сцену принесения им присяги сэру Генри Сидни, оказывается гораздо более эффективным средством и впечатляющей кульминацией, чем текст.

А.В. ДУХАНИНА

КРАТКИЕ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Житие Стефана Пермского имеет богатую рукописную и старопечатную традиции, развивавшиеся на протяжении XV–XIX столетий. В их основе лежит «Слово» о Стефане, написанное книжником Епифанием Премудрым вскоре после кончины святителя, вероятно, в начале XV в. Обширное сочинение Епифания с его «плетением словес» и многочисленными экскурсами не получило большого распространения — гораздо более востребованными были восходящие к нему краткие редакции Жития, число списков которых в разы превосходит число сохранившихся списков Епифаниевской редакции, а с учетом старопечатной традиции с тысячными тиражами изданий удельный вес кратких редакций оказывается преобладающим.

Краткие редакции Жития Стефана Пермского могут быть интересны как исторический источник в нескольких аспектах. История их появления и распространения, с одной стороны, дает дополнительные сведения о становлении культа святителя, с другой — позволяет уточнить некоторые моменты истории русской книжности. При этом каждая редакция содержит особый набор биографических и исторических сведений, иногда искаженных, и этот материал показывает как представления и знания авторов редакций, так и то, что массовый читатель мог узнать из них о Стефане и исторической эпохе, на которую пришлась его деятельность.

Оформление почитания Стефана Пермского отмечено появлением первой проложной редакции Жития, написан-

ной вместе со Службой святителю книжником Пахомием Сербом по заказу епископа Пермского Филофея в начале 70-х гг. XV века. Эта редакция, получившая наибольшее распространение (выявлено около 70 ее списков конца XV — начала XIX в. и несколько редакций, составленных на ее основе), примерно до середины XVI в. оставалась единственным кратким житийным текстом о Стефане. Общецерковное прославление святителя на Макарьевском соборе 1549 г. привело к возникновению новых видов Пахомиевской Проложной редакции, а также инициировало появление новых редакций Жития Стефана Пермского, в частности, Второй Проложной редакции, датирующейся 40-ми годами XVI в., Особой редакции, созданной не позднее третьей четверти того же столетия, и др. Развитие почитания Стефана Пермского в XVII в. нашло выражение как в появлении новых кратких редакций, например, Повести о Стефане, составление которой связывают с канонизацией пермских епископов Герасима, Питирима и Ионы в начале XVII в. (Власов 2001: 16), так и во включении в минейные своды и прологи, в том числе печатные, уже известных редакций или составлении для них новых. Так, в начале XVII в. была создана Соловецкая редакция для соловецких миней четиих, в 40-е гг. текст Второй Проложной редакции в отредактированном виде вошел в печатный Пролог, а в конце XVII столетия новую редакцию Жития создал Димитрий Ростовский для «Книги житий святых». Две последние редакции, образовавшие старопечатную традицию Жития, стали в итоге наиболее распространенными житийными текстами о Стефане Пермском в XVIII–XIX столетиях.

Епифаниевская редакция, несмотря на относительно скудный событийный ряд, содержит, благодаря своей энциклопедичности, значительный исторический материал, выходящий за рамки и периода жизни Стефана, и собственно русской истории, вписывая фигуру первого пермского епископа в контекст всемирной и библейской истории. Разумеется, в кратких редакциях, так или иначе восходящих к епифаниевскому тексту, исторический материал предстает в сокращении. Основная событийная канва сохраняется, как правило,

во всех редакциях, однако в отборе исторического материала каждая редакция индивидуальна, и здесь можно проследить как особенности творческой манеры отдельных книжников, так и некоторые тенденции эволюции агиографического жанра.

Пахомий Серб продемонстрировал свой взгляд на жанр проложного жития: созданная им проложная редакция отличается крайне малой информативностью — основное содержание текста полностью соответствует канону агиобиографии, традиционно представляя жизнь святого. Рукописная традиция Жития в XVI в. показывает изменение представлений книжников об исторической составляющей краткого житийного текста. Появляется Вторая Проложная редакция с гораздо большим объемом исторического материала, касающегося личности Стефана. Обращение к русской истории обнаруживается и в Особой редакции, где основным историческим персонажем оказывается великий князь Дмитрий Иванович, значимость которого в жизни Стефана подчеркивается, в том числе, с искажением исторических фактов. В XVII в. особое внимание к историческому материалу демонстрирует старопечатная традиция: при подготовке текста Второй Проложной редакции для ее издания в составе Пролога справщики специально редактировали исторические сведения, что находилось в русле общих тенденций правки текстов при подготовке Пролога к печати. Элементы критического подхода к историческому материалу, характерного уже для Нового времени, проявились в творчестве Димитрия Ростовского, который в своей минейной редакции Жития подвергает сомнению некоторые исторические сведения источников и позволяет себе не только исправлять их, но и добавлять новые данные в соответствии со своими знаниями и представлениями.

Отдельные исторические детали привлекали особое внимание авторов кратких редакций Жития. Например, можно указать несколько версий поставления Стефана в епископа Пермского: восходящий к епифаниевскому тексту рассказ об участии митрополита Пимена, великого князя Дмитрия Ивановича и клириков в принятии решения о вы-

боре Стефана (Вторая Проложная редакция, Соловецкая редакция, Редакция Дмитрия Ростовского и др.); версия Пахомия Сербя, согласно которой решение принадлежит одному митрополиту Пимену; версия Особой редакции, где сообщается, что Стефана поставил в епископа Пермского митрополит Киприан (!) по повелению великого князя Дмитрия Ивановича. Многие книжники обращали внимание на сведения о месте упокоения Стефана Пермского: в Пахомиевской Проложной редакции они отсутствуют, но были специально внесены в один из видов этой редакции; в некоторых редакциях, восходящих к Епифаниевской с ее указанием о погребении Стефана в соборе монастыря «Святого Спаса» (Спас на Бору), уточнялось, что теперь этот храм дворцовый, то есть вводилась актуальная историческая информация (Вторая Проложная редакция, Редакция Дмитрия Ростовского).

Таким образом, несмотря на свою вторичность, краткие редакции Жития Стефана Пермского оказываются интересным и многоплановым историческим источником.

БИБЛИОГРАФИЯ

Власов А.Н. Повесть о рождении Стефана Пермского и Сказание о пермских епископах // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар, 2001. С. 12–30.

М.В. ЗЕМЛЯКОВ

MOSAICARUM
ET ROMANARUM LEGUM COLLATIO
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОСТАВ И НАЗНАЧЕНИЕ

Источник, о котором пойдет речь, занимает незаслуженно скромное место в российской романистике XIX–XXI веков. Его историография на русском языке ограничивается переводом 1998 года. Эта работа не лишена ошибок и спорных утверждений, в частности, о незначительном положении *Mosaicarum et Romanarum legum collatio* («Сопоставление, или Сравнение законов Моисеевых и римских», *MRLC*) в ряду памятников римского права (Сопоставление: 164). За рубежом историки и правоведы неоднократно публиковали это собрание с подробными комментариями (первое издание: Pithou 1573: 1–54), но для отечественной науки оно по большей части остается *terra incognita*.

Нашей целью является источниковедческая критика этого памятника, анализ его источников и текстуального окружения, атрибуция времени и места его создания, авторства и возможного использования.

До нас дошли три списка *MRLC* разной степени полноты, образующие две подгруппы: ближе всего к протографу располагался манускрипт *Berlin. Staatsbibliothek — Preußischer Kulturbesitz, Ms. Lat. Fol. 269* (IX в., Восточно-Франкское королевство: https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht?PPN=PPN87249859X&PHYSID=PHYS_0328&DMDID=DMDLOG_0006); еще две копии появились от другого, ныне утерянного списка — *Wien. Österreichische Nationalbibliothek. Cod. 2160* (третья четверть IX в., Италия: <https://digitalonb.ac.at/Rep>

[Viewer/viewer.faces?doc=DTL_6648517&order=1&view=SINGLE](#)) и *Vercelli. Biblioteca Capitolare. Ms. 122* (X–XI вв., Италия) (Frakes 2011: 36–37). Берлинская рукопись и некоторые ныне утраченные фрагменты были хорошо известны французским гуманистам и правоведам XVI–XVII вв. (Ж. дю Тилле, П. Питу, Л. лё Карону, Ж. Годфруа, Ж. Кюжа, А. лё Конту, Й.Ю. Скалигеру), которые издавали памятник отдельно или в составе других коллекций. Верчелльский и Венский кодексы были обнаружены и введены в научный оборот в 1822 году. Название *Mosaicarum et Romanarum legum collatio* появилось именно в изданиях XVI в., так как в списках IX–XI вв. оно не встречалось (все рукописи имели похожие рубрики: *Incipit lex dei quae dominus precepit ad Moysen*: MRLC 1878: 109–118).

Текстуальное окружение «Сопоставления» состоит преимущественно из памятников римского права VI в. Среди наиболее значимых — отдельные новеллы и выдержки из Свода гражданского права императора Юстиниана, Эпитома Юлиана, небольшие трактаты *Dictatum de consulariis* («справочник» или конспекты студента-правоведа), *Collectio de tutoribus* (индекс со ссылками на другие юридические памятники), *De incestis* (произведение морально-теологического характера).

Всего памятник включил в себя 16 титулов, разделенных на несколько глав. В начале, как правило, следовали выдержки из ветхозаветного права, которые автор компиляции заимствовал из Книги Исхода, Чисел, Левита и Второзакония. После этого он подбирал для сравнения места из произведений римских юристов или работ, им приписываемых — Гая, Павла, Ульпиана, Папиниана, Модестина, либо императорские конституции из ныне утраченных частных юридических сборников — Кодекса Грегориана (около 291 г.) и Гермогена (около 295 г.) (Frakes 2011: 66–82). Есть лишь несколько исключений из этого правила: так, титул 7 (*De furibus et poena eorum*) начинается с цитаты из Законов XII таблиц, а в титулах 1 (*De sicariis et homicidis casu vel voluntate*) и 6 (*De incestis nuptiis*) в середине текста встречаются дополнительные цитаты из десятилетия Моисея, которые не выделены в отдельный раздел.

Большая часть титулов посвящена уголовному праву: умышленным и неумышленным убийствам, нанесению телесных повреждений, поджогам, похищению людей и скота, нарушению межевых знаков, преступлениям против брака (прелюбодеяние, инцест, мужеложство), ересям и колдовству. Две главы касались свидетельских показаний, одна — долговых обязательств, еще одна — порядка наследования имущества.

Тематика этого собрания, как и вошедшие в него источники римского и иудейского права, позволили исследователям выдвинуть некоторые предположения о личности автора и времени создания памятника. В частности, было отмечено, что он не пользовался переводом Пятикнижия, выполненным бл. Иеронимом, опираясь либо на прежнюю латинскую версию, известную как *Itala*, либо на имевшийся в его распоряжении перевод Септуагинты (MRCL 1913: XXXIII). Он имел доступ к трудам юрисконсультов II–III вв., которые были утрачены после составления свода гражданского права в VI в., и новеллам императоров IV–V вв. (Frakes 2011: 66–82). Версия Ж. дю Тилле о том, что автором был юрисконсульт II–III вв. Лициний Руфин, была опровергнута еще в XVII в.; в XIX в. исследователи пытались идентифицировать в авторе отцов церкви, таких как Руфин Аквилейский, бл. Иероним или Амвросий Медиоланский, однако их аргументы позднее были поставлены под сомнение. Ныне принято считать памятник анонимным (MRCL 1913: XLIX–LXV; Frakes 2014: 137–138).

Длительные споры о том, был ли компилятор иудееталмудистом (Росса 2017: 1–36), священником с Востока или юристом-христианином с Запада (Frakes 2011: 129–140, 149–151), склонили чашу весов в пользу последней точки зрения. Наиболее вероятной целью автора «Сопоставления» являлась демонстрация преемственности иудейского закона и христианских заповедей его языческим «коллегам», к которым он напрямую обращается (*scitote jurisconsulti quia Moyses hoc prius statuit*: MRLC. 7, 1).

Среди широкого круга датировок исследователи XX–XXI вв. выделяют в качестве наиболее вероятных 390–395 гг. Это обусловлено упоминанием в MRLC. 5 (*De sturpatoribus*) сразу трех августов — Валентиниана I (ум. 391), Феодосия I

(ум. 395) и Аркадия (соправитель Феодосия с 383 г.). Сама конституция датирована в Кодексе Феодосия апрелем 390 г, но ссылка на него в заглавии считается позднейшей интерполяцией (Frakes 2011: 59–65).

Факт нахождения значительного количества правовых источников VI в. в одном ряду с «Сопоставлением» может говорить о том, что оно активно использовалось уже в раннем Средневековье. Вероятным кажется заимствование цитат из него в постановлениях поместных соборов эпохи первых Меровингов VI в. и в Баварской правде VIII в. (Frakes 2014: 139–140). Но самым известным свидетельством использования памятника можно считать трактат Хинкмара Реймского *De divortio Lotharii regis et Theutbergae reginae* (860–861), в котором он защищал королеву Теутбергу от обвинений в кровосмесительной связи с собственным братом — Хукбертом, на основе аналогии с обвинением в мужеложстве; для этого Хинкмар приводил цитаты из глав 5–6 *De sturpatoribus* и *De incestis nuptiis* (Frakes 2011: 35–36).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Сопоставление законов Моисеевых и римских / Пер. и прим. М.Д. Соломатина // Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 164–191.
- Avarucci G. Cinque lettere dogali della seconda metà del quattrocento indirizzate a Montesanto (Potenza Picena) // Studia Picena. 1974. Vol. 41. P. 12–23.
- Frakes R.M. Compiling the *Collatio Legum Mosaicarum et Romanarum* in Late Antiquity. Oxford, 2011.
- Frakes R.M. Approaching the *Collatio Legum Mosaicarum et Romanarum* (or *Lex Dei*) as an Example of Late Antique Culture // Une Antiquité tardive noire ou heureuse? Actes du colloque international de Besançon (12 et 13 novembre 2014) / Éd. S. Ratti. Besançon, 2015. P. 137–159.
- Mosaicarum et Romanarum legum collatio // Collectio librorum iuris anteiustiniani in usum scholarum / Ed. P. Krüger. Berlin, 1878. P. 107–198.
- Mosaicarum et Romanarum legum collatio / Ed. by M. Hyamson. London, 1913.

Pithou P. *Fragmenta quaedam Papiniani, Pauli, Ulpiani, Gaii, Modestini, aliorumque veterum iuris auctorum.* Paris, 1573. P. 1–54.

Rocca S. *The Collatio and the Future of Rome // Iura and Legal Systems.* 2017. Vol. 4. P. 1–36.

Е.В. КАЗБЕКОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОГРАФИИ РУБРИК ЭКЗЕМПЛЯРА БИБЛИИ ГУТЕНБЕРГА В РГБ

Одной из проблем набора знаменитой 42-строчной Библии Иоганна Гутенберга была печать красных рубрик. Оценив трудности и издержки, связанные с печатью вторым прогоном, Гутенберг отказался от нее (печатные рубрики есть лишь в экземплярах первого тиража на л. 1, 4, 5, 129, 129 об.) и оставил для рубрик пустые места. В помощь рубрикаторам, которые будут вписывать их, он напечатал специальную подсказку с текстом рубрик — *Tabula rubricarum*.

Предпринятое изучение письма рубрик экземпляра Библии Гутенберга в Российской государственной библиотеке (РГБ. МК. Л1 и Л2) позволило подтвердить предположение Э. Кёнига о принадлежности миниатюр экземпляра (Брюгге, третья четверть XV в.) кругу мастерской миниатюриста Виллема Фрелана (White 2017: 255; Казбекова 2023: 138). В часовниках, вышедших из мастерской Виллема Фрелана, прослеживается стиль письма, очень близкий к письму экземпляра РГБ: см., например, рукописи Лос Анжелес. Getty Museum. Ms. Ludwig IX 7 (83.ML.103) (Часовник барона Ллангаттока; Брюгге, 1450-е гг.; Виллем Фрелан), Нью Йорк. Pierpont Morgan Library. M 493 (так называемый Черный часовник; Брюгге, ок. 1475 г., Виллем Фрелан), Лос Анжелес. Getty Museum. Ms. Ludwig IX 8 (83.ML.104) (Часовник герцога Аренберга; Брюгге, начало 1460-х гг., мастерская Виллема Фрелана), Балтимор. Walters Art Museum. Ms. W. 195 (Брюгге, ок. 1470, круг Виллема Фрелана;), Мадрид. Biblioteca Nacional

de España. Ms. Vitr. 24-2 (Часовник Леоноры де ла Вега; Брюгге, 1465 г.; Виллем Фрелан).

Однако есть Часовники с тем же стилем письма, созданные менее известными иллиминаторами: см., например, рукопись Лондон. British Library. Ms. Harley 2985 (Южные Нидерланды, третья четверть XV в.). Есть также Часовники, близкие к экземпляру из РГБ по отдельным элементам иллиминации, например, Париж. Bibliothèque de l' Arsenal Ms. Lat. 641 réserve (Фландрия?, XV в.).

Мне уже приходилось делать доклад о двух часовниках с этим стилем письма — из Лос Анжелеса (Getty Museum. Ms. Ludwig IX 7 [83.ML.103] — Виллем Фрелан, Брюгге, 1450-е гг.) и Лондона (British Library. Harley 2985 — Южные Нидерланды, третья четверть XV в.). Недавно удалось найти еще один часовник, из Монпелье (Bibliothèque Universitaire. N 408), который дополняет полученные данные.

Все три часовника написаны разными писцами, но в едином, общем стиле. Его характеризуют общее впечатление плавности и округлости, несмотря на достаточно часто встречающийся двойной излом. Рукописи из Лос Анжелеса и Лондона выполнены каллиграфическим письмом. В рукописи из Монпелье письмо более простое и беглое — книжное обычное (*Gothica Textualis Libraria* по классификации Лифтинка-Дероле). В экземпляре РГБ письмо варьируется от книжного обычного до почти каллиграфического (иногда появляется двойной излом), но при этом все три молитвенника отличает более высокий уровень квалификации писцов, чем экземпляр РГБ. Писцы различаются по выписыванию *ct*, *ci*, *fi*, *ti* (не у всех выписаны как лигатуры), соединению *te*, буквам *g*, *b*, *x* (экземпляр РГБ), *a*-коробочкой (Лондонская рукопись), знакам пунктуации, слияниям и примыканиям букв *o* и *e*. В иллиминации часовников из Лондона и Монпелье также прослеживается близость отдельных художественных приемов и образцов с миниатюрами и полубордюрами экземпляра РГБ (об образцах миниатюр XV в. в экземпляре РГБ см.: Казбекова 2022).

Нахождение часовника из Монпелье позволяет говорить о выявлении писцовой артели, которая работала в Брюгге

или близлежащем к нему регионе в третьей четверти XIII в., получая заказы из разных мест, в том числе из мастерской Виллема Фрелана. Таким образом, палеографические данные подтверждают, что экземпляр Библии Гутенберга, хранящийся в РГБ, входит в орбиту мастерской знаменитого миниатюриста. Однако связь между ними лишь опосредованная — через писцов, которые сотрудничали не только с мастерской Виллема Фрелана, но и с другими, менее известными иллиминаторами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Казбекова Е.В. Миниатюры XV в. в Библии Гутенберга в РГБ: перспективы изучения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 8 (118) — Электронный ресурс [режим доступа: <https://history.jes.su/S207987840022688-5-1>, дата обращения — 11.04.2023).

Казбекова Е.В. Палеография экземпляра Библии Гутенберга в РГБ // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М., 2023. С. 137–138.

White E.M. Editio princeps. A History of the Gutenberg Bible. Turnhout, 2017.

Т.М. КАЛИНИНА

ПАРАЛЛЕЛИ В ОПИСАНИЯХ «КЛИМАТОВ» НЕКОТОРЫХ АРАБСКИХ АВТОРОВ

Античные географы и астрономы разделяли Землю на параллельные экватору зоны, которые назывались климатами и определялись в зависимости от долготы дня. Арабские ученые восприняли эти воззрения от Клавдия Птолемея, на труды которого, как и на их сирийские переработки, они опирались (Honigmann 1929: 110–117 et passim; Neugebauer 1975: 335 et passim).

Описания семи климатов часто повторялись от одного автора к другому вследствие особенностей арабской литературы, когда писатели разрабатывали один и тот же мотив, не указывая свой источник. Схожие или почти аналогичные сюжеты встречаются в разножанровых книгах, но мало кто из авторов указывал основу сведений.

Математик и астроном ал-Фергани (IX в.) перечислял местности по климатам, начиная с востока (*Йаджудж* или *ас-Син*) и заканчивая на западе (Магриб или «Западное море»). В этой части своей «Книги о небесных движениях и своде науки о звездах» он не говорил о связи небесных светил и климатов. В описаниях пятого, шестого и седьмого климатов у ал-Фергани встречаются различные этнонимы и топонимы — хазары, бурджаны, *ас-сакалиба*, Каспий, Рум (Византия), города Византии, море Рума (Средиземное), страны и народы Средней Азии (Alfraganus 1779: 29–30; Калинина 1988: 130). Его схему повторили, с дополнениями и изменениями, географ Ибн Руста, ал-Мас'уди, ал-Бируни и др.

Иным было описание пятого, шестого и седьмого климатов в «Книге стран» Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, написанной около 903 г. (три рукописи сохранились только в сокращенном изложении Али аш-Шайзари XI в.). Его труд включал в себя информацию из разных сочинений. Сам Ибн ал-Факих называл имена легендарных и реальных «мудрецов и философов»: Геркулеса, Птолемея, ал-Хорезми, Ибн Хордадбеха, 'Амра ибн ал-'Аса и др., хотя в его сочинении редко встречаются фрагменты или цитаты из трудов указанных авторов. Но среди прочих Ибн ал-Факих ссылался на астролога и поэта Дорофея из Сидона (*Дурусийус*, ум. ок. 75 г.), чей пятитомный труд был переведен с греческого на пехлеви, а затем на арабский язык в VIII веке. Ссылаясь на его учение о принадлежности климатов небесным светилам, Ибн ал-Факих писал, что «семь климатов соответствуют большим, крупным звездам неба»: «два города находятся в климате Сатурна, два — в климате Юпитера, два — в климате Марса, один город — в климате Солнца, два — в климате Венеры, два — в климате Меркурия, один — в климате Луны» (*Compendium* 1885: 5). Пятый климат Земли был отведен Ибн ал-Факихом для Константинополя, Рума и Хазарии, шестой — для франков и других народов; здесь особо выделено племя женщин, в обычаях которого было отрезать и прижигать одну грудь (по следам легенды об амазонках). В седьмом климате, где жили тюрки (*ат-турк*), подчеркнут холод страны и неблагоприятные вследствие этого условия жизни (*Compendium* 1885: 5–6).

Схожее, хотя не аналогичное, описание имеется в «Книге заглавий» церковного историка X в. Агапия Манбиджского, посвященной всемирной истории. Здесь есть также теория деления Земли на климаты, со ссылками на сочинения Птолемея и указаниями самого длинного дня каждого климата, а также цвета кожи, привычек и обычаев населения. Пятый климат он назвал по-гречески *Бунтус* (Геллеспонт), в котором были расположены Константинополь, Аморея и Рим; в шестом климате с переименованным греческим именем *Масубутамис* (Месопотамия) располагались страны бурджан, ас-сакалиба и воинственных женщин; в седьмом, с неверным названием *Барис Санис* (Борисфен) жили в холодных

неблагоприятных условиях сонливые люди (по-гречески *йумидис*, искаженное *нумидис*, то есть «кочевники») — повтор в более расширенном виде той же информации, что у Ибн ал-Факиха о тюрках (Kitab al-'Unwan 1910: 610–614).

Связь климатов с расположением светил и зависимость от них нравов жителей и цвета их кожи показана в трактате неизвестного автора из общества «Чистые братья и верные друзья» (X в.), при этом перечисление местностей почти совпадает с таким в книге ал-Фергани. Аноним уточнял, что пятый климат принадлежит Венере, шестой — под влиянием Меркурия, седьмой климат — под Луной. Само описание климатов очень схоже с системой ал-Фергани: упомянута часть тех же областей и городов, но изменен порядок наименований, прибавлены такие гидронимы, как море Понт и Константинопольский пролив, этноним *Маджудж*, помимо *Йаджуджа*, и др. (Калинина 1984: 198–199).

В XI в. безымянный географ «Книги чудес и диковин виденного воочию» использовал схожую схему описания семи климатов, принадлежность каждого климата той или иной планете и связь с ними обычаев и поведения людей. Как у Агапия Манбиджского, Аноним называл сходные, но иные античные названия: пятого климата — *Бикулюс*, который издатели книги сближают с *Picolos Pontus* — «Маленьким морем», то есть Мраморным (однако такое имя не встречается в известных античных источниках), название Птолемея — *Алисбунтус*, то есть Геллеспонт; шестого — *Масубунтус*, (переводчики предпочитают иную параллель: не «Месопотамия», как у Агапия, а *Месос Понтос*, то есть «середина моря [Понт]», также не встречающееся название для Понта в античных источниках), где живут женщины-воительницы; седьмого — *Барисфанис*, названного Птолемеем *Барустхи-нас*, подразумевая Борисфен (здесь не реальная река, а географическая граница седьмого климата). Повторяется информация об «усталых» и слабых, вследствие жизни на холодном севере, жителей — *нумидис*, «кочевниках» (An Eleventh-Century Egyptian Guide 2014: 434).

Источниками сведений о воинственных женщинах и слабосильном народе кочевников в седьмом, отдаленном и

холодном климате, являлись античные источники, которые стали доступными арабам в переводах, сделанных в «Домах мудрости» халифов. Информация об амазонках была известна со времен Геродота, но, например, Страбон прибавлял, что амазонки выходят из своей страны для совокупления с народом *гаргар*, а у арабских авторов — *бурджан*. В книге Гиппократа «О воздухе, водах и местностях» (или его переработке) есть очень схожие сведения об обычаях и плохих условиях жизни на севере скифов, а не тюрок, как у Ибн ал-Факиха или *нумидис* других авторов (An Eleventh-Century Egyptian Guide 2014: 433–434).

Схожая информация показывает принадлежность ее неким общим первоисточникам. Одним из них была книга ал-Фергани, но происхождение прочих пока не выявлено.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Калинина Т.М.* Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1994. С. 196–207.
- Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988 (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni... / M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.
- Honigsmann E.* Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929.
- An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe. The Book of Curiosities / Ed. and transl. by Y. Rapoport and E. Savage-Smith. Leiden; Boston, 2014.
- Kitab al-'Unwan: Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Édite et traduite en français par A. Vasiliev // Patrologia Orientalis. Paris, 1910. T. V. Fasc. IV.
- Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo Al-Fraganus dicitur. Elementa astronomica, arabice et latine. Amstelodami, 1669.
- Neugebauer O.* A History of Ancient Mathematical Astronomy. Berlin; Heidelberg; New York, 1975.

К. КАМАРЕРО БУЙОН, А. ВАЛЬИНА РОДРИГЕС

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДОНЕСЕНИЯ ФИЛИППА II — ПРЕДШЕСТВЕННИК АНКЕТ И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАДАСТРОВОЙ КАРТОГРАФИИ XVIII В.

Современный облик ландшафтов и территорий является результатом их изменений во времени. По этой причине для понимания особенностей того или иного места и населяющего его сообщества, нужно знать их историю, что подразумевает обращение к источникам информации, представляющим исследователю набор текстовых и визуальных данных как о социумах, так и о территориях (Griffith 2019; Chías y Abad 2019).

Модернизация общества и эффективное использование территориальных и человеческих ресурсов является главной характеристикой XVIII века. Для достижения этих целей необходимо было получить полные и точные знания об определенных пространствах и социумах. Желая обрести такие сведения, испанские просветители обращаются к XVI веку, в особенности, к правлению Филиппа II (Аргоуо 1998). В такой ситуации анкета (опросный лист), предназначенный только для получения информации или сопровождавший фискальные обследования представлялся полезным инструментом для получения этих данных, точно так же, как и два века назад.

Анкетирование без каких-либо фискальных целей представляет собой важное явление для второй половины XVIII века. С целью получения информации для создания своих карт королевский картограф Томас Лопес разработал

анкету из 15 вопросов, которую он отправил приходским священникам. Они должны были ответить на нее и прислать обратно, приложив чертеж населенного пункта. Сейчас полученные ответы хранятся в испанской Национальной библиотеке под названием «Географический словарь Испании Томаса Лопеса» (*Diccionario geográfico de España de Tomás López*) (<http://bdh.bne.es/bnearch/detalle/bdh0000134859>). Сам автор никогда не использовал такое название для собрания документов; так называли его библиотекари в целях каталогизации, поскольку предполагалось, что эти материалы могут стать основой для составления географического словаря. На тот момент Королевская академия истории уже начала работать над созданием и публикацией географического словаря Испании, из всех томов которого было издано только два (Аргоуо 2002). Тот же самый метод использовал кардинал Лоренсана в бытность свою архиепископом Толедо (1772–1800) для получения сведений о территории своего диоцеза, а именно, анкету из 14 вопросов, схожих с теми, что разработал Томас Лопес, на которую должны были ответить vikarii, церковные судьи и приходские священники. Результатом этой деятельности стали так называемые «Описания или сообщения Лоренсаны» (*Descripciones o Relaciones de Lorenzana*, 1784), хранящиеся в Толедском архиепископальном архиве. Наконец, назовем и анкету для аудиенсии Эстремадуры, созданной в апреле 1791 года, с помощью которой власти намеревались изучить территорию своей юрисдикции.

Отправной точкой для создания двух кадастров-инвентарей в Испании в XVIII в. стали две анкеты, связанные с налоговыми обследованиями, — кадастр Патиньо для Каталонии и кадастр Энсенады для королевства Кастилии, составленные согласно королевским указам от 9 декабря 1715 и 10 октября 1749 года. Информация, собранная в результате анкетирования, была лишь первым шагом к созданию общего и полного представления о состоянии каждого муниципия, предварительной стадией фискального обследования на персональном уровне, включая учет имущества. В процессе составления обоих кадастров требовалось выполнить от руки чертеж территории населенного пункта, по

примеру «Географических донесений» для Нового Света и Испании в XVI в. (Vallina у Konyushikhina 2017).

В кадастре Энсенеды лучшими картографическими комплексами являются собрания карт старой провинции Ла-Манча и королевства Гранада, хранящиеся в исторических архивах провинций Сьюдад Реалья и Гранады соответственно. Однако также имеются и разрозненные карты муниципиев других провинций (Samarego 1998). Что касается картографии эпохи Филиппа II, то для Испании были выполнены лишь две карты — Пастраны и Консуэгры (хранятся в Королевской библиотеке Эскориала), тогда как для Америки их было сделано в разы больше (Cline 1964; Konyushikhina 2017). Наиболее значительные собрания хранятся в Генеральном архиве Индий в Севилье (<http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/find?nm=&texto=relaciones+geogr%C3%A1ficas+de+indias>), в Университете Техаса в Остине (https://collections.lib.utexas.edu/?page=2&q=Relaciones+geograficas+de+indias&search=&search_field=search) и в Королевской Академии истории (https://bibliotecadigital.rah.es/es/consulta/resultados_búsqueda.do) (Manso, 2012).

Указанные собрания карт XVII–XVIII вв. были сделаны в основном непрофессионалами. В эпоху Филиппа II на вопросы анкеты, к которым могли прилагаться карты, отвечали коррехидоры, главные алькальды, приходские священники, касики и индейские вожди, поэтому в зависимости от автора одни карты были выполнены в европейском стиле, другие содержали довольно большое количество автохтонных элементов, третьи были созданы в смешанном стиле. Что касается собраний карт Кадастра Энсенеды, то за предоставление информации отвечали представители местного консехо (алькальды, рехидоры и др.) и уполномоченный технический персонал, а составление карт поручалось писцам из специальной рабочей группы, сформированной для составления кадастра. Так как ни в одном из этих случаев авторы карт не являлись профессиональными картографами, изображения, созданные ими, воспроизводили пространство, прошедшее через призму их личного восприятия, что позво-

ляет современному исследователю сделать вывод о наиболее ценных элементах ландшафта, значимых для его жителей.

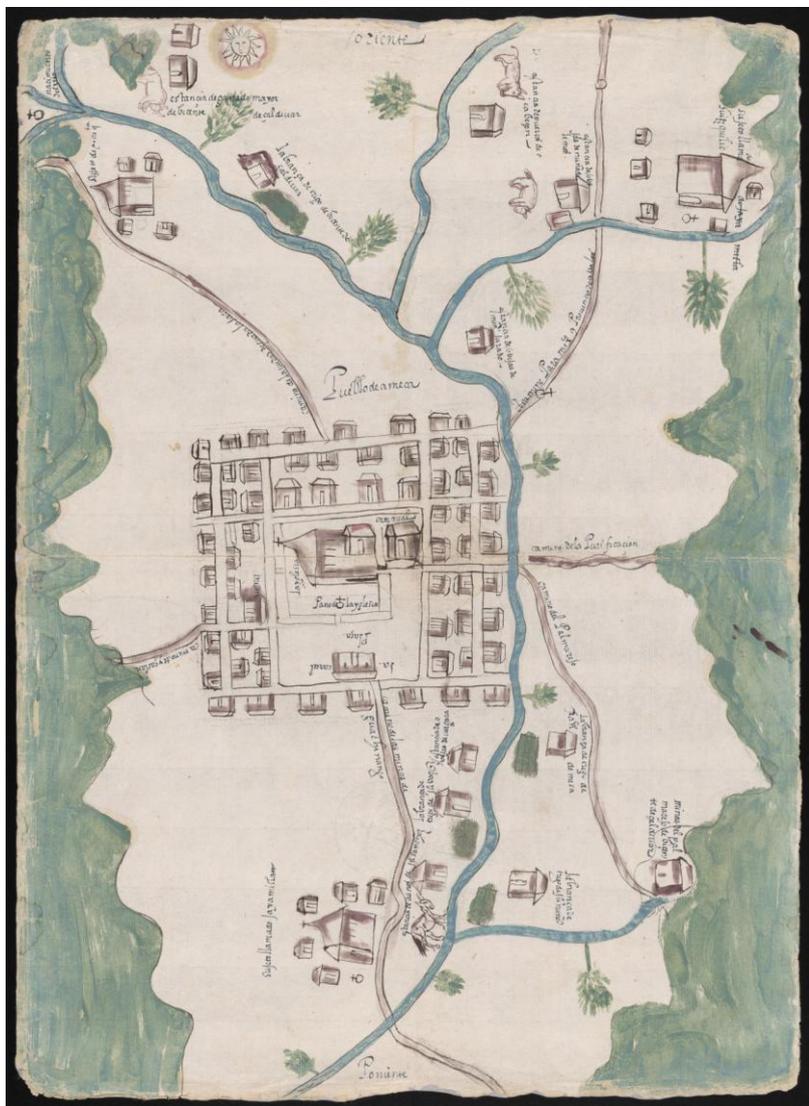
Самыми часто изображаемыми элементами в обеих картографических сериях являлись рельеф, обычно обозначаемый очень грубо и без перспективы; речные русла и пути сообщения, иногда сильно преувеличенные; озера, лагуны, источники...; лесные участки, распаханное поля и пастбища; растительные ресурсы, деревья и кустарники; селения, на территории которых находились церкви; скиты, монастыри, мельницы и т.д.; в отдельных случаях включались планы населенных пунктов. Речь идет о собраниях карт, заслуживающих стать самостоятельным объектом исследования и изучаться в комплексе с вопросами анкеты, с биографиями их авторов и пространствами, к которым они относятся.

Перевод выполнен Н.Л. Конюшихиной, которая выражает благодарность Е.Э. Юрчик за помощь и содействие.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Arroyo Ilera F.* Las Relaciones geográficas y el conocimiento del territorio en tiempos de Felipe II // Estudios Geográficos. 1998. Vol. 59. № 231. P. 169–200.
- Arroyo Ilera F.* El Catastro de Ensenada y el Diccionario Geográfico // CT Catastro. 2002. № 46. P. 89–96 (исп.), 155–159 (англ.).
- Camarero Bullón C.* La Cartografía en el Catastro de Ensenada, 1750–56 // Estudios Geográficos. 1998. Vol. 59. № 231. P. 245–283.
- Camarero Bullón C.* Catastro, equidad fiscal y conocimiento del territorio: los catastros en la España del Siglo de las Luces // VVAA: Sobre el territorio. Aspectos de la configuración histórica del espacio. Sevilla, 2018. P. 129–192.
- Camarero Bullón C., Aguilar Cuesta A.I.* La Cartografía, instrumento para conocer el territorio, planificar y gestionar las reformas en la España del siglo XVIII // Manuscrts. 2021. 42. P. 157–178.
- Cline H.F.* The Relaciones Geográficas of the Spanish Indies, 1577–1586 // The Hispanic American Historical Review. 1964. Vol. 44 (3). P. 341–374.

- Chías Navarro P., Abad Balboa T.* La cartografía y otras fuentes gráficas para el conocimiento del territorio y del paisaje. Los Reales Sitios en torno a Madrid // CT Catastro. 2019. Nº 96. P. 11–42.
- Griffith C.* Historical Geography of Environment // International Encyclopedia of Human Geography / Ed. by A. Kobayashi. London, 2019. P. 169–174.
- Konyushikhina N.* Los cuestionarios para las Relaciones topográficas de Felipe II y las Relaciones geográficas de Indias de los años 1570 // CT Catastro. 2007. Nº 89. P. 9–30.
- Manso Porto C.* Los mapas de las Relaciones Geográficas de Indias de la Real Academia de la Historia // Revista de Estudios Colombinos. 2012. Nº 8. P. 23–52.
- Mundi B.* The mapping of New Spain. Indigenous Cartography and the Maps of the Relaciones Geográficas. Chicago, 1996.
- Vallina Rodríguez A., Konyushikhina N.* Los interrogatorios de los catastros españoles de la Edad Moderna: fuentes geohistóricas para conocer los paisajes y las sociedades // CT Catastro. 2017. Nº 91. P. 39–63.

Илл. 1

Карта Амеки, Мексика, 1579 г.
(Техасский университет, Остин, США)

Илл. 2

Карта населенного пункта Лобрес,
Гранада, 1752 г.
(Исторический архив провинции Гранада)

Е.Н. Кириллова

КОЛЛЕКЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

НА ПРИМЕРЕ «РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ЛАМУАНЬОНА»

Изучению музейных, архивных и библиотечных собраний, феномену коллекционирования посвящена огромная и разноплановая литература. История накопления и систематизации знаний разного рода — и феномен коллекционирования, история собраний как часть этой масштабной темы, представляют интерес для разных специалистов. Значимый социокультурный феномен, коллекция может быть представлена и как самостоятельная единица научного анализа и особый тип исторического источника. В рамках этой многоплановой темы предполагается посвятить доклад описанию архивного собрания и тому, какие исследовательские задачи могут быть поставлены и решены на его основе.

В основу данной работы положено полное подокументное описание уникальной коллекции из Российского государственного архива древних актов — «Рукописного собрания Ламуаньона» (РГАДА. Ф. 81), которая представляет собой часть ведомственного архива французского государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье. Она насчитывает 66 томов и включает более 8200 документов, большая часть которых — официальная переписка французского правительства со своими послами и агентами в Италии, Турции и Германии (Люблинская 1963: 3; Малов 1997: 7; Малов 2019: 10). Также в ее состав входят договоры, инструкции и докладные записки, известия из разных городов и регионов, перехваченные письма, переводы и черновики писем и других документов.

К описанию этой ценной коллекции приступали в разные годы такие известные отечественные специалисты, как А.Д. Люблинская, открывшая по сути это собрание, И.С. Шаркова, В.Н. Малов; тематические картотеки составляли Ю.Л. Бессмертный, Е.Г. Гурари. В 1997 г. вышло описание первых 16 томов (Малов, Шаркова 1997), но в силу ряда причин публикация не имела продолжения.

Работая с массовыми данными, историк неизбежно создает выборку. Ее объем, характер, способы ее организации будут зависеть от поставленной проблемы, от целей конкретной работы и возможностей источников. Такая выборка служит основой исследований — при обращении, разумеется, к исходным материалам, выступающим в роли генеральной совокупности, и становится по сути новым историческим источником, концентрированно представляющим данные, определенные конкретными исследовательскими задачами.

Описание архивной коллекции содержит лишь часть сведений о каждой ее составляющей и обычно выступает в качестве исходного пункта исследования. «Рукописное собрание Ламуаньона» позволяет изучать проблемы европейской истории и дипломатии середины XVI столетия, а описание коллекции дает возможность составлять разнообразные выборки: по отдельным сюжетам, персоналиям, хронологии, по типам документов (инструкции, договоры) или другим критериям (шифрованные послания, перехваченные письма) и т.д., при том, что и сама коллекция является выборкой из гораздо более представительной генеральной совокупности.

В ходе работы с данной коллекцией было составлено несколько выборок. Первая включает самую массовую часть государственной корреспонденции: письма, адресованные королю Франции — Генриху II (1548–1559) и коннетаблю Анну де Монморанси, что составляет более 60% собрания Ламуаньона. В выборку вошли письма, написанные разными авторами собственноручно или их секретарями; копии писем этим же адресатам, оригиналов которых нет в коллекции; дешифровки писем (например, письмо маршала де Бриссака коннетаблю из Сантии от 13 февраля 1555 г. есть только в виде дешифровки (т. 34), а письмо маршала королю от того

же числа представлено оригиналом (т. 3)), в том числе — значительно более поздние (например, письма французского посла в Риме Клода д'Юрфе коннетаблю от 14 и 16 сентября 1550 г. из Рима есть только в виде копий XVII в. (т. 15)). Также учитываются дубликаты писем, как при наличии оригинала (например, письмо французского посла в Венеции Оде де Сельва Генриху II от 22 апреля 1552 г. представлено как оригиналом, так и дубликатом (т. 2)), так и в случае его отсутствия (письмо Оде де Сельва коннетаблю от 2 мая 1552 г. из Венеции есть только в виде дубликата (т. 8)). Включены также письма короля и коннетабля, которые они направили друг другу: в собрании представлен один дубликат письма Генриха II Монморанси (т. 8), один черновик письма ему (т. 4) и 25 писем коннетабля королю (в томах 21, 24, 30–32 и др.).

При работе с данной выборкой был предложен такой способ систематизации этих данных как годовые таблицы: для каждого дня каждого года, с 1547 по 1559 г., были указаны все составленные в этот день письма. Сведения из описания коллекции, даже без учета на данном этапе работы содержания писем, позволили уточнить даты написания отдельных из них (например, при отсутствии указания года), а также места отправления, соотнести содержание томов и выявить те случаи, когда составленные в один и тот же день письма одного отправителя оказывались в разных томах. Но прежде всего, это позволило говорить об объеме государственной корреспонденции в целом, административной нагрузке, а также оценить материалы коллекции и имеющиеся в нашем распоряжении данные.

Лишь для немногих писем (примерно 1%) известна дата их получения королем и коннетаблем, хотя такие сведения дали бы более корректное представление о переписке и работе административного аппарата. Вторая выборка была подготовлена на основе данных о доставке корреспонденции: описание коллекции дает такую возможность, хотя и в ограниченных масштабах, и позволяет проводить дальнейшую систематизацию документов, исходя из полноты зафиксированных сведений о дате и месте получения писем, именах курьеров и др.

Отдельным направлением исследований при подготовке описания коллекции стало выявление лакун, которые образовались в XVIII в., при продаже коллекции с аукциона [Малов 2019: 24], либо, возможно, еще в XVII в., когда владелец по каким-то своим соображениям изымал документы из уже переплетенных томов: как удалось установить, из 66 томов было изъято более 500 документов. Уточнение данных об этих лакунах в целом и особенно о тех из них, которые потенциально восстановимы, позволяет лучше понять исходную генеральную совокупность и историю формирования собрания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Люблинская А.Д.* Предисловие // *Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг.* / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963. С. 3–17.
- Малов В.Н.* Предисловие // *Малов В.Н., Шаркова И.С.* Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): Описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1. С. 7–16.
- Малов В.Н.* Франция в России: судьбы старых документов XV–XVIII веков. М., 2019.
- Малов В.Н., Шаркова И.С.* Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): Описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1.

В.Н. КОЗЛЯКОВ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект 22-28-00850)

Подлинные дела церковного суда, позволяющие восстановить все детали архиерейского судопроизводства, плохо сохранились в архивах в сравнении с материалами имущественного порядка. Многие документы оказались в собраниях коллекционеров и собирателей рукописей еще в XIX в. и долгое время не имели полноценного научного описания. Особенно показательна судьба судебных документов, сохранившихся в фонде Вологодского архиерейского дома.

Архиерейские приказы назывались в источниках Судными, Духовными или «духовных дел». К сфере их юрисдикции относились как материалы общего церковного суда, например, имущественные споры священников и дьяконов, дела о нарушении правил службы, так и «духовные дела» прихожан (о. Николай (Ярушевич) 1917: 396–352; Перов 1882: 188–200). О количестве судебных дел, рассматривавшихся архиереями, дают представление Записные книги Судного приказа Рязанского митрополичьего дома 1665–1669 и 1675–1679 гг. За эти годы сохранились записи, соответственно, о 536 и 397 рассмотренных делах (ГАРО. Библиотека. № 13105, 13115). Записи могли быть как краткими, излагающими суть дела со слов челобитчика, так и развернутыми, фиксировавшими этапы судопроизводства, а также решения рязанских архиепископов (с 1667 г. — митрополитов).

Началом дела становилось обращение с *челобитной* на имя правящего архиерея с просьбой «дать святительский суд

и управу». Архиерейское судопроизводство проходило разные стадии, связанные с необходимостью подготовки процесса, обеспечения присутствия обвиняемых в суде и сбором доказательств. Уже на подготовительном этапе создавалось много документов, имевших отношение к одному и тому же судебному делу. Например, после получения 12 октября 1665 г. челобитной старца Авраамия с братией и крестьянами Каширского Всеволожского монастыря на игумена Сергия «во всяком монастырском разорении» были составлены: *наказная память* архиерейскому сыну боярскому, чтобы доставить игумена Сергия в суд для «очной ставки»; *поручные записи* по ответчике; *запись* об очной ставке; новые *поручные записи* по ответчике и его слуге, приехавших к суду. По архиерейскому указу проводился сыск «общей правдой и отводными людьми». Во время рассмотрения дела велась запись *допросных речей* (ГАРО. Библиотека. №. 13115. Л. 29–29об.), на основании которых рязанский и муромский архиепископ Иларион должен был принять свое решение.

В сохранившихся архивах архиерейских домов XVII в. чаще всего можно встретить разрозненную документацию, связанную с организацией архиерейского суда: челобитные в Судный приказ, доездные памяти о посылке приставов — детей боярских и других домовых служителей для розыска на месте и доставления в суд ответчиков, поручные записи по участникам судебного процесса, расспросные и обыскные речи, допросные речи обвиняемых, пострадавших и свидетелей, архиерейские указы и переписку об отсылке виновных «под начал» в монастыри или их наказании (битье батогами и кнутом) светскими властями. Полные *судные дела* встречаются в архивах достаточно редко.

Архиереи обязаны были сами разбирать духовные дела, но на практике это касалось, в основном, суда монастырских властей и церковнослужителей. Большинство судебных дел проходило предварительную стадию, сначала их рассматривала специальная комиссия из архиерейских приказных людей и поповских старост. Состав чиновников архиерейского суда и присутствие в них светских лиц является отдельной исследовательской темой, на которую давно обращали вни-

мание церковные историки. Церковь постоянно стремилась уйти от контроля светских лиц в делах ее суда, особые решения об этом принимались на церковных соборах 1667 и 1675 годов. Духовные дела, в отличие от других церковных дел, обычно рассматривались сразу же, не дожидаясь определенного срока, особенно в тех городах, где располагалась архиерейская кафедра. В других городах одной епархии функции святительского суда могли передаваться служителям архиерейского дома и поповским старостам, постоянно находившимся на митрополичьих и архиерейских дворах. Права церковного суда были также у крупных монастырей и соборов.

Разбирательство дела велось в присутствии истца и ответчика, чтобы обе стороны могли изложить свои взгляды на предмет спора и обстоятельства случившегося. Судьи расспрашивали потерпевших и обвиняемых под присягой «Божиею правдою и крестным целованьем». При упоминании иска лиц священнического чина говорилось, что они «уличают» ответчиков «Божиею правдою и жеребьем» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 269. Л. 2). По каноническим правилам существовал запрет на крестное целование в разных исках и допросах монахов и священников. Поэтому многим челобитчикам нелегко было спорить в суде с ответчиками, принадлежавшими к «священному чину», так как они «крестное целованье не давали». Особенно сложной эта проблема была в делах о сыске беглых крестьян, поэтому уездные дворяне и дети боярские пытались добиться отмены судебных преимуществ для людей церкви в коллективной челобитной 1641 г.

Целью первоначальных расспросов истцов и ответчиков был поиск свидетелей, в этом церковная судебная процедура ничем не отличалась от светского судопроизводства. Будущих участников суда определяли на основании *ссылочных памятей*, то есть, перечисления свидетелей. В допросах устанавливали имена свидетелей, показания которых могли стать основанием для решения дела. Обычно упоминание их имен предваряли слова «шлюсь из виноватых». При этом судьи стремились найти очевидцев, которым одновременно доверяли бы истец и ответчик, их называли в документах «опчая правда» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1874. Л. 4) Такое же

правило существовало и в делах светского суда, если находился свидетель, с показаниями которого были согласны обе стороны процесса, тогда можно было не проводить «повального обыска» многими людьми: «А будет истец с ответчиком на суде пошлются оба на опчью правду, хотя на одного человека, и по опчей ссылке дело и вершити» (Соборное Уложение 1649 года 1987: 50). У истца и ответчика было право отвода свидетелей при подозрениях в дружеских или родственных связях с участниками дела.

Основными источниками для понимания хода судебных процессов являются *допросные речи*. После суда приказных людей и поповских старост, «не дожидаясь судному делу вершенья» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1622. Л. 1), истцы и ответчики еще могли подать *мировую челобитную*, но на них все равно лежала обязанность уплатить пошлины в архиерейскую казну за церковное судопроизводство. Документы, собранные вместе в одно дело, в итоге представлялись для рассмотрения епархиальным архиереям, выносившим свои *приговоры*, кого «обвинить» или «оправить».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1260. Коллекция столбцов XV-XVII вв. Оп. 1. Вологодский Софийский Архиерейский дом.
- Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Библиотека. № 13105, 13115.
- О. Николай (Ярушевич), иеромонах. Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древне-русском церковном суде. Историко-каноническое исследование. Пг., 1917.
- Перов И. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках. (Историко-канонический очерк). Рязань, 1882.
- Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.

И.Г. Коновалова

НЕКАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТОГРАФИИ

В последние десятилетия история картографии переживает заметный подъем, связанный с выработкой новых методологических подходов к дисциплине и постановкой новых исследовательских проблем. При этом слабым местом современных историко-картографических штудий остается разработка источниковедческих проблем. Это во многом вызвано тем, что история картографии как научная дисциплина не отличается внутренней когерентностью, поскольку интерес к истории карт традиционно проявляют не только академические ученые различных специальностей (историки, географы, искусствоведы и др.), но и хранители карт в библиотеках, музеях и архивах, а также коллекционеры и любители карт. Поэтому история картографии, никогда не развивавшаяся на универсальной научной основе, продолжает оставаться полем деятельности отдельных исследовательских сообществ, более или менее связанных между собой и практикующих разнообразные подходы к изучению карт и их истории.

Характерная для современной историко-географической литературы проблематизация универсальной природы научного знания как такового привела к новому взгляду на сами карты. С 90-х годов прошлого века, во многом под влиянием работ Дж.Б. Харли о картографии раннего Нового времени (Harley 1989; Harley 1990), стал подвергаться кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, целью которого является максимально точное отображение поверхности земли. Тем самым была поставлена под сомнение привычная трактовка истории картографии

как прогрессивного, поступательного движения ко все большей и большей точности карт (Edney 1993).

Большие успехи последних лет в разработке такой дисциплины как география знания, рассматривающей вопросы, связанные с региональными особенностями производства и циркуляции знания (Беляев, Мойсбургер 2011), также оказали влияние на исследования по истории картографии. Понимание того, что производство и потребление знаний всегда было обусловлено не только временем, но и местом, привело к заключению о том, что концепты и подходы, вырабатываемые в различных «пространствах знания» (*spaces of knowledge*), в содержательном плане совпадают между собой только частично и потому значимы лишь в пределах определенного пространства. В результате сейчас признано, что следует говорить не о «картографии вообще», а о различных способах картографирования, каждый из которых является частью более широкого этнокультурного контекста, в рамках которого формируется определенный способ ментального и технологического освоения пространства.

Соответственно, на первый план вместо привычного сравнения карт между собой (или их прямого сопоставления с современной картой, чем грешат многие историко-географические исследования) вышла необходимость изучения происхождения и социальных функций карт (Barber 2020; Dym, Lois 2021), что с неизбежностью повысило роль некартографических источников в исследованиях по истории картографии и географии. Представители географического сообщества уделяют все больше внимания работе с такими источниками, причем в профильной периодике обращение к ним расценивается как разработка новых методов историко-географических исследований (Moore 2010: 262–264; Dym, Lois 2021). Однако с точки зрения историка очевидно, что в данном случае географы «открывают» для себя уже хорошо известные историкам методы работы, позволяющие реконструировать прошлое по оставленным им следам.

Основная источниковедческая проблема в исследованиях по истории картографии связана с тем, что карты не существуют как автономные, самостоятельные произведения —

точно так же, как и картографирование само по себе не является полностью автономным процессом, будучи органической частью пространственного мышления индивида. Карта неразрывно связана с ментальным картографированием и с картографическим воображением как таковым. Изучение же последнего — масштабная междисциплинарная задача, пока еще слабо разработанная (см. материалы недавней междисциплинарной конференции, на которой обсуждались проблемы взаимосвязи и взаимодействия карт и географического воображения, генезиса и функций воображаемых картографий: *Воображаемые картографии 2022*).

Понимание неразрывной связи карт с другими формами пространственных представлений ярко проявилось в средневековой исламской культуре. Исламские карты, дошедшие до наших дней, были почти исключительно связаны — против ожидания — не с трудами по астрономической географии, а с описательными географическими сочинениями разных жанров — всемирными географиями, историко-географическими описаниями, географическими разделами в космографиях и энциклопедиях, «книгами чудес». В арабском языке вообще длительное время отсутствовал точный термин для обозначения географической карты как таковой (термин *хари́та* является поздним заимствованием из французского). Арабские слова, использовавшиеся для указания на картографическое изображение, подходили для обозначения любых визуальных объектов: *сӯра* («вид, образ, картина, изображение, копия»), *расм* («чертеж, план, рисунок, изображение»), *нақш* («рисунок, украшение»). Весьма распространенными названиями книг географического толка — в том числе и в жанре астрономической географии — были «Книга картины земли» (*Kitāb sūrat al-arḍ*), «Картина климатов» (*Сӯрат ал-ақāлīm*), «Картины климатов» (*Сувар ал-ақāлīm*), «Рисунок обитаемой земли» (*Расм ал-ма'мӯр мин ал-арḍ*).

Все наиболее крупные исламские картографические произведения — так называемый «Атлас ислама» X в., карты анонимной «Книги чудес» первой половины XI в., прямоугольные карты ал-Идриси (середина XII в.), составляющие в

совокупности карту мира, — являлись частью общественно-политических проектов, реализация которых требовала наряду с описательными средствами использования картографических изображений различного масштаба. Задачи, которые возлагались на карты, и определяли их форму и содержание. Решающее значение функциональной роли карт для понимания смысла картографического изображения в образной форме выразил Д. Вуд, сравнивший карты с машинами, «которые преобразуют социальную энергию в социальное пространство, социальный порядок и знание» (Wood 2010: 6).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляев Д.О., Мойсбургер П.* География знания как одно из передовых направлений современной географической науки // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. № 2. С. 7–16.
- Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре. Материалы междисциплинарной научной конференции (Москва, 8–9 декабря 2022 г.) / Под ред. Д.Н. Замятина и И.Г. Коноваловой. М., 2022.
- Barber P.* «Context is everything...»: Ruminations on Development in the History of Cartography since the 1970s and Their Consequences // *Imago mundi*. 2020. Vol. 72. No. 2. P. 131–147.
- Dym J., Lois C.* Bound images: maps, books, and reading in material and digital contexts // *Word & Image: A journal of Verbal/Visual Enquiry*. 2021. Vol. 37. No. 2. P. 119–141.
- Edney M.H.* Cartography without «progress»: Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking // *Cartographica*. 1993. Vol. 30. No. 2–3. P. 54–68.
- Harley J.B.* Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 1–20.
- Harley J.B.* Cartography, Ethics and Social Theory // *Cartographica*. 1990. Vol. 27. No. 2. P. 1–23.
- Moore F.P.L.* Tales from the archive: methodological and ethical issues in historical geography research // *Area*. 2010. Vol. 42. No. 3. P. 262–270.
- Wood D.* Rethinking the Power of Maps. London; New York, 2010.

Н.Л. Конюшихина

АМЕРИКАНСКИЕ И ИСПАНСКИЕ ДОНЕСЕНИЯ ФИЛИППА II КАК ГЕОИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Под термином геоисторический источник понимается комплекс документов, содержащий как сведения географического, так и исторического характера. Речь идет не об отдельно взятом памятнике, а о совокупности однотипных документов очень большого объема, которые зачастую делят на два типа: текстовые источники и картографические материалы (García Juan, Vallina Rodríguez, Aguilar Cuesta 2018: 39). Наряду с картами, планами, схемами сюда можно отнести различного рода земельные описания, итинерарии, кадастры, переписи, реестры, цензы, описи и др. Геоисторические источники содержат ценную информацию для изучения хозяйства, территории, народонаселения, производства. Они могут быть использованы для реконструкции исторического ландшафта, демографии, социальной структуры, локальной экономики и др.

Наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть испанские и американские «Географические донесения Филиппа II» как примеры геоисторических источников применительно ко второй половине XVI века. Эти корпуса документов, хотя и не относятся к категории источников хозяйственного значения, тем не менее, содержат значительный пласт информации кадастрового типа об экономических и людских ресурсах. Но, в отличие от последующих цензов, преследовавших исключительно фискальные цели, донесения 70-80-х годов XVI в. создавались в первую очередь для аккумуляции научного знания.

Испанский корпус документов появился в результате письменного анкетирования, проведенного преимущественно на территории Новой Кастилии, а американский — в основном на землях Новой Испании. Композиционно донесения делятся на два типа: одни представляют собой описания отдельно взятых населенных пунктов (так построены испанские и некоторые американские донесения), другие содержат в одном сообщении описания сразу нескольких селений, составлявших единую территориальную общность.

Важность этих двух памятников заключается в том, что благодаря им традиционные инструменты познания окружающего пространства — описание и изображение, обогатились практикой опросников (Vallina Rodríguez, Aguilar Cuesta, García Juan, Bernabé Crespo, Bringas Gutiérrez, Camarero Bullón 2022: 12). Составление анкет впоследствии прочно укоренится в испанской бюрократической практике как надежный инструмент для получения необходимых данных, прежде всего, фискального типа. Так, например, к этому методу прибегнет маркиз Энсенада при формировании крупнейшего испанского кадастра середины-второй половины XVIII в. (Camarero Bullón 2002), который является важнейшим источником по социально-экономической истории Испании эпохи Просвещения.

Как в испанской, так и в американской анкете довольно много вопросов посвящено природным ресурсам и их хозяйственному использованию. В обоих опросниках запрашивается информация о характере и свойстве земли, возделываемых культурах, водных и лесных ресурсах, месторождениях полезных ископаемых, драгоценных металлах и добычи соли. Так, например, в 17 пункте испанской анкеты 1575 года спрашивается: «Что можно сказать о земле, на которой расположено это селение: холодная ли она или теплая, равнинная или гористая, плоская или бугристая и каменистая, здоровая или больная»; в 23 — «Достаточно ли здесь воды или ее не хватает, и примечательные источники или озера, которые есть в указанном селении и его окрестностях; и, если нет ни рек, ни источников, откуда берут питьевую воду и где производят помол» (Конюшихина 2021: 104). Стоит отме-

титель, что в американском опроснике 1577 г. вопросам, посвященным географическому положению населенных пунктов, уделяется значительно больше внимания, чем в испанском, что объясняется нехваткой достоверных географических сведений о новых территориях. Помимо этого, администрацию Филиппа II интересовали продукты питания коренного населения, ароматические травы и растения, произрастающие в Новом свете, вулканы, пещеры и другие необычайные природные объекты (Конюшихина 2016).

Первым исследователем, построившим свою работу исключительно на социально-экономических показателях донесений из метрополии, был французский исследователь Ноэль Саломон (Salomon 1964). В своей знаменитой книге об испанской деревне второй половины XVI в. он проанализировал демографическую ситуацию, уровень развития сельского хозяйства и животноводства, ремесла и торговли, сеньориальные отношения и налоговую систему. Работа имела большой резонанс в исторической среде во многом потому, что многие историки призывали с осторожностью относиться к количественным данным, приведенным в донесениях. Тем не менее, Н. Саломону удалось показать глубокую связь между географической средой и историческими процессами, имевшими место в то время.

В самом конце 80-х годов XX в. географическое направление в изучении донесений подхватила исследовательская группа Антонио Лопеса Гомеса из Мадридского Автономного университета (López Gómez, López Gómez 1989, 1992). Ее задача состояла в попытке реконструировать элементы административно-территориального деления кастильских земель во второй половине XVI в. и вписать их в сельский ландшафт. Впоследствии участники исследования обратились к теме устойчивого развития на основе данных испанских донесений (Arroyo Ilera, Fernández García, López Gómez 1991). Фернандо Арройо Илера, один из участников проекта, разработал свой новаторский подход, нашедший отражение в его книге «Вода, пейзаж и общество в XVI веке» (Arroyo Ilera 1998). На основе анализа ответов респондентов на четыре пункта анкеты 1575 г. (и последующей редакции 1578 г.) он

воссоздал исторический ландшафт Новой Кастилии и показал, какую важную роль играли водные ресурсы для этой территории. Его идеи получили дальнейшее развитие в работе Луиса Ариаса Гонсалеса применительно к региону Эстремадура (Arias González 2015). Стоит также упомянуть М. Клаверо, задавшегося вопросом о том, какая рыба водилась в реках Центральной Испании (Clavero 2012). Тем самым он стал одним из пионеров в области исторической ихтиологии.

В настоящее время в связи с популярностью экологического дискурса интерес исследователей-гуманитариев к темам, связанным с историческим ландшафтом, природопользованием, антропогенным воздействием на окружающую среду, не только не угасает, а неуклонно растет. В этом отношении такие источники, как «Географические донесения» могут служить отправной точкой для самых разных историко-географических изысканий. Так, например, Маккензи Кули из Колледжа Гамильтона в рамках своего проекта «Природа Нового Света» (<https://nwn.dhinitiative.org/search-archive/>) затрагивает вопросы научного познания в Испании эпохи Возрождения, основываясь преимущественно на данных американских донесений (и в меньшей степени испанских) о видах флоры и фауны.

Подводя итог, скажем, что донесения как геоисторические источники имеют высокий исследовательский потенциал, который до сих пор не исчерпан, благодаря наличию в них большого количества сведений историко-географического характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Конюшихина Н. Л. Анкеты 1575 и 1578 годов для «Топографических донесений Филиппа II» // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2021. Т. 5. С. 79–124.
- Конюшихина Н. Л. Американская и испанская анкеты 1570-х гг. для «Географических донесений»: опыт сравнительного анализа // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 8 (52) — [Электронный ресурс]. Доступ для за-

- регистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840001606-5-1/>, дата обращения — 20.05.2023.
- Arias González L.* El agua en la Extremadura del siglo XVI: percepción y descripción a través de las relaciones topográficas de Felipe II // Releyendo: estudios de lectura y cultura / Ed. por M. del Campos Fernández-Figares, M.J. de Lara Ródenas, J.M. Pérez Collados. León, 2015. P. 397–414.
- Arroyo Ilera F.* Agua, paisaje y sociedad en el siglo XVI. Madrid, 1998.
- Arroyo Ilera F., Fernández García F., López Gómez A.* Percepción del riesgo ambiental y valoración de los recursos naturales en las Relaciones Topográficas de Felipe II // Actas del XII Congreso Nacional de Geografía. Valencia, 1991. P. 109–120.
- Camarero Bullón C.* El Catastro de Ensenada, 1749-1759: diez años de intenso trabajo y 80.000 volúmenes manuscritos // CT Catastro. 2002. № 46. P. 61–88.
- Clavero M.* Ictiología Ibérica del siglo XVI: los peces en las Relaciones de Felipe II // Libro de Actas. IV Jornadas Ibéricas de Ictiología. Girona, 2012. P. 108.
- García Juan L., Vallina Rodríguez A., Aguilar Cuesta A.* ¿Hacia una IDE para fuentes geohistóricas? // Mapping. 2018. Vol. 27. № 119. P. 37–48.
- López Gómez J., López Gómez A.* La vivienda rural madrileña en el siglo XVI según las Relaciones Topográficas de Felipe II // Estudios Geográficos. 1989. Vol. 50. № 197. P. 578–598.
- López Gómez J., López Gómez A.* La vivienda rural toledana en el siglo XVI según las “Relaciones topográficas de Felipe II” // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1992. 189 (1). P. 1–22.
- Mackenzie Cooley.* New World Nature Project — Электронный ресурс [режим доступа: <https://nwn.dhinitiative.org/search-archive>, дата обращения — 11.02.2023).
- Salomon N.* La campagne de Nouvelle Castille à la fin du XVIe siècle. Paris, 1964.
- Vallina Rodríguez A., Aguilar Cuesta Á., García Juan L., Bernabé Crespo M., Bringas Gutiérrez M., Camarero Bullón C.* Discovering the Legacy of Hispanic / Spanish and South American Landscapes through Geohistorical Sources: The Geographical and Topographical Relations of Philip II // Sustainability. 2022. Vol. 14 (3). P. 1306.

М.А. Корзо

КНИЖНЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РЕСУРСА ПРАВОСЛАВНЫХ КНИЖНИКОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Книжная продукция православных типографий Речи Посполитой начала XVII в. отличалась значительным жанровым разнообразием. При этом бóльшая часть изданий представляла собой не авторские произведения, но переводы (переложения) или компиляции, составленные как на основе популярных в Европе сборников более ранней эпохи, так и различных латиноязычных изданий рубежа XVI–XVII веков. Издания православных типографий снабжались пространными авторскими предисловиями. Под автором могло подразумеваться как конкретное лицо, готовившее книгу к публикации и поставившее свое имя под предисловием, так и группа лиц или коллективный автор, например, иноки того или иного монастыря или члены того или иного православного братства.

Предисловия выполняли роль тематического введения к переводу или компиляции, но при этом были совершенно самостоятельными текстами, которые можно анализировать в том числе и вне контекста того издания, которому они предпосылались.

Анализ встречающихся в данных предисловиях цитат, латинских сентенций, аллюзий, поговорок и т.п. позволяет реконструировать круг чтения православных книжников той эпохи, сделать предположения о составе библиотечных собраний отдельных православных институций (например,

Виленского православного братства). Выявление использованных для составления предисловий книг может зачастую служить подсказкой, в каких учебных заведениях получали образование авторы предисловий и какими учебниками они могли пользоваться.

В качестве первого примера рассматривается сборник морально-аскетического характера «Диоптра альбо Зерцало» (Евье, 1612), подготовленный игуменом монастыря в Дубне на Волыни Виталием. Выдержавшее ряд переизданий до конца столетия и популярное впоследствии также в старообрядческой среде, сочинение ошибочно отождествлялось с «Диоптрой» Филиппа Пустынника или считалось переводом неизвестного греческого памятника. Анализ текста свидетельствует о том, что «Диоптра» — это перевод латинской версии сочинения францисканца Диего де Эстелла *Libro de la vanidad del mundo* (Тоledo, 1562).

Тексту «Диоптры» издатели Виленского православного братства предпослали предисловие, в котором проводится мысль, что «оулюблене сегосвѣтнее марности... есть... до Богомысльности перешкодою». В качестве авторитета для обоснования этой позиции авторы предисловия ссылаются не на Библию, но на «свѣтолюбных мудрцов», а именно на «Мерькуриуша Тримекгистуса» и Сократа. В первом случае речь идет о Гермесе Трисмегисте (лат. *Mercurius Trismegistus*), синкретичном эллинистическом божестве, которое вплоть до XVII в. считалось исторической личностью, которому приписывался так называемый «Герметический корпус» (*Corpus Hermeticum*). В предисловии к «Диоптре» приводится фрагмент из седьмого трактата, где Гермес рассуждает о препятствиях на пути достижения высшей мудрости, называя тело среди величайших врагов души. Данная мысль Гермеса органично вписывается в общую тональность «Диоптры». Приведенное далее в предисловии высказывание Сократа служит подтверждением мысли Гермеса о теле как препятствии для духовного познания, которое затемняет познавательные способности души. Несмотря на то, что как «Герметический корпус», так и «Диалоги» Платона выдержали к началу XVII в. множество переизданий, а потому могли быть доступны ав-

торам предисловия, в докладе обосновывается предположение, что обе цитаты были восприняты из одного источника — сочинения итальянского францисканца-обсерванта Ганнибала Розелли. Выходец из Калабрии, Розелли с 1581 г. начал преподавать в Краковской академии. Его основной труд «*Rumander*» создается в годы преподавания, а поэтому вполне мог использоваться в качестве учебника. У Розелли встречаются обе цитаты из предисловия к «Диоптре» и обе — в пятом томе. Данный факт позволяет предположить, что или сочинение францисканца присутствовало в библиотеке Валинского православного братства, или кто-то из составителей предисловия имел опыт обучения в Краковской академии.

В качестве другого примера рассматривается предисловие к сочинению «Десидеросус, или Стезя к любви Божьей» (*Desiderosus, abo Scieszka do miłości Bożej*) (Краков, 1625) — четвертому изданию польского перевода анонимного испанского трактата начала XVI в., который подготовил и трижды опубликовал в конце XVI в. Каспер Вильковский (ум. после 1589). Переиздание 1625 г. осуществил Кассиан Сакович (ок. 1578–1647) — связанный с Киевской братской школой православный интеллектуал, совершивший впоследствии конверсию сначала в унию, а затем в католицизм. В адресованном князю Александру Заславскому (1577–1629) и его супруге княгине Ефросинии из рода Острожских (ум. 1628) предисловии Сакович рисует идеал знатного человека, у которого блеск происхождения идет в паре с набожностью и образованностью, который привлекает в своем окружении людей начитанных и любителей наук, который деятельно поддерживает стремление других к учению. Свое рассуждение Сакович украшает целой россыпью латинских и польских цитат (чаще всего без атрибуции или с лаконичным указанием «слова лирика», «как говорит трагик» и т.п.), которые удалось идентифицировать как фрагменты из трагедии Сенеки Младшего, «Од» Горация, «Форсалии» Лукана, из сборника изречений Альфонсо V Великодушного «О словах и делах», «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, трактатов стоика гуманиста Юста Липсия, эмблематических сборников. Все это богатство иллюстративного материала было

отзвуком большой начитанности православного книжника, также и свидетельством доступности для него значительного числа популярных в ту эпоху сочинений политико-назидательного характера, зеркал для принцев и придворных, сборников религиозной лирики. Встречаются в предисловии и латинские сентенции, установить атрибуцию которых не представляется возможным; они могла быть лишь эхом общей эрудиции Саковича и студенческих лет, которые Сакович провел в Замойской и Краковских академиях.

А.А. КУЗНЕЦОВ

«ФОРМИРОВАНИЕ» НИЖЕГОРОДСКОЙ КНЯЖЕСКОЙ ДИНАСТИИ XIV ВЕКА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ СПИСКАХ ИСТОЧНИКОВ XVII ВЕКА

Нижегородские князья правили в 1340-х–1392 гг. в Нижегородско-Суздальском княжестве. В Нижнем Новгороде XVII в. началось постижение местной истории через идентификацию княжеских гробниц нижегородского Спасо-Преображенского собора (Шайдакова 2006: 206). Она отразилась в «списках гробов» Синодика Спасо-Преображенского собора (1680-е гг., СИН) и Нижегородского летописца (НЛ) XVII в. Эти варианты именуются погребальными списками.

Их авторы опирались на перечисление «гробов» в Царской тарханной грамоте нижегородским соборам 1606 г. (дана Василием Шуйским и подтверждена Михаилом Романовым). По ней князья захоронены «в Соборной церкви Преображения Спасова» 1352 г. (Летопись по Академическому списку: стб. 531): *Константин «Юрьевич», его дети Дмитрий и Иван (Брюхатой), Семен Иванович, князь Василий, жена Константина — Анна Грековна, Иван Борисович Тугой Лук, жена Дмитрия — Василиса* (Акты исторические 1841: 88).

Но Константина «Юрьевича» не было. На самом деле, это нижегородский князь Константин Васильевич (1303–1355). Жена Константина «Юрьевича» — *Анна Грековна* — впервые встречается здесь. Женой Константина Васильевича была Елена (Рогожский летописец: Стб 74). Василиса жена не Дмитрия, а Андрея Константиновича (Симеоновская летопись: 125–126). Замена Константина Васильевича *Юрьевичем* делала родоначальника нижегородских князей XIV в. сыном

основателя Нижнего Новгорода — владимирского князя Юрия Всеволодовича (1188–1238), а Василия Шуйского — потомка нижегородских князей — потомком Юрия Всеволодовича, старшего брата Ярослава и дяди Александра Невского. Так Шуйский получал больше оснований на московский престол, чем угасшая династия. *Анна Грековна* давала византийское происхождение. Константин Юрьевич и *Анна Грековна* — результат *подлога в политических целях*.

Василий — это Василий Дмитриевич, ум. в 1403 г. (Московский летописный свод: 232). Места его смерти и захоронения в источниках не указаны, но после 1392 г. он преследовался московским князем. Его погребение в Нижнем Новгороде проблематично.

Возникшая в 1680-е гг. потребность в идентификации «гробов» в соборе постройки 1652 г. была обусловлена записью СИН: «Гробы великих Князей и Княгинь поставлены в сем соборе *только для знака, а телеса их погребены не в сем соборе*, но в прежде бывшем, которой, как явствует въ нижегородском летописце..., а по построении... нова собора разобран» (Синодик: правая сторона форзаца). То есть, вместо погребений в соборе 1652 г. были сделаны кенотафы. Княжеские могилы не были обозначены и в соборе XIV в., иначе это было бы известно и в 1606, и в 1680-е гг.

Редакции НЛ под 6918 г. дают списки погребений в Спасском соборе Нижнего Новгорода. Выявляются 2 варианта этого перечня: 1) «Константин Юрьевичь, Андреи Константиновичь, Василии Димитриевич, Семень Димитриевич, Иоаннъ Борисовичь, Иоаннъ Димитриевичь, княгиня Васса, во инокинях Феодора, княгиня Анна, супруга Бориса Константиновича»; в 1671/72 в собор из Городца принесен гроб Бориса Константиновича (Шайдакова 2006: 154, 164, 216, 222, 229, 235–236, 242, 248). 2) «Константин Юрьевичь, Андреи Константиновичь, Димитрии Константиновичь, Василеи Димитриевич, Семень Димитриевич, Иоаннъ Борисовичь, Иоан Димитриевичь, княгиня Василиса, во иноцех Феодора, княгиня Анна, супруга Бориса Константиновича»; в 1671/72 в собор из Городца принесен гроб Бориса Константиновича (Шайдакова 2006: 173, 179; 187, 193, 201, 208).

Княгиня Анна в НЛ — жена Бориса Константиновича, а не его отца, как в грамоте 1606 г. Но жену Бориса, дочь Ольгерда, звали *Аграфена* (Супрасльская летопись: 47). После упоминания в 1392 г. о ней более не сообщается, и НЛ молчит о её смерти.

По НЛ в 1671/72 г. останки Бориса перенесены из Городца. Но его захоронение в Городце сомнительно. В 1394 г. Борис умер и похоронен в Суздале (Московский летописный свод: 221). Перенос его останков из Городца проблематичен из-за уничтожения в 1409 г. и запустения Городца.

Согласно НЛ, княгиня Васса сразу была положена в храм Спаса (Шайдакова 2006: 138, 145, 152, 172, 186, 200, 214, 228, 241, 251, 260–261). Но, по общерусским летописям, ее похоронили в созданном ею нижегородском Зачатском монастыре (Сименовская летопись: 125).

Требуется объяснения и «гроб» *Семёна Дмитриевича* в НЛ. На самом деле, он в 1402 г. был сослан на Вятку и умер (Симеоновская летопись: 150). Но для книжников НЛ, *Семён Дмитриевич* «заменял» реального князя *Семёна Михайловича*, погибшего на Пьяне 1377 г. В НЛ общерусское сведение об извлечении из Пьяны тела Ивана Дмитриевича наращено прибавлением тела Семёна; их и «похоронили» в церкви Спаса (Шайдакова 2006: 137, 144, 150, 170, 184, 198, 213, 226, 239, 250, 259), хотя реальный Семён прожил еще 25 лет.

Родственный списокам НЛ погребальный список читается в СИН (кенотафы!): гроб Анны Грековны, жены Константина «Юрьевича», «подле» Василисы, жены Андрея Константиновича, «выше» — Иоанн Дмитриевич Брюхатый, «выше» — гробы Константина *Юрьевича*, его детей Андрея и Димитрия, выше — Симеона Иоанновича, выше — Иоанна Борисовича Тугого Лука, выше — Василия Дмитриевича, гроб Бориса Константиновича, принесенный в «179» (1671) г. (Синодик: Л. 2–3). Список СИН близок варианту 2 НЛ с «превращением» Анны из жены Бориса в жену Константина и заменой Семёна *Дмитриевича* на Ивановича и списку грамоты 1606 г. без князей Андрея и Бориса.

Расхождения в «гробных списках» НЛ и СИН объяснимы разными подсчетами «гробов», выдуманными погребениями

Бориса Константиновича, Семёна и Василия Дмитриевичей, Вассы и Анны Грековны. Последняя «прописалась» в историографии как первая жена Константина Васильевича благодаря Н.М. Карамзину: Константин Васильевич «положен в... церкви Св. Спаса..., где и ныне показывают его гроб. Там погребена и супруга Константинова, Анна Грековна (думаю Гречанка)» (Карамзин 1991: 326. Прим. 376).

В основе такого «сотворения истории» в Нижнем Новгороде лежит подлог в грамоте 1606 г. списка погребенных в Спасском соборе XIV в. нижегородских князей и княгинь. Главными продуктами этой манипуляции стали Константин Юрьевич и Анна Грековна, остальные персонажи изыскивались в источниках для представления рода Василия Шуйского.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 19 августа 1606 года. Царская тарханная грамота Нижегородскому Преображенскому и Архангельскому соборам // Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2. С. 86–90.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского в 12-ти томах. М., 1991. Т. 4.
- Летопись по Академическому списку // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1.
- Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. М., 2007. Т. 18.
- Синодик нижегородского кафедрального Спасо-Преображенского собора — Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотеке. Ф. 1. Оп. 2. № 26.
- Супрасльская летопись // ПСРЛ. М., 1980. Т. 35.
- Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII века. Нижний Новгород, 2006.

М.А. КУРЬШЕВА

ХРОНОЛОГИЯ СТИЛЕЙ ПИСЬМА ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ МАКЕДОНСКОГО РЕНЕССАНСА В ВИЗАНТИИ

Современная греческая палеография базируется не только на методиках определения датировки и локализации рукописей, но и с середины XX столетия строится на идентификации индивидуальных почерков и выделении их групп. Помимо чисто палеографического исследования всегда производится кодикологический анализ изучаемого манускрипта, привлекаются, если это необходимо, выводы историков греческого средневекового искусства и текстологов. Все эти методы в совокупности позволяют воссоздать картину книгописания на протяжении практически всего существования греческой рукописной книги, но особенно в историографии разработан период XIII–XVIII веков. В специальной литературе сложилось устойчивое представление, что вплоть до XIII–XIV вв. выявление индивидуальных особенностей греческих минускульных почерков фактически невозможно и даже просто непродуктивно. А писцы IX–XI вв. и вовсе якобы подавляли проявления индивидуальности в своем почерке, унифицировано копируя библейские, литургические и богословские тексты (Wilson 2008: 101–114).

Тем не менее мое предметное исследование книжной культуры периода Македонского ренессанса позволяет наметить целую историю смены почерковых стилей, появления и исчезновения скрипториев и отдельных малых групп писцов. Магистральную линию составляют константинопольские почерки «философской коллекции» патриарха Фо-

тия 850–880-х годов, затем, по-видимому, почерки времени правления Льва VI Мудрого (886–912) и «скриптория» Арефы Кесарийского до 930-х годов. Потом наступает расцвет минускула типа *bouletée* («алмазного письма»), а после — курсивного минускула круга писцов знаменитого писца монаха Ефрема (так называемый «тип Ефрема»), а затем возникновение из него во второй половине X в. *Perlschrifta* («жемчужного письма»). Этот последний тип письма стал доминирующим в книжной культуре Византии до конца XI в., то есть почти на полтора столетия.

Помимо этой магистральной линии в Константинополе X в. существует и поддается идентификации целая мозаика самых разнообразных почерков, отражающих поиски новых форм каллиграфии и попытки выражения творческой индивидуальности разных писцов Македонского ренессанса. Именно творческие поиски и самовыражение отдельных индивидов и есть главный признак ренессансов периода Средневековья (Treadgold 1984: 1–22, 75–98; Janocha 2012: 27–42). Например, недавно мною были атрибутированы такие, с одной стороны, обычные, а, с другой, немагистральные, три почерка Четвероевангелия А 15 из Афонской Лавры, датирующийся первой половиной X века (Захарова, Курышева 2022: 220–233).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Захарова А.В., Курышева М.А. Четвероевангелие А 15 из Лавры Св.Афанасия на Афоне: почерк и миниатюры // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М., 2022. Вып. 8 / Отв. ред. М.В. Бибиков. С. 220–233.
- Janocha M. Byzance et Renaissance. Quelques remarques sur deux paradigms de la culture et de l'art // Byzantium and Renaissances. Dialogue of Cultures, Heritage of Antiquity, Tradition and Modernity / Pod red. M. Janochy, A. Sulikowskiej, I. Tatarovej. Warszawa, 2012. P. 27–42.
- Treadgold W. Introduction: Renaissances and Dark Ages // Renaissances Before the Renaissance. Cultural Revivals of Late Antiquity and the Middle Ages / Ed. by W. Treadgold. Stanford, 1984. P. 1–22.

Treadgold W. The Macedonian Renaissance // *Renaissances Before the Renaissance. Cultural Revivals of Late Antiquity and the Middle Ages* / Ed. by W. Treadgold. Stanford, 1984. P. 75–98.

Wilson N. Greek Palaeography // *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* / Ed. by E. Jeffreys with J. Haldon and R. Cormack. Oxford; New York, 2008. P. 101–114.

А.В. ЛАЗАРЕВА

НЕМЕЦКИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЛИСТОВКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РУБЕЖА СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Раннее Новое время — это эпоха становления средств печатной коммуникации, или «медиа». Сам термин «медиа» (от лат. *medium*) исследователи определяют как «открытый/общедоступный посредник в сфере общественной/публичной жизни» (Würgler 2013: 2). В русском языке термин «медиум» в единственном числе употребляется только в специальной литературе, чаще же используется множественное число — медиа, что в целом подчеркивает массовый характер этих источников. Рубежом, отделяющим раннее Новое время от эпохи Средних веков стала «медиа-революция», или «революция в средствах печатной коммуникации». Переход от рукописной традиции к культуре печатной продукции, проходивший с конца XV в., был важнейшей вехой для совершенно иных масштабов передачи новостей и других свидетельств, в которую постепенно в XVI–XVII веках оказалась вовлечена Европа.

В современной источниковедческой классификации существует специальная категория «печатные медиа», с распространением которых в Европе связано появление единого коммуникативного пространства (Eisenstein 1983: 10). Средства печатной коммуникации в раннее Новое время впервые превратились в настоящий «массовый источник», к которому относят целый ряд памятников. Во-первых, это памфлеты; во-вторых, листовки; в-третьих, газеты. В разных странах процесс становления печатных медиа имел свою

специфику и интенсивность, обусловленную степенью развитости печатного дела. Одну из первых ролей в производстве печатных изданий в Европе играли немецкие княжества. Наряду с хорошо знакомой печатной продукцией, в Германии в раннее Новое время появился уникальный памятник — иллюстрированные листовки. Они превратились в своеобразный «визуальный нарратив», благодаря тому, что содержали не только текст, но и изображение, расположенное в верхней части листа.

Иллюстрированные листовки представляли собой односторонние листы, как правило, довольно большого размера, в среднем 30x40 см. Внизу располагался текст, а в верхней половине находилось изображение, его иллюстрировавшее. Иллюстрация выводила листовки в явные лидеры среди печатных изданий, являясь наиболее привлекательной особенностью листовки, благодаря которой они покупались даже неграмотными слоями населения. Широкое распространение «доступных изображений» позволяет говорить о раннем Новом времени как о «совершенно особой эпохе визуального» (Burke 2003: 37). Сегодня при изучении и интерпретации визуальных источников раннего Нового времени особенно широкое распространение получил «иконографически-иконологический метод» или «триада Панофского» (по имени историка искусств Э. Панофски), подразумевающая выделение трех этапов в анализе изображения — формального, иконографического и иконологического. Модификация концепции Панофского заключается, как правило, прежде всего в ее «социализации», призыве исследовать не только художественные идеи и образы, но и их реальный исторический и социальный контекст.

Появление иллюстрированных листовок связано с развитием немецкой гравюры, получившей свое широкое хождение с XV века. Гравюры иллюстрированных листовок, как правило, создавались или специально приглашенным художником или резчиком, или же самим издателем, который, обладая навыками работы по дереву или меди, мог самостоятельно сделать рисунок. Основными центрами издания иллюстрированных листовок были крупные города, такие

как Франкфурт-на-Майне, Дрезден, Мейсен, Аугсбург, Нюрнберг, Страсбург. Цена печатной продукции составляла приблизительно 2–4 крейцера, что соответствовало 12 яйцам, 250 граммам сливочного масла, или 100 граммам сахара (Würgler 2013: 88).

Потребность в свежей информации и возможность ее получить в относительно сжатые сроки была одним из характерных признаков, отличающих раннее Новое время от Средних веков. Тиражи иллюстрированных листовок оцениваются исследователями примерно от 1000–2000 экземпляров, что свидетельствует об их высокой степени востребованности. «Новизна» передаваемых сведений определялась скорее не близостью к конкретной дате происшедшего события, сколько его значением в представлениях современников. В частности, выступления Лютера, изложение его основных взглядов были в ходу не только в самые первые годы Реформации, но имели широкую популярность и в начале XVII в. и содержали в названии эпитет «новый». Тем не менее известный немецкий историк В. Хармс замечает, что листовки предоставляли «непривычно быстрый публицистический отклик на события» (Harms 2002: 15).

Сюжетное разнообразие иллюстрированных листовок безгранично. Здесь можно найти отражение всех популярных тем раннего Нового времени. Эпоха конфессионализации, безусловно, отразилась, прежде всего, в листовках религиозного содержания. Важнейшим событием мировой истории, которую невозможно отделить от практик распространения и культуры печатных средств коммуникации стала Реформация. Огромный пласт иллюстрированных листовок связан с передачей военных новостей, особенно актуальной в годы Тридцатилетней войны (1618–1648). Значительное место занимают памятники, связанные с повседневными бытовыми сюжетами, в том числе с модой. Высокий спрос на рассказы о чудесах и знамениях стал основой еще одной тематической группы иллюстрированных листовок.

Увеличение печатной продукции стимулировало появление круга читающей публики, который начал выходить за рамки контингента ученых. Эта читающая публика оказа-

лась больше не привязанной к традиционным структурам, таким как университеты или монастыри. Разные исследователи сходятся в целом в том, что в буквальном смысле «грамотным» в германских землях в XVI–XVII вв. были 2–4% населения, при этом при необходимости с трудом разобрать печатный текст могли 10–30% городских жителей. Под «читающей публикой» раннего Нового времени скорее следует понимать тех, кто так или иначе был вовлечен в сферу аккумуляции информации. Известный немецкий историк раннего Нового времени Георг Шмидт назвал иллюстрированные листовки «посредником», который «соединял общество, разделенное сословными и региональными рамками» (Schmidt 1999: 127).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Böhn A., Seidler A.* Mediengeschichte. Eine Einführung. Tübingen, 2008.
- Briggs A., Burke P.* A Social History of the Media: from Guttenberg to the Internet. Cambridge, 2005.
- Burke P.* Augenzeugenschaft. Bilder als historische Quellen. Berlin, 2003.
- Das illustrierte Flugblatt in der Kultur der Neuzeit / Hg. von W. Harms und M. Schilling. Frankfurt am Main, 1998.
- Eisenstein E.L.* The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, 1983.
- Kommunikation und Medien in der Frühen Neuzeit / Hg. von Jh. Burkhardt und C. Werkstetter. München, 2005.
- Macht und Ohnmacht der Bilder. Reformatorischer Bildersturm im Kontext der europäischen Geschichte / Hg. von P. Blickle, A. Holenstein, H.R. Schmidt. München, 2002.
- Schmidt G.* Geschichte des Alten Reiches. München, 1999.
- Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. 1450–1700 / Hg. von W. Harms und A. Messerli. Basel, 2002.
- Würgler A.* Medien in der Frühen Neuzeit. München, 2013.

Е.В. ЛИТОВСКИХ, И.А. РЕЙЕР

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИЗОБРАЖЕНИЙ ПРИ РАБОТЕ С РУКОПИСЬЮ AM 107 FOL

Рукопись Арнамагнеанского собрания в Рейкьявике AM 107 fol представляет собой первую редакцию средневекового исландского исторического произведения «Книги о занятии земли» *Sturlubók* («Книга Стурлы»), которая была написана ок. 1275–1280 гг. исландским писателем и политиком Стурлой Тордарсоном. Автограф данной редакции, равно как и списки XIV в. были утрачены в Копенгагенском пожаре 1728 года.

Список AM 107 fol был сделан по заказу скаульхольтского епископа Бриньоульвюра Свейнссона в 1640–1660 гг. известным исландским переписчиком Йоуном Эрлендссоном по пергаменному кодексу ок. 1400 года.

AM 107 fol — единственный дошедший до нас манускрипт с редакцией *Sturlubók*, поэтому значение качества данного списка чрезвычайно велико. Он был проанализирован нами в рамках продолжающегося проекта использования машинных средств для распознавания рукописных и рукопечатных текстов. С этой точки зрения он удобен тем, что написан одним однозначно идентифицируемым почерком, обладающим к тому же ярко выраженными особенностями. Кроме того, сохранилось около 60 рукописей, принадлежащих перу Йоуна, что позволяет сравнить AM 107 fol с другими образцами почерка Йоуна.

Для выделения и подсчета структурных частей и элементов текста AM 107 fol мы использовали систему качест-

венного и количественного анализа данных AQUAD 7 (<https://www.aquad.de/>) и комплекс программных средств (подробнее о них см.: Качура, Липкина, Литовских, Рейер 2021: 283–287), реализующий методы обработки и анализа изображений текста, в частности методы на основе гранично-скелетных морфологических моделей (Местецкий 2009; Ломов, Местецкий 2016; Reyer, Aminova 2019). Такие модели основаны на преобразовании исходного дискретного изображения текста в непрерывное тройственное представление, включающее граничную (описывающую особенности контура), скелетную (отражающую структурные особенности) и циркулярную (описывающую вариации ширины) составляющие.

Для бинаризации (разделения на текст и фон) цветных изображений листов рукописи AM 107 fol в программном комплексе нами использовалась нейросетевая модель, подготовленная и обученная С. Лидесом на изображениях текстовых документов Национального архива Финляндии (<https://github.com/sliedes/binarize>). Выделение абзацев на странице проводилось на основе анализа расположения связанных компонент на бинаризованном изображении и применения к ним операций математической морфологии. Сегментация изображения на строки и слова была осуществлена нами на основе методов статистического анализа параметров текстовых фрагментов и расположения выделенных элементов на странице, реализованных в программной библиотеке Tesseract OCR.

Рукопись AM 107 fol выполнена облегченной фрактурой. Исландские палеографы определяют отраженный в ней тип письма как *blendingsskrift* (<https://handrit.is/manuscript/view/is/AM02-0107/0#mode/2up>), поскольку традиционная фрактура начальных листов сильно упрощается к середине рукописи. В AM 107 fol это особенно заметно, начиная с л. 50v. Ближе всего к «классическому» готическому письму выполнены заголовки начальных листов.

В результате проведенного нами расчета высоты букв можно отметить, что она снижается по мере продвижения по тексту. При этом относительная плотность наполнения

строк повышается. С л. 33v идет уменьшение шрифта, особенно явное оно на последних листах, начиная с л. 74г. И если лл. 11г, 53v и 64г маркируют начала крупных смысловых разделов, то на л. 22г можно предположить временной разрыв в переписывании.

Лигатуры и ключевые слова на изображениях листов рукописи выделялись нами в полуавтоматическом режиме с последующим ручным отбором и коррекцией найденных программой элементов. Поиск слов-кандидатов проводился на основе вычисления сходства подготовленных образцов и сегментированных слов с помощью графемного подхода, предложенного Л. М. Местецким и А. Л. Липкиной (Липкина, Местецкий 2020).

Йоун использует лигатуры, как правило, для слов *maðr* (и вводного оборота *hét maðr*), *dóttir*, *sonr*, *ok*, *hann*, *þeir*, *fára*. При этом лигатура *prestr* на л. 1г является единичной. Количество лигатур на листе колеблется в интервале от 0 до 12 и увеличивается, начиная с л. 18v. Меньше всего их на листах, открывающих новые смысловые разделы. Однако содержание текста на количество лигатур не влияет, одни и те же слова могут как писаться полностью, так и сокращаться, что особенно четко видно на примере частотного вводного оборота *hét maðr*.

Та же тенденция прослеживается и при анализе частоты выносных букв: при медианном значении 15 их число увеличивается, начиная с л. 18г (резкое увеличение наблюдается с л. 33v одновременно с уменьшением высоты шрифта и затем с л. 44г). При этом начала смысловых разделов никак не отображаются на динамике числа выносных букв. Минимум (5 выносных — л. 22г) наблюдается после выброса (в рамках которого расположен и максимум — 34 выносных знака, л. 20v). Параллельно с увеличением числа выносных букв идет увеличение числа лигатур. Это можно рассматривать также как аргумент, свидетельствующий в пользу некоторого, хотя бы непродолжительного перерыва в работе Йоуна.

При этом наиболее характерное для Йоуна написание отдельных букв, по которым его рука легко идентифицируется (это прописные *A*, *E*, *F*, *J*, *N*, *S* и *V* и строчные *gg*, *f*, *v* и *x*),

сохраняется на всем протяжении рукописи (подробнее о палеографических особенностях AM 107 fol см.: Литовских, Рейер 2022: 126–132).

Таким образом, машинными средствами в AM 107 fol можно проследить динамику почерка Йоуна, а именно — нарастание «усталости руки», выразившееся в увеличении плотности заполнения строк и большей интенсивности использования лигатур и выносных букв.

БИБЛИОГРАФИЯ

Качура А.С., Липкина А.Л., Литовских Е.В., Рейер И.А. Поиск ключевых слов на изображениях рукописей средневековых исландских нарративных памятников // Математические методы распознавания образов. М., 2021. С. 283–287.

Липкина А.Л., Местецкий Л.М. Метод распознавания шрифтов на основе медиального представления // Графикон: Труды Международной конференции по компьютерной графике и зрению. М., 2020. С. 118–129.

Литовских Е.В., Рейер И.А. Рукопись AM 107 fol и ее место в Арнамагнеанском собрании // Graphosphaera. 2022. Т. 2. № 2. С. 115–133. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-2-115-133>

Ломов Н.А., Местецкий Л.М. Площадь дискового покрытия — дескриптор формы изображения // Компьютерная оптика. 2016. Т. 40. № 4. С. 516–525.

Местецкий Л.М. Непрерывная морфология бинарных изображений: фигуры, скелеты, циркуляры. М., 2009.

Reyer I., Aminova K. Parametric Shape Descriptor based on a Scalable Boundary-Skeleton Model // IDP 2016. Communications in Computer and Information Science. 2019. Vol. 794. P. 151–162.

В.И. МАЖУГА

О ЕЩЕ ОДНОМ РУКОПИСНОМ ПАМЯТНИКЕ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

ФРАГМЕНТ *DIGESTUM INFORTIATUM*
В НАУЧНОМ АРХИВЕ СПБ ИИ РАН

Фрагмент под шифром Карт. 623, № 10 содержит отрывок из второй по средневековому счету части Дигест, именованной *Infortiatum* (D.34.5.7-34.5.15). До настоящего времени он не получил научного описания. Между тем он является довольно редким свидетелем раннего периода комментирования текстов римского права итальянскими глоссаторами, как и редактирования ими текста соответствующей части Дигест. Фрагмент может быть датирован концом XII или началом XIII века и рассматриваться как ранний образец особого болонского стиля, нашедшего применение главным образом в кодексах юридического содержания. В оформлении аппарата комментария еще весьма ярко выражена такая традиция первых итальянских глоссаторов XII в, как использование особых «красных значков» для лингвистического и стилистического комментария. Но ярче всего в нем проявилось особое почитание ученого наследия глоссатора Рогерия (ум. между 1162–1170 гг.), которому более других болонских юристов способствовал глоссатор Бассиан, преподававший римское право в Болонье в последней четверти XII века.

Именно к анализу глосс, отмеченных сиглой Рогерия, мы и обратимся. Анализ текста самих Дигест в рассматриваемом фрагменте позволит точнее определить его место в рукописной традиции, но он требует дополнительного сопоставления многих рукописей и должен составить дальнейшую зада-

чу исследования. Анализ глосс в нашем фрагменте позволяет утверждать, что фрагменту принадлежит третье место в общем хронологическом ряду ранних средневековых списков второй части Дигест. Характер письма и орнаментики дает дополнительное основание для такого утверждения и позволяет указать на Болонью рубежа XII–XIII в. как на центр, где был создан соответствующий рукописный кодекс. Древнейшими из названных списков являются созданный между 1151–1180 годами, предположительно, в аббатстве Клюни (к северу от Лиона) кодекс *Paris, BNF, Lat. 4454* и кодекс итальянского происхождения, вероятно, последней четверти XII в. *Montpellier, Bibl. interuniv., N. 80*, в которых, однако, мы не находим еще глосс Рогерия в интересующем нас месте.

Здесь мы представим результаты сопоставлений главным образом со списками первой трети XIII века. Во фрагменте и в списках последней группы сиглой Рогерия отмечены не только развернутые глоссы, содержащие объяснение отдельных положений в тексте Дигест, но и указания параллельных мест и даже «красные значки», которые помогли в нашем случае помогли самому пониманию близких по смыслу мест в пределах примерно четырех страниц рукописи. В применении сиглы Рогерия соблюдалось, однако, одно строгое различие: «разъяснительные» глоссы помечались сиглой в виде прописной *R* в конце глоссы, а прочие глоссы по традиции XII в. предварялись строчной буквой *r*.

Примеры со строчной *r* перед «красным значком» особенно показательны, как по числу и строгой последовательности, так и по быстрому угасанию самой традиции их применения, имевшей чисто прикладной характер и, по-видимому, ограниченной только Италией и средиземноморскими областями Франции. В нашем фрагменте их насчитывается 22, а в бамбергском кодексе *Bamb., Staatsbibl., Handschr., Msc Jur. 15* им соответствуют 19 примеров (f. 118ra.16–118vb.40). В наиболее позднем среди рассматриваемых нами рукописей Лейденской кодексе *Leiden, UB, d'Ablaing, Abl. 1* два из помеченных сиглой *r* «красных значков» приписаны Мартину Гозия, болонскому предшественнику Рогерия, один — Николаю Нестовому (*Nicolaus Furiosus*), деятельность которого в Боло-

ные была отмечена в 1194 г. (см.: f. 90va.25–91rb.5). След критических усилий болонских профессоров, сличавших авторитетные списки Дигест на рубеже XII–XIII вв., можно усмотреть и в венском кодексе *ÖNB, Cod. 2261*, в соответствующей части которого мы встречаем лишь семь из 22 «красных значков», помеченных сиглой *r* в нашем фрагменте. (см.: f. 132rb.37–133ra.54).

Подобную же картину дает сопоставление глосс, отсылающих к сходным текстам в Корпусе Юстиниана, хотя часто и с иным решением такого же правового вопроса. В историографической традиции они получили наименование *allegationes*. Во фрагменте насчитывается 12 таких глосс. В упомянутом бамбергском кодексе, ближайшем к нашему фрагменту по времени своего создания, но содержащем более развитую болонскую орнаментуку, мы встречаем 9 глосс с сиглой Рогерия из числа отмеченных этой сиглой во фрагменте, а в лейденском кодексе мы встречаем только три таких глоссы. В то же время в венском кодексе присутствуют все двенадцать глосс, но ни один из них не отмечен какой-либо сиглой. В последнем опять можно усмотреть результат уже ранее проведенного критического сравнения авторитетных списков Дигест, и здесь будет уместно заметить, что четыре из двенадцати *allegationes*, отмеченных во фрагменте сиглой Рогерия, уже рукой XII в. были внесены в упомянутый кодекс из Межуниверситетской библиотеки Монпелье, между тем как сиглы Рогерия в рассматриваемой части этого кодекса полностью отсутствуют. Очевидно, в случае с глоссами Рогерия его сиглой помечались далеко не всегда те, что предложил он сам, а скорее, просто те, которые присутствовали в принадлежавшем ему кодексе и были внесены, по мнению переписчиков, его рукой, причем и в отношении других глоссаторов можно наблюдать умножение с течением времени атрибуций все новых глосс одному и тому же известному глоссатору. Так, в соответствующей части несколько более позднего бамбергского кодекса сиглами Рогерия оказалось отмечено в целом еще большее число глосс разного рода, чем в нашем фрагменте, причем некоторые из до-

полнительно приписанных Рогерию глосс мы встречаем и в лейденском кодексе.

В петербургском фрагменте содержатся только три развернутые глоссы, разъясняющие правовые вопросы текста Дигест, и все они помечены сиглой *R*. Первую их этих глосс (*incipit: et hanc et illam ratio evidens...*) мы встречаем во всех упомянутых кодексах: бамбергском, венском и лейденском, только в венском она немного укорочена. Вторая глосса (*incipit: Illam interpretationem, ut parentibus...*) мы встречаем в бамбергском и лейденском кодексе, причем в этих кодексах она полнее на два слов. Однако в венском она отсутствует, а в самом фрагменте и в лейденском кодексе она помещена не рядом с основным текстом, а на верхнем поле, причем так, что трудно решить, к какому, собственно, месту она относится. Наконец, третью глоссу (*incipit: Ibi cuique Ticio suum separatim legavit...*) мы не встречаем ни в одном кодексе первой трети XIII в., но находим ее в парижском кодексе *BNF, Lat. 4452* (f. 108vb,6-13), созданном, возможно, во Франции около 1200 года. К сожалению, конец глоссы в оцифрованном микрофильме не читается, но заметим, что сиглу Рогерия в интересующей нас части этого парижского кодекса мы вообще не встречаем. Можно предполагать, что в принадлежавший Рогерию кодекс, *Liber magistri*, она попала из более ранней рукописи и по какой-то причине не была принята учеными юристами, трудившимися в Болонье на рубеже XII–XIII вв. Заметим, что глоссы одного из этих юристов, а именно Карла де Токко, присутствуют в бамбергском кодексе, хотя и не в рассматриваемой здесь части, а глоссы другого, Николая Неистового, как мы видели, в Лейденском кодексе.

Итак, судя по составу глосс, кодекс, из которого происходит петербургских фрагмент, несомненно, предшествовал названным здесь кодексам первой трети XIII века. Ни один из них не повторял прямо другой кодекс. Можно только отметить близость лейденского кодекса бамбергскому, но и между ними были, очевидно, посредствующие звенья. Не случайно в лейденском кодексе мы находим глоссы Николая Неистового и даже Якоба д'Ардиционе, который представлял уже следующее поколение болонских ученых юристов. Пе-

тербургский фрагмент представляет собой замечательный памятник первого увлечения болонских юристов учеными комментариями воспитанного в Болонье, но трудившегося на Юге Франции глоссатора Рогерия к текстам Корпуса Юстиниана.

С.А. МАСЛОВА

УЧЕТ НАСЕЛЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XIII–XV ВЕКАХ

ДЕФТЕРИ, ОПИСИ, КНИГИ

В актовом материале русского происхождения содержатся сведения, позволяющие сделать некоторые выводы о развитии системы учета населения русских земель в XIII–XV веках.

Формирование этой системы происходило в эпоху ордынского господства и связано с административными мероприятиями монголов. В середине XIII в. в ряде русских земель — Киевской, Суздальской, Рязанской, Муромской и Новгородской — прошли монгольские переписи (Карпини 2022: 160, ПСРЛ 1997: 474–475, НПЛ: 82–83). Во время переписей монголы фиксировали сведения о податном населении и вносили эти данные в особые документы — давтары.

В русских источниках термин «давтар» в форме «дефтерь» впервые отмечен в тексте договора великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями 1434 г.: «А оу вас ми имати вѣ выход по старымъ девтеремъ, по крестъному целованью» (ДДГ: 88). Таким образом, согласно дефтерям с русских земель собирался главный ордынский налог, выход. Сведения о сборе выхода согласно дефтерям содержатся также в договорных грамотах великих князей с князьями можайскими, верейско-белозерскими и рязанскими 1445–1496 гг. (ДДГ: 90, 93, 96, 98, 108, 111, 113, 116, 122, 124, 126, 128, 147, 148, 166, 168, 209, 211, 214, 218, 220, 279, 282, 295, 333, 338).

Ордынские дефтери на Руси были созданы не позднее 70-х годов XIII в., когда в северо-восточных землях Руси была проведена вторая перепись (ПСРЛ 1915: 243). Позднее упо-

минание этих документов в документах русского происхождения объясняется состоянием источников. Хранились дефтери в казне великого князя (ДДГ: 141, 48).

Сведения о размере ордынского выхода в конце XIV в. позволяют сделать выводы о том, кто входил в податные списки-дефтери. Согласно подсчетам А.А. Горского, одна податная единица платила 0,025 руб. Податными единицами в Северо-Восточной Руси считались взрослые мужчины работоспособного возраста (Горский 2014: 69–70). От выплат были освобождены представители духовенства (ПСРЛ 1997: 475).

Проведя перепись и составив список податного населения Северо-Восточной Руси, монголы предоставили экземпляр русским великим князьям. На основе этих данных был установлен порядок выплат — численность тяглых людей и размер выхода. С течением времени численность населения русских земель менялась, и документы, составленные в 50–70-е годы XIII в., не соответствовали более поздним реалиям. В XV в. русские князья стали проводить собственные описи населения.

Первое известие о княжеских описях содержится в жалованной грамоте верейско-белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1435–1447 гг.: «Приедет мои даньщик или опищик на Бѣлоозеро в мою вочину, и игумен моему даньщику дани не дает, ни описывати ся не дастъ, а то игумену безпено» (АСЭИ 1958: 44). Проведение описей было связано со сбором ордынского выхода: «А з Городца и с твоеѣе вотчины, чѣм тя есмь пожаловал, имати ми оу тебе во царевъ выход по описи, по людем. А до описи пожаловал тя есмь, въ выход ми оу тебе с тоѣ вотчины не имати, чѣм тя есмь пожаловал в вотчину и въ оудѣль» (ДДГ: 157, 159).

Данные, полученные в результате проведения описей, записывались в документы, которые также назывались «описи» (ДДГ: 226, 228, 231, 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249, 254, 256, 259, 262, 265, 267, 270, 272, 274, 318, 321, 325, 328). Описи, подобно дефтерям, учитывали прежде всего податное население. Княжеские описи, в отличие от ханских, затрагивали в том числе монастырские владения.

Во второй половине XV в. русские князья стали учитывать не только численность налогоплательщиков, но также размеры их земельных наделов — сохи. Первое указание на соху как учетную единицу зафиксировано в жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиевому монастырю 1447–1455 гг.: «Освободил купить своих земель черных тяглых на десять сох» (АСЭИ 1952: 143). Завещание Василия Васильевича 1461 г. свидетельствует о начале проведения в русских землях сошного письма — масштабных мероприятий по описанию земельных владений: «По тому письму обложат по сохам и по людем, до по тому окладу моя княгини и мои дѣти и в выход оучнут давати сыну моему Ивану съ своих оудѣлов» (ДДГ: 197).

В процессе проведения сошного письма были созданы документы, получившие наименование «книги». Наиболее раннее свидетельство о книгах относится к Костромскому уезду. Докладные судные списки 1495–1499 гг. сообщают о существовании «костромских книг Михайлова писма Волынского». Составлены они были «тому ... тритцать лет» (АСЭИ 1952: 469, 475, 482, 483). Упоминание, что запись существует 30 лет, свидетельствует о проведении описи костромских земель в середине 60-х годов XV в. В описи учитывались имена владельцев дворов и названия поселений. Помимо костромских книг в конце XV столетия существовали книги Соли Галицкой (АСЭИ 1952: 532) и Владимирского уезда (АСЭИ 1964: 141, 143). Наиболее масштабным описанием конца XV в. стало описание новгородских пятин. Книги, в отличие от описей, существенно отличались от дефтерей. Они содержали сведения не только о тяглом населении, но также о размере и принадлежности земельных наделов.

В источниках русского происхождения содержатся сведения о существовании в русских землях XIII–XV вв. целого ряда документов, относящихся к системе учета населения. Основными из них являлись дефтеры, описи и книги. Появление этих документов преследовало фискальные интересы — фиксирование сведений о платежеспособном населении русских земель.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АСЭИ 1952 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1.
- АСЭИ 1958 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2.
- АСЭИ 1964 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
- Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Плано Карпини И.* История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022.
- ПСРЛ 1915 — Полное собрание русских летописей. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1.
- ПСРЛ 1997 — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1.

Е.А. МЕЛЬНИКОВА

«БЕГСТВО ТЕОДОРИХА»

О ЦИКЛИЗАЦИИ ГЕРМАНСКИХ ЭПИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

Германские эпические сюжеты, восходящие к эпохе Великого переселения народов, первоначально, как ныне считает большинство исследователей, воплощались в отдельных, самостоятельных произведениях. Предание о смерти Германариха (ум. 376) пересказывает уже Иордан (первая половина VI в.). Наиболее ранние упоминания эпических героев мы находим в англо-саксонском «Видсиде» (VIII в.), где упомянуты правители гуннов — Этла (Аттила, Widsið, 18, 122), готов — Эрманрик (Германарих: Widsið, 8, 18, 88–92, 109–112), бургундов — Гивика (Гибика, Widsið, 19), герои «Песни о Хлёде» Хлиде и Ингентоев (Хлёд и Ангантюр: Widsið, 116), но они никак не соединены между собой. Существование в VIII–X вв. отдельных, нередко односюжетных сказаний о героях общегерманского прошлого (как, например, о Вальтере Аквитанском), однако, не исключает уже начавшейся их циклизации — объединения нескольких сказаний разного происхождения в одно произведение. Сохранившиеся варианты весьма популярного в средневековье сюжета о бегстве Теодориха Великого — его изгнании из Италии, бегстве к гуннам и возвращении с помощью гуннского войска — дают редкую возможность проследить хотя бы в общих чертах развитие сюжета. Свое завершение он нашел в поэмах XIII в.: «Бегство Дитриха», «Битва при Равенне», «Смерть Альфарта» и др., где контаминированы образы короля остготов Теодориха Великого (ум. 526), короля готов Германариха и гуннского вождя Аттилы (ум. 453).

Остготское по происхождению, сказание о бегстве Теодориха (в действительности он не покидал северной Италии

после начала ее завоевания в 489 г.) предположительно датируется VI–VII вв. (Rosenfeld 1984). Древнейшие аллюзии на этот сюжет дошли до нас в одном из немногих сохранившихся германских эпических памятников — написанной аллитерационным стихом на древневерхненемецком языке «Песне о Хильдебранде». Ее фрагмент чудом уцелел на двух листах пергамента, послуживших обложкой богословского трактата начала IX в. (Hildebrandslied 1945. См.: Glaser, Rübekel). Время происхождения поэмы дискуссионно. Сюжет фрагмента основан на широко распространенном мотиве поединка отца с сыном: на поле боя встречаются старый воин Хильдебранд и его сын Хадубранд, который не видел своего отца 30 лет. Хильдебранд узнает сына и пытается отговорить его от поединка, но Хадубранд, подозревая хитрость противника, вступает с ним в бой. «Песнь о Хильдебранде», вероятно, являлась односюжетной поэмой, а не частью более пространного (многосюжетного) произведения: более поздние ее переложения, в том числе у Саксона Грамматика, в «Саге о Тидреке Бернском», в «Саге об Асмунде Убийце Героев», равно как и рифмованная «Младшая песнь о Хильдебранде» (XV в.) (Glaser, Rübekel 1999) состоят из одного эпизода — поединка.

Уже на стадии сложения сказание о Хильдебранде связывается с легендой о бегстве Теодориха: Хильдебранд представлен его воином, бежавшим вместе с ним «на восток» (*ostar*) — к гуннам (Хильдебранд возглавляет войско гуннов, Хадубранд называет отца «старый гунн»). Не назван, но условно имеется в виду Аттила: кольцо, которое предлагает Хильдебранд сыну, подарено ему «гуннским правителем» (*Huneo truhtin*), то есть Аттилой. Таким образом, в «Песне о Хильдебранде» представлены все основные элементы сказания о бегстве Теодориха.

Вместе с тем «Песнь о Хильдебранде» отражает более архаичную традицию, нежели та, что засвидетельствована поэмами XIII века. Противником Теодориха, согласно «Песни», является не Германарих, как во всех поэмах XIII в., а Одоакр (*Otachr*), глава отряда германцев на римской службе, захвативший Рим и ставший королем Италии (476–493), действительно борющийся с Теодорихом за власть и в конце

концов убитый лично Теодорихом на пиру по случаю их предполагаемого примирения. Очевидно, что в эпоху сложения «Песни» (и вплоть до времени ее записи?) гонителем Теодориха считался Одоакр. Связь Теодориха и Германариха устанавливается, по-видимому, на протяжении IX–X вв.: «Кведлинбургские анналы» (ок. 1030 г.) сообщают «промежуточный» вариант сказания, объединяющий Одоакра и Германариха: готский король изгоняет своего племянника Теодориха по наущению другого своего племянника — Одоакра; Теодорих с помощью Аттилы возвращается в Равенну (еще не Верону/Берн!) (*Die Annales Quedlinburgenses* 2004: 410). Наконец, в «Бегстве Дитриха» и других поэмах XIII в. Одоакр исчезает совсем, а единственным противником Теодориха остается его «дядя» Германарих, причем в «Бегстве» приводится их пространная родословная.

Сопоставление трех редакций сказания о бегстве Дитриха в «Песне о Хильдебранде», «Кведлинбургских анналах» и поэмах XIII в. позволяет реконструировать процесс его трансформации и соединения с другими эпическими сюжетами и персонажами. Историческое ядро легенды — борьба Теодориха с Одоакром (489–493 гг.) — уже на этапе формирования эпического сюжета о бегстве Теодориха от Одоакра соединяется с образом Аттилы: прославленный своим могуществом правитель гуннов предоставляет убежище и оказывает помощь знаменитому герою.

Соединение образов Теодориха и Аттилы — сюжетообразующий элемент, который должен был возникнуть на начальном этапе сложения легенды о бегстве Теодориха. В ходе последующего развития традиция о бегстве Теодориха впитала в себя образ не менее популярного героя эпических сказаний — Германариха, который сначала «соседствует» с Одоакром, а затем и полностью вытесняет его. Уже в «Кведлинбургских анналах» (и в последующих произведениях) Германарих предстает дядей Теодориха. Замещение Одоакра Германарихом было, видимо, вызвано значительно большей известностью Германариха: эпических сюжетов, посвященных Одоакру, мы не знаем; сказание же о смерти Германариха (с его именем были связаны и другие сюжеты) было хорошо

известно во всем германском мире. Показательно, однако, что сюжет бегства Теодориха к Аттиле был известен в Скандинавии, насколько можно судить по героическим песням «Старшей Эдды», однако в них Германарих выступает только в сюжете о его смерти.

Присоединение к сказанию о бегстве Теодориха героев других эпических сюжетов знаменует начальный, «свободной» этап циклизации (*loose*: Natto 1989: 278). В нем объединяются не сюжеты различных эпических произведений, а их герои. Центральным, стержневым персонажем является Теодорих, которому были посвящены многочисленные легенды, в том числе о его сражениях с чудовищами (и даже с Зигфридом), известные во всем германском мире (Rosenfeld 1984). Главным способом включения протагонистов других сказаний было установление их личных связей с центральным персонажем, Теодорихом: «дружинных» («вассальных») — Хильдебранда или родственных — Германариха. Оба последних функционально зависимы от образа Теодориха в рамках сюжета, где он выступает героем. Художественные пространство и время, в которых действуют Аттила, Хильдебранд, Германарих в посвященных им сказаниях, заменяются хронотопом сказания о центральном герое — Теодорихе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Die Annales Quedlinburgenses / Hrsg. M. Giese (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 72). Hannover, 2004.
- Dietrichs Flucht: textgeschichtliche Ausgabe / Hrsg. E. Lienert, G. Beck. Tübingen, 2003.
- Glaser E., Rübekel L. Hildebrand und Hildebrandslied // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Auflage. Berlin; New York, 1999. Bd. 14. S. 554–561.
- Hatto A.Th. Eine Allgemeine Theorie der Heldenepik (Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge G 307). Wiesbaden, 1989.
- Hildebrandslied / Hrsg. G. Baesecke mit Faksimile. Halle an der Saale, 1945.

Rosenfeld H. Dietrichdichtung // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2. Auflage. Berlin; New York, 1984. Bd. 5. 1984. S. 430-442.

Д.С. МИТЮРЁВА

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ДИСКУССИЯМ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АНГЛИИ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ
И ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ**

Для современных обществ интеллектуальный труд является одним из ключевых как для управления государством, так и для организации общественной жизни. Об интеллектуалах говорят как об отдельной социальной группе, их деятельность осуществляется в особым образом организованной публичной сфере, выражается в обмене мнениями, вынесении экспертных суждений и т. д. Основное теоретическое затруднение, связанное с ролью интеллектуалов в современном обществе, заключается в вопросе об их социальной автономии или, наоборот, функциональной позиции. Иными словами, является ли производство идеологических текстов, проектов и концепций производным от интересов больших социальных структур вроде классов или институтов (государства, рынка, религии и пр.) или там есть элемент случайного, сознательного творчества авторов, зависящего от их жизненных и интеллектуальных траекторий.

Указанное затруднение предлагается изучить в самом начале модерного общества — в период английской гражданской войны, когда большинство современных институтов еще только зарождались или намечались. Это позволит увидеть проблему в самом ее начале и работать с относительно небольшим (и потому подъемным) массивом авторов и источников.

Гражданская война в Англии середины XVII века стала определенным водоразделом между традиционными и модерными формами политических практик. В этот период еще не было появившейся во время Французской революции организованной прессы (и даже *Mercurius Pragmaticus* и *Mercurius Britanicus* нельзя в полной мере отнести к таковой), которая делала бы интеллектуалов значимой группой для формирования общественного мнения и гражданской позиции. Однако юридические трактаты были весьма распространенной формой легитимации королевской власти как минимум с XI века, хотя и были написаны для узкого круга читателей. В кризисные революционные годы к ним присоединились памфлеты, нацеленные уже на более широкую аудиторию, однако тоже предназначались скорее для интеллектуалов-соперников. Значение этих авторов, большинство из которых не занимали никаких политических позиций, для оформления английской государственности в том, что они создавали новую политическую реальность даже если не намеренно, то через постоянное осмысление существующей.

Разделившись на две противоположные стороны авторы гражданской войны, защищая свои взгляды, вынуждены были опираться в целом на одну и ту же традицию, однако в таком случае представляется интересным выяснить, каковы были критерии расхождения их в разные политические лагеря. Иначе говоря, каковы были способы организации интеллектуалов в Англии в период гражданской войны, существует ли усредненный интеллектуальный путь тех авторов, которые встали на сторону роялистов (исключая очевидные жизненные траектории, связанные с социальным положением и приближенностью к королевскому двору) и тех, кто симпатизировал идеям, которые провозглашали оппоненты.

Таким образом, доклад будет посвящен взаимосвязи политических идей гражданской войны в Англии XVII в. и биографическими траекториями их авторов. Создание просопографической базы данных и сетевой анализ цитирований тех или иных авторов позволяют выявить модели формирова-

ния и трансляции политических идей. Одной из проблем интеллектуальной истории английской гражданской войны является анонимность или фрагментарность информации об авторах значительного числа политических трактатов. Операционализация разнородных данных и выявление моделей циркулирования политических идей позволят относить к той или иной группе (географической, хронологической, религиозной, профессиональной и т.д.) авторов, сведений о которых недостаточно или их нет совсем.

Поскольку число авторов периода гражданской войны измеряется сотнями, поставленная проблема требует систематизации материала. Прежде всего, необходимо составить просопографическую базу данных, которая будет включать авторов, написавших пропагандистские тексты в 1642–1649 годах. Это позволит не только систематизировать биографическую и социальную информацию, но и сделать некоторые наброски к массовым группам авторов (составить социальный портрет, определить круг предпочтений политических теорий и т.д.). Просопографическая база данных позволяет делать запрос, состоящий из нескольких таблиц по записям и присвоенным аргументам и, таким образом, учитывать много факторов. База предполагает возможность постоянного обновления информации и внесения новых данных при необходимости как уже в имеющиеся атрибуты, так и внесение новых характеристик. При этом любая база данных является структурированной формой хранения информации и уже на этом этапе представляет ценность.

Пространственные исследования на базе ГИС являются логичным и органичным последующим этапом, так как именно пространственные характеристики в совокупности с социо-историческими данными позволяют дать оценку скорости распространения идей, выявить географические центры формирования определенных традиций, а также помогут в учете контекста, связанного с расположением основных городских, политических, образовательных и прочих центров сложения интеллектуального движения. На первом этапе предполагается использовать методы геоинформатики: через пространственное исследование (место рождения

и, прежде всего, место смерти) посмотреть пространственно-временную иерархию изучаемых индивидов, а в последующем через анализ выйти на их ментальные и политические установки.

Д.Е. Мишин

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПЕРСИДСКАЯ ЛЕГЕНДА О ВЗЯТИИ САСАНИДСКИМ ЦАРЕМ АРДАШИРОМ I КРЕПОСТИ ГУЖАРАН И ЕЕ ВОЗМОЖНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Тема, затронутая в настоящем докладе, может быть раскрыта только посредством текстуального анализа и сопоставления источников. Сделать это в рамках тезисов выступления на конференции сложно. Поэтому автор этих строк счел целесообразным изложить здесь только общие тезисы выступления, надеясь посвятить рассматриваемой проблеме более объемную работу в будущем.

В «Книге деяний Ардашира Папакана» — беллетризованной истории прихода к власти и царствования Ардашира I (225–240), основателя Сасанидского государства, мы находим рассказ о взятии Ардаширом крепости, правитель которой держал в качестве талисмана выросшего до огромных размеров червя. Этот рассказ помещен после сообщения о победе Ардашира над курдами. Оно, в свою очередь, следует за повествованием о победе Ардашира на последнем аршакидским царем Артабаном IV (213–225) — событии, фактически ознаменовавшим собой крушение парфянской державы, на смену которой пришла держава Сасанидов. Согласно «Книге деяний», правитель крепости по имени Хафтанбухт напал на войско Ардашира, когда оно было в пути, и отнял часть военной добычи. Собрав свои войска, Ардашир двинулся на крепость и осадил ее, однако не смог взять. Ардашир отступил, но не отказался от намерения подчинить крепость. Через какое-то время он явился туда инкогнито и поступил на службу к правителю крепости. Затем он устроил пир, на

котором допьяна напоил собравшихся, затем убил червя, залив ему в пасть расплавленной меди, и, открыв ворота крепости, впустил заранее подготовленный отряд. Крепость была взята.

Хотя в средневековых трактатах легенда нередко переплетается с реальностью, сюжет о черве уже тогда казался фантастичным. Истории об Ардашире имели широкое хождение, но из последующих авторов рассказ о правителе крепости с червем приводят только персоязычные авторы Фирдоуси и Мустауфи Казвини. При этом «Книга о царях» (*Шахнамэ*) Фирдоуси — поэма, а не исторический трактат, а Мустауфи Казвини использовал ее как источник. У ат-Табари есть два рассказа об этой крепости, но ни в одном из них червь не фигурирует. Но едва ли правильно видеть в данном сообщении только вымысел; оно может представлять собой пусть и искаженное, но все же воспоминание об исторических событиях.

Согласно одному из сообщений ат-Табари, Ардашир воевал с правительницей некоей крепости в области Куджаран, победил ее и завладел огромными богатствами. Крепость, где держали червя, Фирдоуси называет Гуджаран. Если сопоставить эти формы с не вполне ясными и противоречивыми названиями крепости в «Книге деяний», можно прийти к выводу, что речь идет об одной и той же крепости с названием *Гужаран* или *Гожаран* (только среднеперсидское *ж*, но не *з*, передается в арабском языке через *дж*). То, что первой буквой было *г*, явствует из текста «Книги деяний»; у ат-Табари *г* не могло появиться, так как оно отсутствует в арабской графике.

Таким образом, существовала и другая версия повествования, в которой Ардашир имел дело не с червем, а с женщиной-правительницей.

Представляется возможным, что рассказ о Гужаране является легендарным отражением реального события — взятия Ардаширом города Хатры, развалины которого находятся в 110 км к юго-западу от Мосула (Ирак), в 240 году. В пользу этого говорят следующие наблюдения.

В начале рассматриваемого рассказа автор «Книги деяний» сообщает, что Ардашир, получив известие о нападении Хафтанбухта на его войско, помышлял о том, чтобы отправиться в Армению или Азербайджан: ведь и царь Шахразура заключил договор с Хафтанбухтом и явился к нему с покорностью. Шахразур — область между Хамаданом и Эрбилем. Если так, нельзя помещать Гужаран на иранское побережье Персидского залива, как это делают ат-Табари и Фирдоуси: слишком велико расстояние. А война Ардашира с правителем Хатры, завершившаяся падением города в 240 г., началась с нападения арабов из хатранских владений на область Шахразур. Виновником этого нападения Ардашир, судя по его действиям, считал царя Хатры. Ничто не мешает предположить, что нападение арабов из владений царя Хатры заставило правителя Шахразура признать его верховную власть или, по крайней мере, пойти на компромисс и выйти из сферы влияния Сасанидов.

Повествуя об осаде, автор «Книги деяний» сообщает, что Хафтанбухт поставил своих сыновей править подвластными ему областями. Один из них правил Арвастаном; он привел на помощь отцу арабские ополчения. Но Арвастан — не Аравия; в сасанидское время так называлась северная Месопотамия включая область Мосула, то есть земли, примыкавшие к владениям правителей Хатры. В этих владениях жили и арабские племена. В исторической памяти арабов сохранились известия о сотнях тысяч арабов, участвовавших в защите Хатры от войск Ардашира.

Взять Хатру Ардашир смог далеко не сразу. Первая осада города, имевшая место в 225 г., закончилась для Ардашира безуспешно, и сасанидские войска отступили от города. Автор «Книги деяний» повествует, что незадолго до отступления от Гужарана после неудачной осады Ардашир устроил пир для военачальников; тогда со стен крепости прилетела стрела и вонзилась в лежавшую на столе тушу барана. Защитники Хатры были известны своим умением стрелять из луков, в том числе и на большие расстояния. Кроме того, при раскопках в Хатре была найдена баллиста, которая, как пока-

зали исследования, по боевым качествам превосходила греческие аналоги.

Согласно рассказам мусульманских историков, Ардашир взял Хатру с помощью хитрости. Персы договорились с хатранской царевной, влюбившейся в сына Ардашира — Шапура, и она, напоив своего отца, правителя города, и вельмож (по другой версии — стражу), помогла персам войти в город. Это напоминает сюжет «Книги деяний», хотя активная роль, которую играет дочь хатранского царя, выводит ее на первый план; не исключено, что такие сообщения породили сюжет о правительнице, с которой воевал Ардашир.

Для проведения аналогии необходимо, разумеется, объяснить сюжет о черве. Следует оговориться, что в среднеперсидском языке слово *керм* может означать и червя, и змею. Поэтому, хотя, например, у Фирдоуси речь идет о черве, первоначально находившемся в яблоке, в исходном рассказе могла быть и змея. Возможно, *керм* было уничижительным (червь в зороастрийской культуре — нечистое и вредное создание) прозвищем хатранского царя в сасанидском лагере (впоследствии были «кермихионы», «черви-хиониты»). Согласно ат-Табари царь Хатры был джармаканцем, то есть жителем области Бет Гармай. Если это отражает представления сасанидской эпохи, можно представить себе, что арамейское слово *гармакайя* («джармаканец» ат-Табари), попав к персам, было переосмыслено ими, и ему было придано сходство со среднеперсидским *кермак* («червячок»).

Изложенные соображения — не более, чем гипотеза, которую еще предстоит проверить. Автор этих строк надеется, что его участие в конференции станет полезной стадией в такой проверке.

М.В. МОИСЕЕВ

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ОТЧЕТАХ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ XVI ВЕКА

В практике русской внешней политики было принято, чтобы дипломаты готовили отчеты о пути и пребывании в стране-назначении. Такие документы в делопроизводстве получили название *отписок* или *статейных списков*. При контактах с Османской империей русские посланники отправляли доклады о своем прибывании из Азова, Кафы и конечной точки путешествия, как правило, это был Стамбул / Константинополь, а затем, уже в Москве, они объединялись в итоговый отчет. Не всегда все промежуточные отчеты сохранялись и копировались в посольские книги. Наиболее полно сохранившиеся статейные списки относятся к миссиям Ивана Новосельцева и Бориса Благово. К ранним формам бытования подобной документации можно отнести отчетные материалы миссии Василия Коробова (1515 г.).

В отчетах русских дипломатов сосредоточена информация по истории ритуалов власти, системе организации дипломатического гостеприимства, внутренней и внешней политике страны назначения. Насыщенность этих документов информацией до сих пор пока не оценена по достоинству и редко используется при страноведческих исследованиях и не выходит за рамки профессионального интереса специалистов по русской внешней политике. Для примера приведем сведения о содержании русских посольств османской стороной, так как вокруг этого вопроса у ученых есть разногласия.

Иван Новосельцев в своем статейном списке сообщал (правда, без детализации), что в османском Азаке его обеспечивали все время прибывания там. Кроме этого, азакский дездар Джафер выдал русскому посольству корм в путь.

В Керчи русского посла пригласил на пир местный санчак Айдар, Иван Новосельцев попробовал отказаться, но получил в ответ сильные возражения.

Иван Новосельцев согласился с приведенными доводами, и на берегу состоялся пир. Айдар встретил посла, выйдя из шатра в окружении спаги, которые проводили Ивана до шатра и «звал его хлеба ести». Сам пир был устроен в шатре Новосельцева, а еду и напитки приносили из шатра Айдара. После пира Айдар отпустил послов в Кафу, выделив им провиант в дорогу. В Кафе также был дан пир в честь русского посла. Через день состоялся еще один банкет, а в дорогу был выделен провиант (Путешествия 2008: 64–65, 67–69, 71–72). К сожалению, Иван Новосельцев немногословен, и мы не имеем представления о содержании выдаваемого провианта и банкетов, которые были даны в Керчи и Кафе. Но одно не вызывает сомнения: в продуктах питания русское посольство не нуждалось. Любопытно, что Василий Коробов в этом вопросе более информативен. Он рассказывал, что снабжение посольства было скудным. Так, ему с помощником присылали на неделю «яловицу, да тритцать колачииков, да четыре ведра вина» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 68–68 об.).

Важнейшим блоком сведений, которые сосредоточены в статейных списках, являются данные о международном положении страны назначения. Традиционно русских интересовало противостояние Османской империи с Сефевидским Ираном. Еще одним блоком вопросов московские послы собирали информацию о противостоянии турок с европейскими странами. В статейных списках старательно фиксировались итоги сражений, захваты городов и территорий, мирные договоры.

Семья султана тоже привлекала интерес послов, особенно положение в системе государства принцев и их отношения с правящим отцом. Так, Иван Новосельцев сообщал о семье Селима II, что у него два сына, старший — Мурат 18 лет, и младший — Баязид, родившийся в 1570 году. Кроме этого Новосельцев сообщает, что дочь Селима замужем за Мааметпашой (Путешествия 2008: 88). Интересно, что из всех сыновей султана (по одним данным их было пять, по другим —

девять), в оптику Новосельцева попали только старший и самый младший (на тот момент), а из четырех дочерей лишь Эсмехан-султан, которая была замужем за Соколлу Мехмед-пашой. Хотя можно полагать, что недавно рожденный Баязид стал известен послу именно по факту своего недавнего рождения, а Эсмехан была интересна русскому двору как жена самого влиятельного визиря Османской империи. Но как бы это ни было, полной информации о семье султана в Москве не имели и, вероятно, не пытались иметь, ограничиваясь лишь наиболее важными персонами.

Интерес у русских дипломатов вызывало положение крымских царевичей, которых турки вывозили к себе. В этом случае выяснялось место проживания, объемы содержания их султанской казной и статус отношений с османским падишахом, а именно, ездит ли он ко двору или нет. Кроме этого, в Москве собирали информацию и о бытности в Турции детей последнего астраханского хана Дервиш-Али. Иван Новосельцев передавал, что царевич Мехмед живет в «Урюмском городке за сторожи, а из города его вон не выпускают» (Путешествия 2008: 89).

Отдельный пласт информации посвящался правящей элите Османской империи. Надо сказать, что русские дипломаты представляли себе ее в общих чертах, фокусировались только на наиболее влиятельных персонах и, скорее всего, не очень хорошо ориентировались в коридорах власти Стамбула. Так, Иван Новосильцев ранжирует эту элиту следующим образом. Соколлу Мехмед-паша у него «большой», и он указывает, что за ним дочь Селима II. Затем идут Пертав-паша, третий — Зал-паша, четвертый — Пияле-паша, но при этом он не упоминает, что женой Пияле была тоже дочь султана Гевхерхан-султан. Замыкают список Ахмат-паша, Махмут-паша и Мустофа-паша. Далее он перечисляет казначеев, главу янычаров и дефтердаров, причем для последних он находит русский аналог — дьяки. Впрочем, самую большую сложность для Новосельцева представляло мусульманское духовенство. Русский посол смутно представлял себе систему организации, поэтому он обнаружил при султанском дворе аналог патриарха — муфти-кадлишкер, а митрополиты и

владыки были представлены Маалим-заде кадлишкер мулла челеби (Путешествия 2008: 89). Эти исламоведческие знания Новосельцева показывают случайный характер его информации и плохое знание организационной структуры мусульманского духовенства в Османской империи.

Для исследователей русских статейных списков особый интерес представляет то, что в этом документе мы не увидим Стамбула, в котором послы как раз и находились. В этом виде документов не зафиксированы ни архитектурные сооружения, ни знаковые для всех православных людей достопримечательности, ни названий столичных местностей. Это красноречивое молчание озадачивает исследователей, и одно из объяснений этому лежит на поверхности, что все это просто не фиксировалось в таком специфическом типе документов, к которым относились статейные списки. Однако, это не единственное объяснение. Вполне возможно, что это молчание мы можем объяснять еще и коммуникативной стратегией, избираемой русскими послами. Эту модель поведения мы можем охарактеризовать как малую подвижность и ограничение передвижений только официальными визитами. При таком подходе из оптики выпадает все, что не касалось исполнения службы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / Отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб., 2008 (репринтное воспроизведение издания 1954 г.).

И.Ю. НОВИЧЕНКО

МАЗАРИНАДЫ

ПОТЕНЦИАЛ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОЧНИКА СЕРЕДИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ

Мазаринады — исторический источник, давно известный специалистам по истории Франции XVII века. В нашей стране внушительными коллекциями мазаринад располагают Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Библиотека Академии наук (библиотека Института истории), Государственная публичная историческая библиотека (филиал — Центр социально-политической истории), библиотека Томского университета и др.

История изучения мазаринад начинается со времени их появления. В отечественной историографии отдельные мазаринады использовались отечественными исследователями в работах, посвященных истории Фронды (Поршнев 1948; Модель 1957; Малов 2009). Тем не менее, мазаринады сохраняют значительный потенциал и информационную глубину как исторический источник. Постараюсь показать это на примере коллекции мазаринад, хранящихся в отделе специальных коллекций Центра социально-политической истории — филиала Государственной публичной исторической библиотеки России (далее — ЦСПИ).

Мазаринады — жанровые публицистические произведения периода Фронды с 1648 по 1653 годы. Это, как правило, брошюры от 1 до 8 страниц текста. В общей сложности, за пять лет Фронды на территории Франции было напечатано примерно 5500-6000 мазаринад, которые распространялись как в печатном, так и в рукописном виде, а также в форме иллюстрированных плакатов, картинок и листовок. В коллекции ЦСПИ представлены 939 названий мазаринад. В шесть

томов переплетены 437 изданий, отдельных брошюр и книг — 642 ед. хр.

В состав мазаринад включают авторские и анонимные прозаические и поэтические произведения, публикации Парижского парламента и парламентов других городов, переводы отчетов английского парламента о казни короля Карла I, указы короля и принцев, опубликованные письма знатных персон, плакаты, рукописные сочинения, выпуски газет брошюрного типа, словом, весь комплекс разнообразных публикаций, имеющих отношение к общественному противостоянию с 1648 по 1653 годы.

Для исследователей мазаринады представляют интерес как носители информации о событиях Фронды, а также как специфический тип источника, как объект изучения, причем, не только с библиографической точки зрения.

Следует учитывать, что ни одна из мазаринад не появлялась случайно, без причины. Как правило, она вызывала целый блок событий и порождала вереницу взаимосвязанных текстов. В окружении главных участников Фронды были группы наемных авторов, которые пером защищали своих патронов, публикуя как авторские, так и анонимные тексты. Более того, они часто переходили из лагеря в лагерь, продолжая писать, только теперь уже в защиту нового патрона и порицая бывшего благодетеля. Памфлеты писали против и в поддержку как Мазарини, так и королевы, принцев крови, знати, велась ожесточенная полемика вокруг политического могущества Парижского парламента и др. В период Фронды непрерывно складывались и распадались различные «партии» и все они воевали, в том числе, перьями.

По мазаринадам можно изучать социальные связи и группы, зарождение языка политики и политической критики, складывание полемической политической публицистики, использование аллегорических и символических образов, истории в политической борьбе, связи мазаринд с политической и литературной традициями того времени, с сатирической и полемической литературой более позднего и более раннего периодов, комедийные приемы в политической борьбе, роль мазаринад в зарождении и складывании обще-

ственного мнения и многое другое. Современных ученых интересуют дефиниции, различные слова и термины в мазаринадах, жанровые модели и типы текстов, казусы плагиатов или целенаправленного копирования текстов, процессы редактирования мазаринад и др.

В сферу внимания истории книги попадают: оценка и реконструкция коллекций мазаринад, анализ типографского производства и редакционного распространения памфлетов, особенности написания, печатания, художественное оформление, распространение, чтение, хранение, составление коллекций, переплеты, география распространения мазаринад в мире, проблема сбора информации, каталогизации и представления цифровых ресурсов, цифровые методы исследования текстов и др.

Коллекция мазаринад в ЦСПИ, с точки зрения комплектования и содержания, тесно связана с мазаринадами в библиотеке Института истории в Санкт-Петербурге, в Музее книги Российской государственной библиотеки, в отделе редких книг Исторической библиотеки. Даже если коллекция мазаринад в ЦСПИ не позволяет реконструировать последовательность всех событий Фронды, тем не менее, доступные материалы представляют собой исключительную ценность для библиографов и историков, поскольку содержат много редкостей.

Известные и выявленные мазаринады в библиотеках двух российских столиц насчитывают около 12500 экземпляров (включая дублиеты), хранят множество загадок и тайн и ждут своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Малов В.Н.* Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009.
- Модель Б.Л.* Новые источники по истории идеологической борьбы во Франции в период Фронды // Ученые записки Кишиневского государственного университета. 1957. Т. XXVI. С. 131–144.
- Поршнев Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.; Л., 1948.

А.Д. ПАСКАЛЬ

НЕИЗВЕСТНАЯ РУМЫНСКАЯ ВЕРСИЯ СЛАВЯНСКОГО АЗБУЧНОГО СТИХА «АЗ ЕСМЬ БОГ»

В составе рукописного Сборника 1773 г., выполненного кириллицей на румынском языке из собрания П.А. Сырку (БАН РФ. № 13.2.1), по содержанию принадлежащего к так называемым «народным книгам» (*Cărțile populare*), получившим широкое распространение в XVIII в. в Молдавском княжестве, вне поля зрения исследователей пока остается без внимания небольшая текст на л. 12–13 об. этого Сборника, который назван румынскими исследователями как *Simbolurile literelor* (Символы / знаки букв).

Приведем его текст, сопровождая транскрипцией на румынский язык латиницей и русский перевод:

А=ЄѸ снѸт ДѸмнезѸ=А=Eu sint Dumnezău = Я есть Бог (Господь)
Б=БѸѸ єѸти фиоѸ сѸѸ=В=Bun esti fiul său=Благ его сын
В=ВѸзѸтиле ши нивѸзѸтиле диѸ ѸѸепѸт ДѸмнезѸ лѸѸ ѡрѸѸдѸиѸ=
V=Văzutile și nivăzutile din început Dumnezeu le-au
orâ[n]duit=Видимых (видимое) и невидимых (невиди-
мое) изначально Бог их создал (упорядочил)
Г=Граюриле лѸѸ фѸкѸт=G=Grairurile le-au făcut=Языки создал
Д=ДиѸтрѸѸ ѸѸепѸт аѸ ѸѸтемеѸт ДѸмнезѸ пѸмѸтѸѸ=D=Dintru început
au întemeiat Dumnezeu pământul=В начале Бог основал
землю
Є=ЄлѸ аѸ зѸ кѸѸѸѸѸѸ ди с-аѸ фѸкѸт пѸмѸтѸѸ=E=Elu au zis cuvântul
di s-au făcut pământul=Он сказал слово и сделалась земля
Ж=жоѸ ѸѸкѸ аѸ порѸѸѸит жѸкѸѸѸѸѸ мѸѸѸѸ с-аѸ фѸкѸт=J=Jos încă au
poroncit jicăniile (jigăniile) multe s-au făcut=Внизу (на

земле) также приказал [и] многие твари (животные) со-
творились

S=Сиди ДѸ^мнезѸ^ъ прѣ Ада^м=Z=Zidi Dumnezău pre Adam=Создал
Бог Адама

З=Зиѣ До^мнѸ^ъ Хѣ съ фи^и лѸминѸ шѣ адоуза фо^ити фѸ лѸминѸ=Z=Zis-[a]
Domnul Hristos să fii lumină și adouza forti fu
lumină=Сказал Господь Христос да будет свет и на вто-
рой день был (сильный) свет (было много света)

I=Иводи До^мнѸ^ъ Хѣ при ева ди^и Адам фиѣ^и адо^имит=I=Izvodi Domnul
Hristos pri Eva din Adam fiind adormit=Сотворил Господь
Христос Еву из уснувшего (спящего) Адама

И=Игони ДѸ^мнезѸ^ъ прѣ Ада^м ди^и раю афарѸ=I= Izgoni Dumnezău pre
Adam din raiu afară=Изгнал Бог Адама прочь из рая

K=КѸм къ поро^ика лѸ^и ДѸ^мнезѸ^ъ къ^ика^т=K=Cum că poronca lui
Dumnezău [a] călcat=Поскольку (он) преступил заповедь
Бога

L=ЛѸни ди^и зи са^ъ л^ичепѸт=L=Luni din zi s-au
început=Понедельник со дня начался

M=МѸци вмини рѸ^и са^ъ фѸкѸт=M=Mulți o[a]mini răi s-au
făcut=Многие люди сделались злыми (плохими, негод-
ными)

N=НѸма^и Ноѣ иа^ъ плѸкѸт=N=Numai Noe i-au plăcut=Только Ной
ему понравился (был приятен)

O=О^итѸ сѸфлети с-а^ъ вди^инит л^и корабие=O=Optu sufleti s-au odihnit
în korabie=Восемь душ расположились (нашли свое ме-
сто) на корабле

P=ПотопѸ^ъ дѣди ДѸ^мнезѸ^ъ ди са^ъ л^инекат тот породѸ^ъ лѸ^и=P=Potopul
dedi Dumnezeu di s-au încat tot norodul lui=Бог потоп дал
(такой), что утоп весь народ его

R=Ро^а ди^и Ноѣ съ л^инѸцѣ къ ДѸ^мнезѸ^ъ аша л^ивѸцѸ=R=Rod din Noe să
înnălță că Dumnezău așa învăță=Род из Ноя возвысился,
ибо Бог так поучил

S=СлѸви а^ъ и^иводит=S= Slovi au izvodit=Буквы (письмена) создал
[Бог]

T=ТѸти ДѸ^мнезѸ^ъ лѸ^и фѸкѸт=T=To[a]ti Dumnezeu le-[a]u făcut=Все
создал Бог (Все создано Богом)

Оу=Оурзи Дѣ^мнезѣ^с пророци мѣ^аци=U=Urzi Dumnezău proroci
mulți=Создал Бог много пророков

Q=Qома апо̀толаѣ^а крезѣ^с къ^{на} л^нвиат л^нвѣзѣ^с=F=Fома apostolul crezu
când înviiat îl văzu=Фома апостол поверил, когда вос-
кресшим его увидел

Ф=Фараон л^н маре са^с л^ннекат=F=Fараон în mare s-au
înnecat=Фараон в море утонул

Х=Хѣ и^н чѣрю са^с погорѣт ше ди^н фиѣо^с с-аѣ^с нѣѣкѣ^т=H=Hristos [d]in
ceriu s-au pogorât șe din ficior s-au născut=Христос с небес
спустился и из Девы родился

W=W^к на іаѣѣлѣ^н с-аѣ^с прѣдат ше пре чѣ^н креди^нѣоши іа^с л^нви-
ет=O=Oсна iadului s-au prădat șe pre cei credincoși i-au
înviет= Каторга ада сдалась [ему] и верующих он воскре-
сил

Ц=Цара фѣгѣѣѣитѣ^с чѣло^с бѣни іа^нти фѣгѣѣѣитѣ^с ше ша^нтизѣ^{чѣ} де
ли^нби=Ț=Țара făgăduită celor buni iasti făgăduită șe
șaptizăcei de li[m] bi=Земля обетованная (обещанная)
добрым (благим) обещана и семьдесяти языкам

Ц=Ци^н пре Хѣ леци Nno=Ș=Știm pre Hristos legi Noo (lege
nouă)=Знаем Христа новый закон

ІА=ІАѣѣ^а лѣка^ш драчило=Іа=Іадул lăcaș dracilor=Ад место (жи-
лище, обитель) чертей

Ю=Юѣа ѣ^нти фию^а лор=Іу=Iuda esti fiul lor=Иуда есть сын их

Ѣ=Ѣѣ с-аѣ^с ли^нсит де дѣ^нсѣлѣ^а ше са^с да^т сѣтанѣ^н ѣо^с=Ks=Ksă (?) s-au
lipsit de dânsulul șe s-au dat sătanei jios=(?)... отказались
от него и отдали его сатане в низы (преисподнюю)

Ѳ=Ѳѣ^амѣ^а кѣ^с л^нцелѣцире фрѣмо^с=Ps=Psalmul cu înțelegire
frumos=Псалом с пониманием хорош (понимать пре-
красно)

Ц=Цѣѣѣѣѣ^а лѣ^н л^н пѣрѣци-ѣа л^н ѣѣѣ несѣѣѣши^н=G= Giudețul lui
înpărăți-va în veci nesfârșiți=Суд Его будет царить во
нескончаемые веки

Фактически этот текст представляет собой румынскую версию азбучного стиха со следующими 32-мя буквами кириллического алфавита: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, С, З, І, И, К, Л, М, N, О, П, Р, С, Т, Оу, Q, Ф, Х, W, Ц, Ц, ІА, Ю, Ѣ, Ѳ, Ц. Последней буквой в

стихе идет Ц — знак, применяемый в румынских кириллических рукописях для обозначения характерной фонемы румынского языка (gh), не имеющей прямого соответствия в славянской кириллической азбуке.

Очевидно, что перед нами сделанный неким румыноязычным писцом, знающим и умеющим читать славянские тексты, перевод на румынский язык какого-то варианта славянского азбучного стиха. При этом анонимный переводчик достаточно творчески постарался подобрать так изречения на румынском языке кириллицей, чтобы начальная буква румынского слова по своему произношению совпадала с начальной славянской буквой исходного азбучного стиха также по произношению. Исключение — первая буква А, для которой он, видимо, не смог найти соответствующего румынского слова, переведя славянский текст, судя по его содержанию, буквально: А=ЄѸ си"т ДѸ"нєзѸ=А=Eu sint Dumnezău = Я есть Бог (Господь).

Данный буквальный перевод стиха к букве А, а также перевод стиха к букве Ф (Ѡ=Ѡдрав" Ѡ" марє са-Ѹ Ѡ"нєкат=F=Faraon în mare s-au înnecat=Фараон в море утонул), позволяет, на наш взгляд, предполагать, что возможно, оригиналом для перевода послужил какой-то особый вариант славянского азбучного стиха «Аз есмь Бог», представляющего собой древнейшую толковую азбуку, поскольку находим два указанных выше совпадения содержания стихов лишь для букв А и Ф в двух древнейших славянских списках этого сочинения. Это текст азбучного стиха, включенный в состав «Сказания о письменех» Чернорица Храбра (II редакция), сохранившийся в Берлинском сборнике начала XIV в. (Берлин. Гос. б-ка. MS Slav. Wuk. 48. л. 74–75), и как самостоятельный текст в Сборнике последней четверти XIV века (Черногория. монастырь Савина. № 29. л. 135а).

Отметим, что подобный творческий перевод славянского оригинала — явление для румынской литературы «народных книг» достаточно уникально, так как обычно все же осуществлялись простые прямые переводы славянского текста, как например, в случае переводов на румын-

ский язык славянской толковой азбуки «Аз есмь всему миру свет», румынские списки которых достаточно многочисленны и хорошо известны.

М.С. ПЕТРОВА

МАКРОБИЕВ «КОММЕНТАРИЙ» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТАХ

ПЬЕР АБЕЛЯР

Принято считать, что значение Макробия (V в.) (Петрова 2007: 8-23) как автора-энциклопедиста, транслятора и популяризатора греческого знания в средневековой науке необычайно велико (e.g. Reade 1926: 790) и что его «Комментарий на “Сон Сципиона”» (Comm.) пользовался широкой известностью среди ученых того времени, оказав на них немалое влияние (Stahl 1990: 42–55; Gersh 1986: 493–495). Действительно, с уверенностью можно сказать, что в Средние века о Макробии и его трактате знали. Это знание подтверждается и обилием манускриптов, содержащих полный или фрагментарный текст «Комментария» (Jan [ed. 1848] I: lxxxviii–xcviii; Willis [ed. 1963] I: vii–x; Armisen-Marchetti [ed. 2001] 1: lxxii–xc), и упоминаниями имени (или имен) Макробия, которые делались средневековыми авторами, а также словесными параллелями и наличием разделов, восходящих к теориям Макробия. При попытках определения собственно влияния «Комментария» на того или иного средневекового ученого оказывается невозможно разделить прямое и не прямое воздействие трактата, поскольку многие затронутые Макробием темы в эпоху Средних веков пользовались исключительной популярностью (Courcelle 1958: 205–234; Stahl 1990: 42–55; Jauneau 1960: 3–24; Silvestre 1963: 170–180; Flamant 1977: 688–693; Gersh 1986: 493–495, note).

Наша задача рассмотреть сочинения Петра Абеляра (1079–1142) — автора, которого обычно указывают в числе

находившихся под влиянием Макробиевого «Комментария». На основании анализа тех мест из его сочинений, в которых либо имеются цитаты, лексическое и тематическое сходство с «Комментарием», либо упоминаются название этого сочинения и / или имя Макробия, оценить уровень знания и степень использования Абеяром этого текста. Здесь мы учитываем, что, во-первых, Макробиев «Комментарий» и сочинения Абеяра разделяют шесть с половиной столетий. Во-вторых, основные положения учения Абеяра принадлежат иной, в сравнении с Макробием, традиции. В-третьих, логика Абеяра в контексте теологически ориентированной культуры Средних веков направлена на другие способы созерцания бога, а мир уже не мыслится существующим сам по себе (Неретина 1995: 5–49).

Ссылки Абеяра на Макробия встречаются во многих его сочинениях, но чаще всего во «Введении в теологию» (Intr. ad theol./PL 178) и в «Христианской теологии» (Theol. christ./PL 178), и в основном в тех фрагментах, где речь идет о Троице, праведном образе жизни, мифе. Соответственно, к своему изложению Абеяр привлекает те разделы (абзацы и сентенции) из «Комментария», в которых говорится о высших началах, мифологической интерпретации, добродетелях; сам он называет Макробия не только самым почитаемым из всех философов (Intr. ad theol I, 20/1024C), но и величайшим толкователем Цицерона (Ib. I, 19/1022B).

Бог-Отец у Абеяра олицетворяет собою полное могущество: он пребывает в трех лицах, он един и троичен одновременно. Бог-Сын — это Ум; Святой Дух — Мировая Душа. Очевидно Абеяр, будучи человеком другой эпохи, должен был продумать, каким образом возможно приложить древние философские тексты к собственной онтологии. Именно с этой целью он упоминает Макробия как наряду с самим Платоном (Intr. ad theol I, 9/990D – 991A — Comm. I, 2, 14) и в числе его последователей, например, Плотина (Theol. christ. II/1174CD — Comm. I, 8–10), так и среди многих других авторов, таких как Цицерон (Theol. christ. II/1182A) — ср. Comm. I, 8, 13), Августин, Варрон, Вергилий, Бозций и др. Таким образом, вы-

страивая свою теорию, Абеляр опирается на самые разные тексты, в числе которых и Макробиев «Комментарий».

Метод изложения Абеяра не нов и просматривается достаточно легко: он подкрепляет свое мнение не только цитатами из сочинений авторитетных латинских авторов, но и взятыми у них же сведениями относительно учений греков. Он привлекает учение о четырех типах добродетелей, заимствованное у Макробия и восходящее к Плотину (Intr. ad theol. II, 10/1059A — Comm I, 8, 4 и I, 8, 8).

Весьма характерен и такой пример. Говоря о том, что «Бог — это Дух, а для нас это истинная и духовная жизнь», Абеляр (Intr. ad theol. I, 19/1020AB) использует цитаты из трактатов Цицерона «Тускуланские беседы» (I, 27 [66]) и «О природе богов» (II, 30) и показывает, что Бог — это Ум, который правит всем. Затем он обращается к главе из сочинения Августина «О граде божьем» (IV, 31, 2 [138]), где последним изложено мнение Варрона о необходимости почитания единого правящего всем миром бога. Далее Абеляр приводит аналогичную стихотворную фразу из «Моральных дистихов» Катона (I, 1), и только после такой «подготовительной» работы он, бегло упомянув о Макробии, воспринявшем речения Вергилия, делает заключение о необходимости стремиться к добродетельной и праведной жизни (Intr. ad theol. I, 19/1020C): «Как если бы он, обернувшись к Сыну, сказал: «Когда Бог есть Дух, для нас это есть истинная и духовная жизнь, так и в писании поэтов утверждается, например речениями самого Вергилия, которым последовал Макробий» (перевод наш).

В целом, как представляется, для Абеяра Макробий оказывается «важнее» греческих авторов. Так, во «Введении в теологию», говоря об уме и мировой душе, их природе (Intr. ad theol. I, 20/1024C, 1026A — Comm. I, 14, 6; ср.: Intr. ad theol. I, 20/1028B, 1029CD; II, 17 / 1082C), он вновь обращается к Макробию, цитируя его слова. Однако следуя Макробию, философ, с одной стороны, точно передает его текст, с другой — приспособливает его изложение (впрочем, как и любой другой текст, который использует) к своему. Подобный пример имеется и в «Христианской теологии». Рассматривая тему

первых и высших начал, Абеляр говорит о том, что Макробий понимал мировую душу так, как сам он понимает Святой Дух; соответственно Бог-Сын у него тождественен мировому уму (Theol. christ. I, 5/1151D, 1153C, 1156C, 1158AD, 1161A, Ibidem II/1194A — Comm. I, 13, 5; Theol. christ. IV/1307BD; Intr. ad theol II, 17/1080D – 1081A — Comm. I, 14, 6–7).

Можно заключить, что Абеляр знал о Макробиевом «Комментарии». Однако «теории» Макробия Абеляр, следуя представлениям своей эпохи, инкорпорирует в контекст рассуждения, сообразующегося с догматами христианской метафизики (Theol. christ. II/1194AB — Comm. I, 13, 5–8). При этом доля Макробиевого текста, которую использовал Абеляр, невелика; сам же Макробий для Абеяра был одним из многих других писателей, чьи тексты он читал и использовал.

Таким образом, вряд ли имеет смысл утверждать, что «Комментарий» Макробия оказал ощутимое влияние на Абеяра. Скорее, следует полагать, что идеи, воспринятые средневековым ученым и отраженные в его текстах, восходили в том числе и к Макробию. Кроме того, под влиянием, оказанным Макробиевым «Комментарием» на Абеяра, следует подразумевать как знание последнего о самом Макробии и его сочинении, так и различную степень использования им известного трактата.

БИБЛИОГРАФИЯ

Оригинальные тексты, их переводы, см. в открытом доступе сети Интернет.

Неретина С.С. Абеляр и особенности средневекового философствования // Петр Абеляр. Теологические трактаты / Пер., коммент., сост. С.С. Неретиной. М., 1995. С. 5–49.

Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М., 2007.

Петрова М.С. Механизм восприятия античного текста средневековым автором (на примере сочинений Макробия и П. Абеяра) // Ученые записки Казанского университета. 2021. Т. 163, кн. 3. С. 164–174.

- Courcelle P.* La postérité chrétienne du 'Songe de Scipion' // Revue des études latines. 1958. No 36. P. 205–234.
- Flamant J.* Macrobe et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle. Leiden, 1977.
- Gersh St.* Middle Platonism and Neoplatonism. The Latin Tradition. V. II. Notre Dame, 1986.
- Jeauneau É.* Macrobe, source du platonisme chartrain // Studi Medievali, III serie. 1960. Vol. 1. P. 3–24.
- Reade W.H.V.* Philosophy in the Middle Ages // The Cambridge Medieval History: 8 v. New York, 1926. Vol. 5: The Contest of Empire and Papacy / Ed. J.R. Tanner, C.W. Previte-Orton, Z.N. Brooke. P. 780–829.
- Silvestre H.* Note sur la survie de Macrobe au Moyen Âge // Classica et Mediaevalia: Revue danoise de philologie et d'histoire. 1963. Vol. 24. P. 170–180.
- Stahl W.G.* Introduction // Macrobius. Commentary on the 'Dream of Scipio' / Trans. and notes by W.H. Stahl. New York, 1952; reprint 1990. P. 3–65.

Е.М. Попова

«КОМУ МНЕ ЧТО ОТДАТИ И НА КОМ ЧТО ВЗЯТИ»

ПРИМЕР СОСТАВЛЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Новгородский оккупационный архив, а также его часть, хранящаяся в архиве СПбИИ РАН в Коллекции С.В. Соловьева, является выдающейся коллекцией источников, относящихся к периоду Смутного времени в Новгороде в начале XVII века. Документы фонда позволяют изучить разные аспекты деятельности русско-шведской администрации, а также реконструировать некоторые события из жизни новгородского общества. Данный комплекс источников свидетельствует о том, что, несмотря на тяжести военного времени, люди продолжали жить привычной жизнью, вели хозяйственные дела, платили налоги, посещали общественные заведения, поддерживали контакты с местной администрацией посредством челобитных. Благодаря сохранившимся документам мы можем реконструировать и примерные формуляры, и порядок составления актовых материалов, памятей, отписок и т.д.

Вместе с тем источниковая база по истории новгородской Смуты гораздо шире: так, часть документов, посвященных периоду шведской оккупации Новгорода, представлена еще в одной коллекции — Коллекции 174 архива СПбИИ РАН (Коллекция актов до 1613 г.). Именно в ней нами был обнаружен источник, посвященный судебной тяжбе и имущественному спору, который был начат после смерти новгородского дьячка Ждана Истомина (Кол. 174. Оп. 2. Д. 566. 4 л.). Этот документ позволяет рассмотреть пример составления завещания в начале XVII в. и определить его формуляр, а так-

же поставить вопрос о решении светскими властями споров между представителями местного самоуправления, физическими лицами и Русской православной церковью.

Условно его можно разделить на три смысловые части:

1) Челобитная отъезжего купчины Якима Кузьмина на имя Якоба Делагарди и Ивана Никитича Большого Одоевского с жалобой на старосту Богдана Ветошкина и на уличан Борисоглебского прихода, в которой он обвиняет их в невыполнении воли своего покойного тестя. В тексте челобитной Яким Кузьмин указывает, что покойный тесть его, Ждан Истомин, завещал свой двор в пользу Борисоглебского прихода при условии его помина и записи в Синодик. И вот уже шесть лет его двором владеют, но ограду не ставят и не поминают усопшего, в связи с чем челобитчик просит властей разрешить ему продать двор новому Борисоглебскому дьячку Ивану. В свою очередь, уличане и староста не позволяют ему этого сделать. В данной части мы выделяем сущность дела — невыполнение завещания умершего и попытку разрешить спор путем обращения к светским властям.

2) Расспросные речи подьячего Ивана Ормячникова на торговой стороне, в результате которых подтвердились слова Якима Кузьмина об отсутствии помина по его усопшему тестю: «А нам, господине, на сорокоуст и на поминку старица Анна по приказу и по изустной памяти не даывала ничего, и приказу нам, соборяном, от тое старицы Анны о поминки никаковы не бывало». Весьма любопытно, что Яким Кузьмин составляет жалобу на представителя местного самоуправления и уличан, то есть людей светских, а ответ держат представители духовенства: два попа, дьячок и пономарь.

3) Изустная память — предсмертное завещание Ждана Истомина. Именно эта часть документа представляется нам наиболее интересной. Завещание написано на двух листах без оборотов русской скорописью XVII века. В конце текста указано авторство — «А память свою изустную писал я Ждан Истомин сын сам своею рукою».

Сам текст завещания также позволяет выделить следующие смысловые части:

1) Преамбула, которая повествует о добровольном составлении завещания Жданом Истоминым, находящемся в здравом уме и твердой памяти.

2) Перечисление лиц, в пользу которых составлено завещание с указанием передаваемого имущества (как долговые выплаты, так и пожертвования):

— дьяку Зиновию, Еремею Котельнику и другим — кабальные выплаты.

При этом в тексте нет разделения на «отдати» и «взяти», очередности повествования. Ждан Истомин, упоминая о своих долгах, тут же пишет, с кого взять долги в его пользу. Например, с Ивана Киприянова он завещает взять четыре рубля за то, что Ждан учил его сына.

— старице Анне — средства из нажитого имущества на содержание девятилетней дочери Ждана Истомина — девки Федосии, а также на помин умирающего (на ежедневное молитвенное поминание и на просвиры в храме Святой Софии и в церкви Бориса и Глеба).

— Борисоглебскому приходу — двор на ограду за помин души после того, как дочь Ждана переберется к старице Анне.

Про челобитчика Якима Кузьмина в тексте нет упоминания, в связи с чем сложно сказать, была ли у Ждана еще одна старшая дочь, которая являлась женой отъезжего купчины, или же Яким называет Ждана своим тестем посмертно, женившись на Федосии, так как с момента смерти Ждана прошло уже шесть лет.

3) Заключительная часть завещания: «и не виноват ни в чем никому разве отчу дшею, да отцу своему духовному грехом, а у сеи тои изустной памяти седил отец мои духовнии черной священник Исаия». Умиравший отмечает, что уходит с чистой совестью и без долгов, написав завещание самостоятельно в присутствии своего духовника.

На этом текст завещания завершается. Изустная грамота представлена полностью и без сокращений. В ней условно можно выделить три смысловые части. Что касается документа в целом, то он заканчивается текстом завещания. Удастся подтвердить факт наличия нарушений последней воли

умирающего Ждана Истомина и невыполнения его просьб. Однако, на наш взгляд, в данном случае произошло столкновение между юридической и моральной стороной вопроса, которое довольно сложно разрешить в судебном порядке. Мы можем предположить, что, опираясь на текст завещания и расспросные речи, власти все-таки решили спор в пользу родственника Ждана Истомина, поскольку в НОА удалось обнаружить поданную челобитную на имя Делагарди от лица старосты Богдана Ветошкина, который оспаривает право владения двором торговца Якима, обвиняя последнего в ложных показаниях и наличии ограды (RA. NOA. Series II: 24. Л. 1). Однако удалось ли оспорить право владения собственностью умершего, осталось ли недвижимое имущество за физическим лицом или за церковным приходом, не представляется возможным узнать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дело по жалобе отъезжего купчины Якима Кузьмина на старосту и уличан Борисоглебского прихода, не позволяющих ему продать двор его умершего тестя, Ждана Истомина, бывшего дьячком в церкви Бориса и Глеба в Новгороде и отказавшего свой двор в эту церковь на ограду. Ноябрь. 1612 // Архив СПбИИ РАН. Кол. 174. Оп. 2. Д. 566. 4 л.

Челобитная Богдашки Яковлева с жалобой на купчину Якима Кузьмина о незаконном присвоении имущества умершего Ждана Истомина // RA. NOA. Series II: 24. 1 л.

В.Л. ПОРТНЫХ

ГАНЗЕЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В РГАДА

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФОНДА № 1490

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 23-28-00025)

1 августа 1946 г. со станции Берлин (Руммельсбург) в направлении Ленинграда был отправлен эшелон с трофейными библиотечными ценностями. Среди прочего там были знаменитые трофеи из ганзейских городов Любека, Гамбурга и Бремена. Знамениты они тем, что рукописная их часть долгое время хранилась в ЦГАДА, а в 1990 г. была обменена на архив города Таллина и отправлена в Германию. Отбором и вывозом ценностей для этого эшелона руководила Маргарита Ивановна Рудомино, занимавшая должность уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР, которая выбирала для вывоза в СССР книги из собраний библиотек, музеев и исследовательских институтов. Таким образом, трофеи на эшелоне должны были быть именно книжные, а не архивные, которыми занималось Главное архивное управление МВД СССР. Тем не менее, что касается Любека, Гамбурга и Бремена, то речь идет, прежде всего, именно об архивных, а не о библиотечных ценностях: первые эвакуировались немцами в те же места, что и вторые, и были перемещены в СССР в составе одного и того же груза.

После разгрузки эшелона в Ленинграде на каком-то этапе рукописную часть трофеев выделили отдельно. В документах она фигурировала как «архив» ганзейских городов, притом, что в составе этой коллекции было и множество ру-

копией из библиотек Любека, Гамбурга и Бремена. Также в ее составе были рукописные ценности из восточногерманского города Хальберштадта, которые были эвакуированы в ту же шахту, что и книги из Любекской городской библиотеки. В силу разных причин Государственная публичная библиотека в Ленинграде не хотела принимать этот весьма объемный груз (точный объем зависит от методики подсчета, но, в любом случае, речь идет о десятках тысяч единиц хранения), который в конечном итоге был передан в Москву, и в 1964–1967 гг. хранился в Особом архиве, специально созданном для трофеев, а затем в ЦГАДА под номером 1591. В 1990 году этот фонд был передан в Германию.

Казалось бы, на этом история заканчивается, однако отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что 63 документа, происходящих из фонда 1591, до сих пор хранятся в РГАДА в виде фонда № 1490. Речь идет о значимых источниках, в основном Средневековья и раннего Нового времени, связанных с взаимодействием ганзейских городов и русских земель (прежде всего, Новгородом) и, среди прочего, трех рукописях Новгородской скры — устава новгородской конторы Ганзы. По всей видимости, эту группу грамот выделили вначале как отдельную опись 1591-го фонда (не позднее 1976 г.), а затем как отдельный фонд № 1490 (в интервале между 1983 и 1985 гг.), чтобы они гарантированно остались в Москве. Подобные меры были предприняты еще до Перестройки и никак не были с ней связаны: советские власти были в курсе нахождения Таллинского архива на территории ФРГ практически с самого начала, и вопрос об обмене архивами ставился уже в первое десятилетие после окончания войны.

А.Г. ПРАЗДНИКОВ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 22–28–00190)

В настоящем докладе предпринимается попытка проследить основные тенденции в работе с источниками по истории Англии второй половины XV в. на основании средневековых изданий, появившихся в Великобритании за последние пять-шесть лет. К их числу относятся как новые публикации источников, так и исследования современных медиевистов.

Традиционно в источниковедении превалирует работа с письменными первоисточниками, которые условно можно разделить на несколько групп: официальные источники, хроники, эпистолярные источники и другие.

Наиболее существенные изменения наблюдаются в работе с официальными источниками. Прежде всего, следует отметить публикацию «Свитков помилований» за 1462–1483 гг., которые содержат списки лиц, получивших королевское прощение (находятся в Национальном архиве в Кью). Это ценный источник для изучения социальной истории и создания или уточнения просопографических баз данных (Pardon rolls of Edward IV 1462–67, Pardon rolls of Edward IV 1468–71, Pardon rolls of Edward IV, 1471–83).

Среди исследований, основанных на изучении материалов архивов, выделяется книга доктора Г. Мак-Килви, про-

должающая традицию историков, посвятивших свои исследования проблемам «бастардного феодализма» (McKelvie 2020). В период 1390–1504 гг. парламенты принимали законы против негативных последствий «бастардного феодализма». В книге рассматривается это законодательство и его применение (все связанные с ним дела, обнаруженные в архивах Суда Королевской Скамьи до 1520-х гг.). Нельзя сказать, что исследование Г. Мак-Килви кардинально меняет сложившийся на сегодняшний день взгляд на проблему «бастардного феодализма», однако оно проливает свет на различные его стороны, заставляя по-новому взглянуть на английское общество XV века в целом.

На анализе прежде всего официальных источников основан ряд статей в последних сборниках «Пятнадцатого века». Г. Клейнеке (The Fifteenth Century XVIII 2020: 81–92) рассматривает на основании опубликованных и неопубликованных источников (архивов Норфолка, Уилтшира, Девоншира) как приход к власти Эдуарда IV воспринимался простыми людьми. Н. Сол сопоставляет мнения современных историков о роли «Великой хартии вольностей» в позднесредневековой Англии (The Fifteenth Century XIX 2022: 123–136). Среди них — Э. Муссон, который доказывает сохраняющуюся важность Хартии как источника защиты личности. Совершенно иного взгляда на позднесредневековое значение Хартии придерживаются Р. Тернер и К. Карпентер, считающие, что к XV в. Хартия стала анахронизмом. П. Кэвилл (The Fifteenth Century XVIII 2020: 137–148) на основании регистра Томаса Буршье, архиепископа Кентерберийского, изучает вопросы, которые рассматривались на собрании духовенства южной провинции Англии, и приходит к выводу, что все созывы конвокаций до 1509 г. происходили исключительно по инициативе короны.

Новый функциональный подход к изучению позднесредневековых монастырских хроник и нарративов предложила К. Махт (The Fifteenth Century XVI 2018: 1–26). В центре ее внимания оказались их мемориальная и административная функции, которые в XV в. получили более четкое разграничение. С середины XIV в. индивидуальные описания в мо-

настырских хрониках стали более лаконичными и сухими, а сами хроники больше стали напоминать комментарии к каталогу документов. Автором высказывается предположение, что отчасти мемориальная функция хроник была передана табличкам-эпитафиям, расположение которых на стенах церквей стало характерной особенностью в XV веке.

Большой вклад в изучение эпистолярных источников внесла публикация корпуса писем королевы Маргариты Анжуйской (Mauger, Cron 2021). В одном издании были собраны все письма английской королевы, как публиковавшиеся ранее в нескольких изданиях, так и незамеченные в архивах прошлыми исследователями. Письма тематически разделены на две части. Первая посвящена деятельности Маргариты как «нормальной» (рабочий термин) средневековой королевы. Она включает бумаги из Британской библиотеки, впервые отредактированные в 1863 году. Вторая часть писем содержит сведения об уникальном опыте Маргариты как участницы социально-политического конфликта в Англии во второй половине XV века. Они происходят как из опубликованных, так и из неопубликованных источников.

Историки стремятся к расширению исследовательского поля путем обращения к иным, помимо письменных, группам источников (в частности, к археологическим и изобразительным).

Своей новой книгой Д. Спенсер продолжает серию исследований о позднесредневековом военном искусстве Англии (Spencer 2020). Он активно использовал материалы архивов Лондона, Йорка, Дарема, Нортхэмптона, Стаффорда, Шропшира, Уилтшира и Уэльса, а также сохранившиеся позднесредневековые фортификационные сооружения (или их руины). В работе делается вывод о том, что роль замков в Войнах Роз недооценивалась историками: на самом деле они играли значительную роль. Так, автором в источниках обнаружены сведения о гарнизонах замков. Это чрезвычайно важное наблюдение, например, для изучения персонального состава участников Войн Роз.

Исследование М. Уорда (Ward 2016) посвящено такому типу позднесредневековой ливреи, как ливрейные цепи, ко-

торые изучены, главным образом, на основании сохранившихся надгробных изображений. Эта работа, наряду с книгой Г. Мак-Килви, вносит существенный вклад в изучение проблемы «бастардного феодализма».

Таким образом, наряду с расширением круга источников, можно отметить ряд новых подходов к их изучению.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Maurer H.E., Cron B.M.* The Letters of Margaret of Anjou. Boydell & Brewer, 2021.
- McKelvie, G.* Bastard Feudalism, English Society and the Law: The Statutes of Livery, 1390–1520. Boydell & Brewer, 2020.
- Pardon rolls of Edward IV, 1462–67 / Ed. by H. Kleineke. Kew, Surrey, 2021.
- Pardon rolls of Edward IV, 1468–71 / Ed. by H. Kleineke. Kew, Surrey, 2019.
- Pardon rolls of Edward IV, 1471–83 / Ed. by H. Kleineke. Kew, Surrey, 2020.
- Spencer D.* The Castle in the Wars of the Roses. Pen & Sword Military, 2020.
- The Fifteenth Century XVI: Examining Identity / Ed. by L. Clark. Boydell & Brewer, 2018.
- The Fifteenth Century XVII: Finding Individuality / Ed. by L. Clark. Boydell & Brewer, 2020.
- The Fifteenth Century XVIII: Rulers, Regions and Retinues. Essays presented to A.J. Pollard / Ed. by L. Clark. Boydell & Brewer, 2020.
- The Fifteenth Century XIX: Enmity and Amity / Ed. by L. Clark. Boydell & Brewer, 2022.
- Ward M.* The Livery Collar in Late Medieval England and Wales. The Boydell Press, Woodbridge, 2016.

Е.В. ПЧЕЛОВ

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЕ И ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ XV–XVII ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

Хорошо известен тот факт, что дворянская геральдика России формировалась по образу и подобию геральдики Западной Европы. Однако конкретные пути и формы этого влияния остаются до сих пор мало исследованными. Тривиальным выглядит утверждение о влиянии на русские дворянские гербы эмблематического корпуса гербов шляхты Речи Посполитой. Но лишь только этим комплексом гербовых эмблем дело не ограничивается. Хорошо известно также использование русской геральдикой широко популярных символов западноевропейской эмблематики эпохи Ренессанса и раннего Нового времени (например, пеликана, кормящего собою своих птенцов, или журавля с камнем в лапе), но, какие именно издания послужили в этих случаях источниками, также не вполне ясно. Между тем, процесс влияния, как показывает иконографический анализ дворянских гербов, был чрезвычайно многообразным. Всесторонняя его характеристика — дело будущего, однако, хотелось бы уже сейчас наметить возможные пути дальнейших исследований. Для примера возьмем гербы нескольких первых частей «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» (далее — ОГ), утвержденных в самом конце XVIII века. Даже их весьма беглый анализ уже позволяет выделить несколько эмблематических и геральдических источников.

1. В 1705 г. в Амстердаме вышло первое издание известного (и единственного в истории русской культуры) эмбле-

матического справочника — «Символы и эмблемата». Затем эта книга с корректировками и дополнениями переиздавалась в России еще несколько раз на протяжении XVIII – начале XIX в. (последние издания под редакцией Н.М. Амбодика-Максимовича). «Символы и эмблемата» не носили оригинального характера, а опирались на предшествующую европейскую эмблематическую традицию. Непосредственными источниками для этого свода эмблем, как известно, послужили эмблематические сборники Д. де ла Фейя, увидевшие свет в Амстердаме в 1690-х годах. Они также не были оригинальными. Первый из них, к примеру, назывался «Девизы и эмблемы, древние и новые, заимствованные у наиболее известных авторов...» (*Devises et Emblemes Anciennes et Modernes, tireés des plus celebres Auteurs...*). Прототипом для него, как уже было установлено, послужил сборник эмблем, медалей, «иероглифических» фигур и монограмм французского гравера Николя Веррьена, впервые изданный в Париже в 1685 году. Вне всякого сомнения, эмблематическую генеалогию для тех или иных эмблем Веррьена можно продолжить и далее вглубь, вплоть до «эмблемата» XV–XVI веков. Однако важно именно влияние этого эмблематического комплекса на геральдику в России.

Для городской геральдики это влияние вполне очевидно и уже становилось предметом научного рассмотрения. Для дворянской геральдики оно значительно менее изучено. Между тем, целый ряд эмблем сборника находит прямые аналогии в гербовых фигурах российских дворянских гербов. Так, олень, пронзенный стрелой, (№ 587 из «Символов и эмблемата») присутствует в гербах Мавриных (ОГ, 1, 41), а затем и Тимирязевых (ОГ, 8, 14); два пламенеющих сердца (№ 120) — в одной из частей герба гр. Ростопчиных (ОГ, 4, 12); корона на столбе (№ 65) — в гербе Ханыковых (ОГ, 1, 56); пресмыкающаяся «ехидна», мечом обезглавленная (№ 16) — в гербе Зыбиных (ОГ, 3, 76); по всей видимости, и журавль с камнем в лапе герба Бекетовых (ОГ, 4, 84), и пеликан с птенцами герба Хоненевых (ОГ, 6, 20) также имеют прототипами «Символы и эмблемата» (№№ 564; 220, 763).

2. Среди источников русского герботворчества была и «Иконология» Ч. Рипы, впервые изданная в 1593 году. Ярким примером этого является герб Мячковых (ОГ, 4, 35). В нем изображен «Негр в Латах» с луком и тремя стрелами. Эта гербовая фигура со всей очевидностью восходит к аллегории Юга из «Иконологии» (№ 307 лондонского издания 1709 г.). Выбор эмблемы для герба объясняется происхождением рода Мячковых — их предок, сродник «Тевризского Царя», якобы, выехал к Дмитрию Донскому из «Тевризского Государства». Таким образом, южное «происхождение» рода обусловило использование иконографической аллегории Юга.

3. Европейские гербовники также служили источником для русской дворянской геральдики. Интересным примером здесь может быть, по всей видимости, герб князей Черкасских (ОГ, 2, 9). В его четвертой части помещены два перпендикулярно перевившиеся Змия. Они изображены в виде двух змей, напоминающих часть кадуцея. Две первые части герба Черкасских восходят к двум титульным гербам — Черкасских и Горских князей и Кабардинскому. Возможно, и четвертая часть каким-то образом обозначает происхождение рода. По преданию, родоначальником князей Черкасских был князь Инал, который, якобы, занимал престол султана в Египте (о чем свидетельствует шапка с пером в виде чалмы, увенчивающая княжескую мантию герба). И здесь приходит на память фантазийный герб Египта, хорошо известный в европейской геральдике, по крайней мере, начиная с «Хроники Констанцского собора» Ульриха фон Рихенталя, украшенной гербами в конце первой трети XV века. Герб Египта в этой традиции представлял собой изображения в щите нескольких ползущих змей с характерными изгибами тел. Возможно, этот факт вымышленной геральдики мог повлиять на выбор гербовых фигур для князей Черкасских.

Исследование источников отечественного дворянского герботворчества, безусловно, должно быть продолжено, однако, оно уже сейчас показывает довольно широкое использование западноевропейской геральдики и эмблематики позднего Средневековья и раннего Нового времени в самых разнообразных их проявлениях.

М.А. РЯБОВА

**ТОРГОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ В
БУХГАЛТЕРСКИХ КНИГАХ ФИРМЫ
СОРАНЦО (ВЕНЕЦИЯ, 1406–1434)
МЕТОД АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

В изучении такого вида исторических источников, как бухгалтерские книги, перспективным выглядит применение методологии анализа социальных сетей (*social network analysis*, SNA) — подхода, в котором социальная структура рассматривается в качестве сети, состоящей из определенного числа узлов, или акторов, и соединяющих их связей (Wellman, Wetherell 1996: 102–103). Хотя отдельные ключевые для него понятия и принципы восходят к идеям Георга Зиммеля (1858–1918), Эмиля Дюркгейма (1858–1917) и Якоба Леви Морено (1889–1974), в своих основных чертах он сложился в социологии, социальной психологии и социальной антропологии в 50-е – 70-е годы XX в. (Kogom 2015: 524–530). Для парадигмы сетевого анализа характерно перенесение фокуса внимания с изучения качеств и свойств, присущих социальным субъектам-акторам, на описание связей между этими последними и выявление устойчивых паттернов или моделей общественных отношений (Wellman 1983: 156–158; Wasserman, Faust 1994: 4; Scott 2017: 2). Дополнительные возможности, которые открывает этот метод в работе с бухгалтерскими источниками, были продемонстрированы Ш.С. Мак-Уоттерсом и Я. Лемаршаном в новаторской статье, где используются данные главной книги и журнала, которые были составлены в качестве примеров для французского руководства XVIII в. по ведению торговли (McWatters, Lemarchand 2013). Исследователи приходят к выводу, что в

сочетании с традиционными архивными изысканиями такой подход позволяет извлечь из регистров новую информацию о том, какую роль играли купеческие сети в мобилизации капитала, формировании доверия между контрагентами, распространении деловой информации и передаче знаний (McWatters, Lemarchand 2013: 50, 76). Кроме того, он обеспечивает инструментарий для количественного измерения общественных отношений, выявленных с помощью других методов (McWatters, Lemarchand 2013: 77).

Плодотворную почву для социально-сетевого анализа дают счетные книги венецианских купцов, сохранившиеся за период с начала XV в., и в особенности та из них, которая фигурирует в научной литературе под условным названием *libro real nuovo* и описывает операции фратерны Соранцо, то есть товарищества братьев Донадо, Джакомо, Пьеро и Лоренцо Соранцо, за 1406–1434 гг. (ASV. Miscellanea Gregolin. V. 14. *Libro real nuovo*, далее — LRN). Поскольку рукопись возникла не в рамках обычной хозяйственной деятельности предприятия, а была подготовлена в связи с судебным процессом в магистратуре *giudici di petizion* (Zerbi 1952: 372–377; Sassi [1956]: 17–19), существуют опасения, что ее содержание могло быть искажено в интересах одной из сторон. Изучение *libro real nuovo* методами анализа социальных сетей направлено на то, чтобы либо выявить аномалию в ее данных, либо способствовать их дополнительной верификации. Кроме того, фратерна Соранцо интересна как относительно редкий для средневековой Италии пример специализированной оптовой фирмы, которая занималась в основном импортом сирийского хлопка и его последующей перепродажей иностранным купцам, в первую очередь, немецким. Выстроенная ею система деловых отношений может послужить ключом к более глубокому пониманию механизмов обмена, сложившихся на одном из важнейших направлений транзитной торговли Венеции, соединявшем страны Леванта с городами Южной Германии.

Рассмотрение *libro real nuovo* сквозь призму социально-сетевого анализа было начато автором в более раннем исследовании (Рябова 2016), где реконструировалась одно-

уровневая «эгоцентрическая» сеть фирмы Соранцо, состоящая из самой фратерны и 474 ее контрагентов, ранжируемых по интенсивности их связи с «фокус-субъектом». При этом отбор данных производился таким образом, что во внимание были приняты лишь те клиенты и партнеры, на имена которых составитель книги открыл отдельные счета. На новом этапе работы предстоит дополнить социальную сеть фратерны акторами, упомянутыми в бухгалтерских записях, но не имевшими собственных лицевых счетов, и распространить ее охват на следующий, «полоторный» уровень, показав не только связи контрагентов с фирмой Соранцо, но и их отношения между собой.

Первым шагом к решению этой задачи стал сбор информации о торговых посредниках, принимавших участие в операциях фратерны и обозначаемых в источнике терминами «*sanser (sansser)*» (LRN. Fol. 17s, 17d et passim) или *meseto (messeto)*» (LRN. Fol. 9s, 11d, 70d). В соответствии со специализацией братьев Соранцо речь идет, прежде всего, о лицензированных брокерах, которые служили на Фондако деи Тедески. Они обязаны были сопровождать каждую сделку, совершаемую немецкими купцами, если ее сумма превышала 10 дукатов (Braunstein 2016: 121). В то же время в *libro real nuovo* фигурируют и другие посредники, например, работавшие на Риальто (LRN. Fol. 9s, 11d). Внесение сведений об этих лицах в общую базу данных, регистрирующую контрагентов фирмы Соранцо, и визуализация деловых связей между ними, фратерной и ее клиентами помогают выявить системообразующую роль брокеров в установлении и поддержании деловых контактов. Тем самым открывается новый аспект исследования сетевой структуры венецианской торговли.

БИБЛИОГРАФИЯ

Archivio di Stato di Venezia (ASV). Miscellanea Gregolin. Busta 14. Libro real nuovo (LRN).

Рябова М.А. Социальная сеть братьев Соранцо по данным счетных книг их фирмы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 6 (50) — Электронный ре-

сурс [режим доступа: <https://history.ies.su/s207987840001554-8-1/>, дата обращения — 20.05.2023].

- Braunstein Ph.* Les Allemands à Venise (1380–1520). Rome, 2016 (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; vol. 372)
- Korom Ph.* Network Analysis, History of // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / Ed. By J.D. Wright. 2nd ed. Amsterdam, 2015. Vol. 16. P. 524–531. DOI 10.1016/B978-0-08-097086-8.03226-8
- McWatters Ch.S., Lemarchand Y.* Merchant networks and accounting discourse: the role of accounting transactions in network relations // Accounting History Review. 2013. Vol. 23. No 1. P. 49–83. DOI 10.1080/21552851.2013.773632
- Sassi S.* Sulle scritture di due aziende mercantili veneziane del Quattrocento. Napoli, [1956].
- Scott J.* Social Network Analysis. 4th ed. Los Angeles, CA, 2017.
- Wasserman S., Faust K.* Social Network Analysis: Methods and Applications. New York, 1994.
- Wellman B.* Network Analysis: Some Basic Principles // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. P. 155–200.
- Wellman B., Wetherell Ch.* Social Network Analysis of Historical Communities: Some Questions from the Present for the Past // The History of the Family: An International Quarterly. 1996. Vol. 1. No 1. P. 97–101.
- Zerbi T.* Le origini della partita doppia: Gestioni aziendali e situazioni di mercato nei secoli XIV e XV. Milano, 1952.

А.И. Сидоров, И.С. Филиппов

МАРГИНАЛИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУКОПИСЯХ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Под маргиналиями мы понимаем весь набор текстов, знаков и изображений, которые присутствуют в рукописи помимо *основного* текста и которые не предполагались там изначально, но появились в результате взаимодействия читателей с конкретной рукописью с момента ее создания и до наших дней. К таковым относятся: технические пометы переписчиков, библиотекарей и архивистов; редакторская и корректорская правка; слова, фразы, символы и знаки, акцентирующие внимание читателей на отдельных фрагментах текста (дублирование на полях отдельных имен и названий; маникулы, *NB*, *sic* и др.); пояснения редких и иноязычных слов; дополнения, комментарии, отсылки к другим текстам; владельческие, посвятительные, дарственные записи, а также маргиналии, принципиально не связанные с основным текстом (пробы пера, эскизы и наброски, а также любые тексты, написанные на свободном месте и др.).

Термин «маргиналии» мы предлагаем понимать максимально широко — это так или иначе визуализированный результат взаимодействия конкретного читателя с конкретным текстом в конкретной рукописи. При таком подходе вопрос о месте их расположения приобретает чисто технический характер. С этой точки зрения, различают пометы на полях (то есть маргиналии в узком смысле слова), между строк (интерлинеарии) или на оборотной стороне листа (дорсальные записи). Содержание помет важнее и формы, и локации.

Когда и почему возникли маргиналии? Предположительно, их рождение связано с двумя обстоятельствами: появлением подходящего писчего материала и наличием достаточно большого количества книг и иных манускриптов. Очевидно, что физически было неудобно оставлять «пометы на полях» каменных стел, глиняных табличек и даже папирусных свитков. Зато позднеантичный кодекс с его широкими полями оказался для этого идеальной площадкой. Второй важный фактор — количественный. В какой-то момент у образованных людей появилась необходимость часто работать с большим количеством рукописей. Самих кодексов стало в разы больше, их производство ускорилося, стоимость снизилась, а доступность, напротив, возросла. Видимо, не случайно маргиналии как массовое явление и норма читательского поведения возникают в Европе, насколько известно, примерно с начала IX в., то есть в эпоху каролингского возрождения, отмеченного значительным ростом производства книг.

Маргиналии с самого начала играли принципиально важную роль в жизни основного текста рукописи. Позднейшие читатели нередко реагировали не только на основное содержание рукописи, но и на пометы предшественников, комментировали и дополняли их, поскольку те воспринимались, в том числе визуально, уже как составная часть основного текста. В Средние века нередко случаи копирования рукописей *вместе* с маргиналиями. Яркий пример — копии текстов римского и канонического права вместе с глоссами.

Ситуация изменилась только с появлением печатной книги, и то далеко не сразу. Даже в XVI в. печатные книги, изготовленные на основе конкретных рукописей, иногда воспроизводили в том числе и содержащиеся в них читательские пометы. В иных случаях комментарии и вовсе становились настолько пространными, что постепенно обособлялись от материнского текста и превращались в самостоятельный нарратив — такова судьба многих средневековых библейских или юридических глосс.

Исследователи долгое время мало интересовались маргиналиями, хотя, несомненно, *видели* их. В XIX–XX вв. пометы иногда учитывались в академических изданиях отдельных

памятников. К маргиналиям время от времени обращались лингвисты и палеографы, однако ни о какой системной работе с этим колоссальным корпусом текстов до конца XX в. говорить не приходится. Историки в этом отношении тем более отставали. Ситуация стала меняться только в последние десятилетия.

Следует признать: технический прогресс преподнес гуманитариям невиданный подарок. Благодаря стремительно развивающемуся процессу оцифровки рукописей в распоряжении исследователей оказался огромный и поистине бесценный материал. Сегодня ученым легко доступны десятки тысяч манускриптов из сотен библиотек и книжных собраний, в том числе, частных. Работать с ними можно в любое удобное время, в любом месте на планете и в максимально комфортных условиях. Всякий, кто имел дело с рукописями в доцифровую эпоху, хорошо знает, с какими сложностями и ограничениями, а порой и непреодолимыми препятствиями приходилось сталкиваться, пытаясь добраться до нужного материала. Про временные и материальные затраты и говорить не приходится. Теперь же дело за малым — нужно просто найти в себе силы для этой кропотливой работы.

Между тем, перспективы здесь открываются невиданные. Во-первых, изучение маргиналий помогает оценить бытование конкретных книг в широком историко-культурном контексте. Уяснить, кто и как в разное время и в разных местах читал один и тот же текст. Увидеть, чем интересовались те или иные читатели, а что оставляли без внимания, как понимали и использовали прочитанное. Во-вторых, маргиналии библиотекарей и архивистов неоценимы при реконструкции фондов средневековых древлехранилищ, изучении обстоятельств их комплектования, хранения, инвентаризации и использования.

Для иных периодов времени этот источник и вовсе уникальный. Что касается Раннего Средневековья, маргиналии, пожалуй, единственный крупный корпус новых и почти неизученных текстов. Пренебрегать таким богатством представляется непозволительной роскошью.

Особая проблема — издание маргиналий. За редкими исключениями это дело безнадежное, во всяком случае, если речь идет об издании одних лишь маргиналий. Они почти всегда неразрывно связаны с конкретной рукописью, страницей, а то и словом на ней. Вне этого контекста они зачастую превращаются в малоинформативный и даже бессмысленный набор знаков, отсылок и оборванных фраз. Пожалуй, самый известный пример неудачной публикации связан с изданием пасхальных анналов в *MGH*. Маргиналии как законченный и обособленный нарратив, все же исключение, поэтому издатели прохладно относились к пометам и воспроизводили их лишь эпизодически, в особых случаях. Цифровая революция позволяет, наконец, решить эту проблему.

Н.Б. СРЕДИНСКАЯ

ПРИДАНОЕ, ПРОДАЖА НЕДВИЖИМОСТИ И ЗАВЕЩАНИЕ

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН
В АКТАХ СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ XIII–XIV ВЕКОВ

Исследование актового материала Кремоны, Падуи и Феррары XIII–XIV вв. из Архива СПбИИ РАН дает возможность составить более точное представление о правовом статусе женщин Северной Италии этого времени, во всяком случае, в том, что касалось сферы экономики. К составу имущества, на которое распространялись права женщин, относится, прежде всего, приданое, но также то, что было получено ими по наследству и то, за чем был закреплен статус *bona parapherna* (имущество кроме приданого). Возможность распоряжения своими вещами отличалась в зависимости от региона и вида имущества. Во многих случаях право распоряжения своим приданым (несмотря на то, что оно признавалось имуществом супруги, и муж мог им распоряжаться только с ее разрешения) для женщины ограничивалось необходимостью получить разрешение мужа или отца. Некоторые авторы, впрочем, признают существовавшую для женщин Венеции полную свободу распоряжения своим приданым. Что касается *bona parapherna*, то ограничений вещных прав на него для женщин не существовало.

Тема защиты женских прав чаще всего прослеживается в многочисленных актах продажи недвижимости и других видов отчуждения имущества, на которое могли распространяться права женщин. В тех случаях, когда среди продавцов в актах числятся женщины, в них присутствуют формулы, которые встречаются не во всех договорах купли-продажи. Это

клаузулы, предохранявшие покупателя от исков и претензий женщин, основанные на сохранивших свое значение нормах римского права — *senatusconsultum Velleianum* и Новелле *si qua mulier*. Сенатусконсульт *Velleianum* еще в Древнем Риме объявлял недействительным всякое принятие женщиной ответственности за чужой долг (D.16.1.). Новелла *si qua mulier* объявляла ничтожной интерцессию, то есть принятие долгового обязательства мужа супругой (Nov. 134). Обязательства не прибегать к привилегиям, положенным женскому полу, скреплялись клятвой на Евангелии, о чем нотариий, составитель акта, делал соответствующую запись.

В качестве иллюстрации можно привести падуанский акт продажи дома от 4 июля 1370 г., включающий апробацию продажи супругой продавца: «*Insuper dicta domina Clara, iuravit, corporaliter ad Sancta Dei Evangelia tactis Scripturis, non contravenire ratione sue doctis, nec aliqua alia ratione vel causa, renunciando auxilio senatusconsulti Veleiani, certiorata per me notarium, quid sit Velleianum, omnique alii suo iuri*» (Сверх того, упомянутая госпожа Клара поклялась на святом Божием Евангелии, прикасаясь к письменам, не противодействовать <совершенной продаже> на основании своего приданого, и ни на каком другом основании и ни по какому другому поводу, отказавшись от использования сенатусконсульта *Velleianum*, будучи уведомленной мною, нотарием, что представляет собой *Velleianum*, и от всякого другого своего права» (АП 1987 № 62: 154).

Таким образом, в этом документе присутствует клятвенное обязательство не оспаривать совершенную продажу дома на основании своего приданого. Клятва означала обещание не возражать против продажи, ссылаясь на действовавшие также и в средневековой Италии нормы. Значимым является и повторяющееся в таких документах сообщение нотариия, что он разъяснил приносящей клятву женщине суть сенатусконсульта *Velleianum*, который она обязалась не использовать. Эта предосторожность опирается на привилегию женщин, данную римским правом, в некоторых случаях требовать расторжения сделки, ссылаясь на неведение закона (D.22.6.9). Именно поэтому нотариий,

составивший рассматриваемый нами акт 1370 года, удостоверяет также принесение клятвы в том, что с содержанием тех норм права, от поддержки которых женщина отказывается, она ознакомлена.

Хотя все вышеизложенное свидетельствует о защите преимущественно интересов покупателей недвижимости, на которое могли претендовать женщины, следует все же обратить внимание на существовавшую у них законную возможность такую сделку оспорить. Более того, на актовом материале видно, что в праве Северной Италии сохраняли значение и другие нормы римского права о приданом. Речь идет об актах, по которым наследники возвращали вдове ее приданое после смерти супруга, что также предусматривалось в завещаниях. Имущественные права женщин подкреплялись возможностью предъявления иска мужу, растратившему приданое. Это подтверждает феррарский акт 1481 г. о наложении взыскания на имущество Алвизио Форцате, отдавшего за долги приданое жены, госпожи Джакопы, дочери графа Джакопо Сакрати. Его имущество — 12 участков земли в феррарском дистрикто — было передано супруге в качестве компенсации за растраченное приданое (ЗЕС коллекция 4, картон 134 № 10).

Реализация имущественных прав женщин североитальянских центров XIII–XIV вв. более всего проявляется в завещаниях. И вдовы, и замужние женщины составляли завещания, характеризующиеся проявлением полной свободы воли в распоряжении своим имуществом.

Л.Б. Сукина

ДРЕВНЕРУССКАЯ ИКОНА КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК

ЦЕННЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ИЛИ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ИСТОРИКА?

Для исследователей русского Средневековья при недостатке письменных свидетельств в качестве ценного ресурса информации, дополняющей и расширяющей знания о событиях и явлениях прошлого, могли бы служить древнерусские иконы. Особенную роль этот вид визуальных источников приобретает в таких актуальных сферах исторического знания как культурная история, историческая антропология, микроистория, биографика. Профессиональное сообщество, пусть и с большой осторожностью, постепенно приходит к пониманию его информационной ценности.

Потенциал и проблематичность использования визуальных источников в историческом исследовании описаны еще в фундаментальных трудах по источниковедению С.О. Шмидта и И.Д. Ковальченко. И.Д. Ковальченко, в частности, писал, что главная причина сложности работы историка с изображениями заключается в том, что информация об исторической действительности закодирована в них в форме визуальных образов и потому остается скрытой для непосредственного наблюдения. При дешифровке визуального источника историк должен осуществить процедуру «снятия» присущей эпохе создания этого источника системы изобразительных принципов и методов, скрывающих содержание от современного взгляда. Извлеченная информация должна быть подкреплена дополнительной информацией, преимущественно, из письменных источников и получить «естественно-

языковое» выражение. Эта задача особенно важна применительно к всякого рода «нереалистическим отражениям действительности» (Ковальченко 2003: 133–134).

В древнерусских иконах, за малым исключением, совершенно отсутствует «реализм» содержания и формы, свойственный искусству Нового времени. Хотя это и вполне очевидно, историки искали и продолжают искать в них элементы «реальной действительности» и закономерно испытывают разочарование в их информационной полезности для исторического исследования. Изображения на иконах не имеют почти ничего общего с повседневной реальностью прошлого, так как предельно условны, ориентированы на иконографический образец (часто иноземного происхождения) и художественную традицию, формировавшиеся и существовавшие в искусстве византийского мира на протяжении целого тысячелетия. Поэтому использование икон как визуальных источников в историческом исследовании без глубокого и сложного источниковедческого анализа с применением методов других гуманитарных дисциплин, и осуществляемого в рамках междисциплинарности, может привести к существенным ошибкам и заблуждениям.

Теоретический и историографический аспекты проблемы уже рассматривались нами в недавней публикации (Суккина 2020), поэтому в данной работе мы сосредоточимся на «практической» стороне дела и попробуем на конкретных примерах показать, с какими трудностями сталкивается историк, стремящийся подходить к памятникам иконописи как визуальным источникам.

Первым масштабным опытом «источниковедения древнерусской живописи» было исследование В.А. Плугина, посвященное реконструкции «мировоззрения Андрея Рублева» (Плугин 1974). Исследователь осознавал трудности и ограничения в решении поставленной цели, что явствует из сформулированного им определения иконы как исторического источника. Для дешифровки смыслов работ Андрея Рублева исследователь привлекал широчайший круг письменных источников того времени, но мало уделял внимания самим произведениям. В определении круга произведений

великого иконописца он полностью доверял искусствоведческим работам, в которых довлело влияние «Рублевского мифа», приписывающего художнику большинство значимых икон его эпохи. Сейчас авторство Рублева у целого ряда шедевров древнерусского искусства, атрибутируемых ему на протяжении десятилетий, как минимум, оказалось под сомнением (Нерсисян, Свердлов 2022). В итоге, следует признать, что В.А. Плугиним была тщательно реконструирована «общественная идеология» первой четверти XV в., но персональное мировоззрение создателя «Троицы» по-прежнему остается загадкой для историков русской средневековой культуры.

Не менее сложно обстоит дело с имеющимися в науке интерпретациями происхождения и сюжета известной иконы из Успенского собора Московского Кремля «Благословенно воинство небесного царя», часто упоминаемой в исследовательской, научно-популярной и учебной литературе по истории России. Существуют два списка этой иконы (один в Государственной Третьяковской галерее, второй — в Музее-заповеднике «Московский Кремль»). Оба они не имеют точной датировки. История их создания и почитания на протяжении большей части XVI в. не зафиксирована в письменных источниках. Вероятно, нужно согласиться с аргументированным мнением ряда современных исследователей, что у нас нет достаточно оснований видеть в композициях на этих иконах символическое изображение похода Ивана Грозного на Казань и истолковывать их иконографию как «памятник публицистики», что делали ранее. С некоторых пор старейшее из этих произведений (таковым считается икона из Третьяковской галереи, ранее находившаяся в Успенском соборе Московского Кремля) пытаются связать в венчанием Ивана IV на царство (Сорокатый 1999: 414). Недавно И.А. Шалина предложила отнести ее ко времени утверждения идеи «Москва — Третий Рим» при Василии III (Шалина 2020: 22–26). Все это меняет не только датировку произведения, но и основания интерпретации его иконографии, что особенно важно для источниковедческой дешифровки иконы.

Таким образом, икона как визуальный источник не только расширяет возможности изучения и понимания русского Средневековья, но и добавляет проблем историку, использующему ее в своем исследовании. Работа с ней требует широкой эрудиции, выходящей за традиционные рамки профессиональной подготовки, тщательности в интерпретации сюжета и содержания и значительной доли осторожности в следующих из нее выводах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003.
- Нерсесян Л.В., Свердлова С.В.* Звенигородский чин. М., 2022.
- Плугин В.А.* Мирозрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы): Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974.
- Сорокатый В.М.* Икона «Благословенно воинство Небесного царя»: Некоторые аспекты содержания // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь: к 100-летию А.Н. Грабара (1896–1990). СПб., 1999. С. 399–417.
- Сукина Л.Б.* Визуальные источники русского Средневековья в историческом исследовании: некоторые методологические наблюдения // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 4. С. 113–132.
- Шалина И.А.* Икона «Благословенно воинство небесного царя...» из Успенского собора Московского Кремля и ее место в искусстве эпохи Василия III // София. 2020. № 4. С. 20–27.

Т.Н. ТАЦЕНКО

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА УКАЗОВ И
СЛУЖЕБНЫХ ПИСЕМ КОРОЛЯ /
ИМПЕРАТОРА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ МАКСИМИЛИАНА I
В АРХИВЕ СПБ ИИ РАН**

Изучение подлинных рукописных памятников западноевропейской истории, хранящихся в отечественных архивах, имеет двоякое значение: введение содержания оригинальных источников в научный оборот и сохранение исторических памятников путем их всестороннего исследования и описания. В западноевропейской секции (ЗЕС) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, одном из крупнейших хранилищ западноевропейских рукописей в нашей стране, хранятся по предварительным подсчетам 27 подлинных документов короля, впоследствии императора Священной Римской империи Максимилиана I (1486–1519). Большая часть из них написана на ранненововерхненемецком языке (21), пять — на латинском и одно письмо на французском языке.

Почти все рукописи происходят из собрания Н.П. Лихачева (1862–1936), который приобрел их в период до 1914 г. Несколько относятся к так называемой Бранденбургской коллекции, попавшей в Архив СПб ИИ РАН после 1945 года. Объединенные именем составителя, Максимилиана I, документы по хронологии и содержанию носят разрозненный характер и не могут дать материал для последовательного изучения крупного исторического явления. Тем не менее,

даже при такой фрагментарности каждый из них при тщательном исследовании сообщает историку яркие и достоверные свидетельства прошлого.

Указы и распоряжения (*Mandate, Befehle, Ausschreiben*) Максимилиана I в нашем архиве охватывают период с 1497 по 1518 год. До начала 1508 г. документы составлены от имени Максимилиана как Римского короля (*Römischer König*), а затем, после официальной коронации, уже давно реальный правитель империи получает титул Римского императора (*Römischer Kayser*) Максимилиана I.

Мы имеем дело почти исключительно с однолистными документами. Их размеры сильно различаются: от формата *in folio* до больших размеров от 30x40 до 60x80 см. При этом текст часто размещен по ширине листа (так называемый *Querformat*) и занимает только его лицевую сторону. В качестве писчего материала использовалась бумага, со временем пожелтевшая. Важные акты долговременного хранения исполнены на пергамене. К ним относятся грамоты с пожалованием дворянства и герба, причем последние снабжены красочным изображением (*Wappenbriefe*). Особую группу составляют печатные мандаты, содержащие указы, предназначенные для всей империи. С помощью печатного станка и службы курьеров императорской канцелярии они превращались в важные средства массовой информации и усиливали действенность императорской власти. В качестве печатного шрифта чаще всего применяли рейнскую бастарду, позднеготический шрифт с гибкими элементами курсива. Рукописные тексты императорских актов на немецком языке выписаны беглым неоготическим курсивом Нового времени, а латинские тексты всегда исполнены округлым гуманистическим курсивом.

Текст документов составлен по повсеместно употреблявшемуся формуляру указов и распоряжений. Если указ был обращен ко всем, то после императорского титула шла формула, содержащая перечисление всех сословий империи: «Embitten allen vnnd | yeden vnßern vnd des heiligen Reichs ... vnßer gnad vnd alles gut / Объявляем всем и каждому, нашим и Священной империи ... нашу милость и благорасположе-

ние» (ЗЕС 446/21, Указ от 5 июня 1497 г. об объявлении городов Данцига и Эльбинга в имперскую опалу). Когда служебное распоряжение было адресовано конкретному лицу, то после титула шло приветственное обращение к адресату, всегда без личного имени, но со свойственным адресату словными характеристиками, например, «Getrewen lieben / Любезные верноподданные» — к бургомистру и членам городского совета города Энса, лицам бюргерского происхождения (ЗЕС 448/14. Уведомление о назначении императорского чиновника для разбора спорного дела от 9 декабря 1517 г.). Далее шли обычные части формуляра: преамбула (*exordium*), повествовательная часть (*narratio*), распоряжение (*dispositio*), мотивация к исполнению распоряжения (*sanctio*), заключительная формула вежливости или выражение милости (*Schlußcourtoisie / Gnadenversicherung*), даты: календарная и годы правления империей и ее отдельными частями. Элементы формуляра сильно различались по объему и стилю в зависимости от предмета распоряжения и адресатов.

В отличие от других императоров, которые подписывали свои бумаги начертанием имени, подпись Максимилиана была необычной. Чаще всего он подписывал бумаги своеобразным начертанием *p[er] reg[em] p[er] s[e]* ([подписано] королем собственноручно). В печатных актах подпись воспроизводили с помощью клише. Такой способ употребляли и во многих рутинных рукописных документах. Для этого в императорской канцелярии имелись искусно сделанные приспособления (*Stampigle, pressel, trugkerl*). По наблюдениям исследователей, действительно собственноручная подпись Максимилиана почти всегда встречается в парадных, богато исполненных грамотах о пожаловании дворянства и герба. Их изготовление в императорской канцелярии стоило очень дорого. Цена существенно возрастала, если секретарю удавалось раздобыть так называемую большую подпись Максимилиана (*das große Namenshandzeichen Maximilians*). В собрании Архива СПбИИ РАН она стоит только на одной пергаментной грамоте от 12 октября 1501 г. о пожаловании герба

братьям Хохляйтер (ЗЕС 1/568): *Maxi[milianus] R[ex] s[ub]s[cripsit]*.

Максимилиан I был амбициозным властителем, стремившимся восстановить былое величие средневековой Римской империи путем действительного возвращения в нее итальянских ленов, прежде всего, герцогства Миланского. Столкнувшись в этой борьбе с сильным соперником — Францией, он вел длительные итальянские войны. Наряду с этим Максимилиан пытался усилить единство империи, состоявшей из конгломерата вольных имперских княжеств и городов. С этой целью была предпринята реформа 1495 г. с созданием имперского суда для преодоления междоусобиц и введением имперского налогообложения.

В этом контексте рассматриваемые подлинные указы и распоряжения Максимилиана тематически можно разделить на следующие группы:

1. Документы, отражающие события внешней политики. Наиболее ярким из них является большой печатный мандат от 16 января 1516 г. (ЗЕС 448/10) об имперской опале всем, поступающим на военную службу к французскому королю, что в том числе предполагало конфискации имущества у их жен и детей. Ожесточенность в стиле мандата легко объясняется тем, что незадолго до этого, после битвы при Мариньяно, французы взяли Милан. Другое направление внешней политики — турецкая опасность — находит отражение в печатном акте от 9 февраля 1518 г. (ЗЕС 605/1) с вызовом на рейхстаг в Аугсбург, где император надеялся собрать средства для обороны от турок.

2. Указы, касающиеся внутренней политики империи. Здесь выделяется мандат от 23 апреля 1517 г. (ЗЕС 448/12) с приказом князьям империи собрать военные силы для подавления мятежа Франца фон Зикингена, угрожавшего нападением на имперский город Вормс. Типовой печатный текст содержал пустое место, куда вписывалось имя конкретного адресата. Наш экземпляр адресован правительнице Гессена, вдовствующей ландграфине Анне.

3. Распоряжения управленческого характера. Максимилиан I был не только императором, но и территориальным

государем Австрии. Выразительными в этом отношении являются несколько приказов административного характера 1510-х годов, которые отражают отношения города Энса со своим непосредственным государем (9, 11, 13, 14 /448).

А.В. УШАКОВ

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ МОРСКИХ ПЛАВАНИЙ В ЛИВониЮ В 1560–1570 ГОДАХ И ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ ТОРГОВЫХ СУДОВ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ГОРОДА ЛЮБЕКА

В сравнении с позднесредневековым периодом Ганзейский союз раннего Нового времени изучен значительно меньше, что обусловлено, в первую очередь, отсутствием масштабных публикаций ганзейских источников, так как многотомные собрания ганзейских (*Hansisches Urkundenbuch*) и любекских актов (*Urkundenbuch der Stadt Lübeck*) имеют верхней хронологической отметкой конец XV в. и наибольший хронологический охват опубликованных источников представлен в издании протоколов и сопутствующих документов ганзейских съездов (*Hanserecesse. Die Recesses und andere Akten der Hansetage*) — самые поздние источники относятся к 1537 году. Столь масштабных изданий ганзейских материалов последующего периода на данный момент нет и, по судя по всему, не предвидится. Сборники документов по истории Ливонской войны немногочисленны (Schirren 1864; Binnemann 1865–1873) и ориентированы на освещение политической составляющей конфликта. Экономический аспект Ливонской войны в определенной степени представлен в двухтомном издании источников, подготовленном Г. Форстенем (Форстен 1889; Форстен 1893), а также небольшое количество материалов за этот период можно найти в публикации документов купеческой корпорации «рижских гостей» Любека (*Rigafahrer*) (Siewert 1897: № 1–9). Источники, опубликованные в приложении к монографии И. Иванова,

а также информативные таблицы в основном посвящены фундаментальному переустройству Ганзейского союза второй половины XVI – начала XVII века (Iwanov 2016: 327–376). В связи с этим при изучении ганзейской торговли в восточной Прибалтике в период Ливонской войны стоит обратиться к неопубликованным архивным собраниям, богатым и крайне многочисленным.

Наиболее обширные документальные коллекции сохранились в Архиве ганзейского города Любека, и в контексте ливонской торговли небезынтересно провести исследование архива «новгородских гостей» Любека (*Nowgorodfahrer*) — еще одной купеческой корпорации, ориентированной на торговлю с ливонскими городами (Ревелем, Дерптом и Нарвой), а также с городами русского Северо-Запада. Принимая во внимание, что фундаментальную трансформацию Ганзейского союза, обусловленную распадом Ливонской конфедерации, образованием национальных государств в Балтийском регионе, а также изменением механизмов ганзейского товарообмена, следует изучать с помощью индуктивного метода, стоит отметить, что весьма актуальным кажется вопрос охраны ганзейских торговых судов во время плаваний в Ливонию в условиях рассматриваемого эпизода битвы за Балтику.

Наиболее ранним источником, на который следует обратить внимание, является сопроводительное письмо данное магистратом Любека ганзейскому шкиперу Якобу Францу (*Jacob Frantz*) от 17 октября 1560 года (TLA, f. 230, BB 40 XIV, fol. 188). Несмотря на то, что этот документ хранится в Таллинском городском архиве, его содержание в полной мере отражает особенности любекской политики по обеспечению безопасности перевозимых в рамках балтийского торгового пространства грузов после начала Ливонской войны. В источнике содержится информация о том, как должны взиматься пошлины с товаров, в нем обозначен алгоритм компенсационных выплат по товарам, утраченным в результате пиратских нападений, перечислены особенности хранения товаров в Ревеле и правила отправки кораблей в Любек. Однако в этом документе нет никакой информации о необхо-

димости охраны купеческих судов с помощью конвойных кораблей, несмотря на то, что ранее любечане не только противодействовали пиратской угрозе таким способом, но и стремились навязать подобную модель морских плаваний ревельскому магистрату (TLA, f. 230, BE 14 IV, fol. 12). Нет никаких указаний на необходимость применения кораблей конвоя и в сопроводительных грамотах, данных магистратом Любека различным ганзейским купцам в 1571–1583 годах, несмотря на то, что они так же содержат подробную информацию о правах и привилегиях любекских купцов при осуществлении предпринимательской деятельности в Ливонии (см. к прим.: TLA, f. 230, BB 40 XV, fol. 34).

Очевидно, информация о кораблях конвоя в данных источниках может отсутствовать по двум причинам: в связи со спецификой самого документа, подчиненного в определенной степени строгому формуляру, или же по причине неиспользования военных кораблей для охраны торговых. Не исключено, что финансовую возможность нанимать конвойные корабли с целью противоборства пиратам или каперам могли лишь состоятельные купеческие корпорации, к которым относилось объединение «новгородских гостей» Любека.

Обратившись в книге олдерменов корпорации, посвященной нарвской торговле в 1563–1577 годах, хранящейся в Архиве ганзейского города Любека, можно обнаружить значительный фрагмент, относящийся к 1563 году, который представляет собой копию постановления о необходимости охраны купеческих судов кораблями конвоя и содержит массу положений по реализации этого механизма. В данном постановлении можно выделить преамбулу или введение, 19 пронумерованных пунктов, содержащих подробную информацию о найме военных кораблей, выплате установленного жалования, укомплектованию кораблей солдатами и необходимым вооружением, а также заключительные соглашения (AHL. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 16, fol. 11v.–12v.). Кроме того, «новгородские гости» стремились отправлять корабли с собственными товарами исключительно в составе флотилий, о чем свидетельствует информация о предпринимательской деятельности корпо-

рации в 1569 году, а также косвенные сведения об их торговой активности предшествующих лет (АНЛ. Private Archiv. Novgorodfahrer-kompanie (05.1–1/03). № 16, fol. 37r.–42r.).

Другим важным источником, относящимся к рассматриваемой проблематике, является постановление о необходимости сопровождения купеческих судов кораблями конвоя, одобренное «новгородскими гостями» 13 марта 1571 года (АНЛ. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 155, fol. 98v.–99r.). Согласно этому документу, фрахтовщикам (*frachtherren*) — купцам, ответственным за аренду судов, погрузку, выгрузку, хранение товаров, обязательно следовало нанять корабли конвоя для сопровождения торговых судов. При необходимости, они могли обратиться за помощью к городскому совету. Кроме того, в этом документе указаны имена и фамилии 33 шкиперов, с которыми заключались договоренности о перевозке товаров.

Указанные источники позволяют судить о том, что с началом Ливонской войны «новгородские гости» Любека оказались вынуждены обеспечивать усиленную охрану перевозимых грузов с помощью военных кораблей. Как это сказывалось на прибыльности любекской торговли, еще предстоит узнать. Дальнейшее изучение архивных собраний и выявление ранее неисследованных документов позволит уточнить имеющиеся знания о характере морских плаваний из Любека в Ревель и Нарву в период Ливонской войны.

О.Э. ФРОЛОВА, О.В. СУББОТИНА

**БОГОСЛУЖЕБНЫЕ МОНАСТЫРСКИЕ
СБОРНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.
В СОБРАНИИ РОССИЙСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА И ОФОРМЛЕНИЯ**

Российская национальная библиотека (РНБ) хранит большое количество западноевропейских богослужебных книг, в том числе вышедших в свет в первой половине XVI в. В иностранном книжном фонде выявлено более восьмидесяти экземпляров таких изданий, среди них миссалы, бревиарии, мануалы, а также часословы. Этот последний тип молитвенника, обычно имеющий в своем заглавии латинские слова *Hore*, *Horae* или французское *Heures*, получил наибольшее распространение во Франции в XIV – первой половине XVI века. В российских исследованиях эта богослужебная книга называется по-разному: Часовник (Добиаш-Рождественская 1927), Книга часов (Киселева 2008) или Часослов (Золотова 2019). Авторы тезисов будут придерживаться последнего варианта термина.

Два редких конволюта из собрания РНБ, связанные с королевским аббатством Фонтевро, основанным Робером д'Арбрисселем в XII в., не могут не привлечь внимание исследователей. Оба сборника состоят из следующих аллигатов: Часослова для Фонтевро — *Hore beatissime virginis Marie...* Paris, Yolande Bonhomme, 1545–1546. 8⁰; Благочестивых молитв — *Devote orations ...* Paris, Yolande Bonhomme, 1546. 8⁰; Поминальных молитв — *Commendationes defunctorum ...* Paris, Yolande Bonhomme, 1546. 8⁰.

Знаменитый французский монастырь был объединенным, то есть и женским, и мужским одновременно, однако во главе аббатства всегда находилась женщина-аббатиса. Оба богослужебных сборника издала в 1546 г. в Париже Иоланда Бономм по заказу аббатисы Луизы де Бурбон, чей герб изображён на титульных листах двух из вышеперечисленных изданий. Возглавляли Фонтевро обычно представительницы знатных домов Франции. Среди них Луиза де Бурбон (1534–1575), сестра деда будущего короля Генриха IV. В печатной продукции Иоланды Бономм (1490–1557), вдовы и преемницы известного парижского типографа немецкого происхождения Тильмана Кервера, одно из основных мест занимали богослужебные книги, в том числе, для монастырей и некоторых монашеских орденов (Hibbard Beech 1985: 82). Точный тираж богослужебных книг 1546 г. для Фонтевро неизвестен. По мнению американской исследовательницы Б. Хиббард Бич, он был весьма ограниченным (Hibbard Beech 1985: 82). Это подтверждается тем фактом, что упомянутые выше издания сохранились в мире в единичных экземплярах.

Итак, оба сборника включают издания для Фонтевро. На этом их сходство заканчивается. В первом экземпляре, который, скорее всего, использовали в этом аббатстве, последовательно сплетены Часослов, Благочестивые молитвы и Поминальные молитвы. При этом начальные три листа Благочестивых молитв вынесены перед титульным листом, что затруднило процесс идентификации. Последняя часть, Поминальные молитвы, присутствует не вся, а только первые шестнадцать листов, к которым приплетены последние шесть листов из неидентифицированного гимнария для Фонтевро, вышедшего в свет 8 августа 1554 года. Он отсутствует среди учтенных в мире. Сложный состав сборника дополняют восемь рукописных листов с молитвами. Экземпляр происходит из библиотеки Залуских.

Второй экземпляр также начинается с Часослова для Фонтевро, из которого, в отличие от первого экземпляра, убраны Часы Девы Марии согласно узусу Фонтевро. Далее идут Поминальные молитвы, разделенные на две части. Сначала шестнадцать листов, как и в первом экземпляре, а затем, по-

сле Благочестивых молитв, еще двадцать четыре листа. Завершает сборник Псалтирь Девы Марии св. Бонавентуры, изданная в 1521 г, раньше, чем остальные части сборника еще самим Т. Кервером (*Psalterium intemerate dei genitricis virginis marie...Paris, Thielman Kerver, 1521. 8°*). В конце тома семьдесят восемь листов с рукописными молитвами, написанными разными почерками. Загадка подобного состава второго экземпляра, как представляется, может быть разрешена благодаря переплету, относящемуся ко второй половине XVI века. На его богато украшенных крышках вытиснено имя: *Marguerite* (на верхней) *Le Bret* (на нижней). Вполне вероятно, что книга принадлежала Маргарет Ле Бре (1548–1634), приорессе другого королевского аббатства, Шелль (Torchet 1889: 8–9). Оба монастыря, и Фонтевро, и Шелль, подчинялись уставу бенедиктинского ордена, были тесно связанными между собой благодаря аббатисам. Так, например, во главе Шелль много лет стояла Рене де Бурбон (1527–1583), родная племянница Луизы де Бурбон. Можно предположить, что и издания 1546 г. попали в Шелль именно из Фонтевро и были адаптированы под нужды этого аббатства, по этой причине из сборника изъяли Часослов узуса Фонтевро, который не годился для Шелль. Этот экземпляр попал впоследствии в собрание знаменитого французского библиофила Этьенна Балуза, а затем в библиотеку Залуских.

Большой интерес представляет оформление обоих сборников, особенно гравюры к Часословам и Псалтири, но подробнее хотелось бы остановиться на более полном варианте *Horae* узуса Фонтевро, включающего Часы Деве Марии. Текст сопровождают 50 иллюстраций, 8 малых и 42 страничных изображения. Мы не будем обращаться к проблеме влияния немецкой гравюры и, в частности, творчества А. Дюрера на иллюстрации французских молитвенников XVI в. (см: Zöhl 2005; 2015). Однако затронем сюжетный состав гравюр и сравним его с типичными Часословами этого времени, выпущенными для мирян (например, с экземплярами, напечатанными парижскими типографами С. Востром и Г. Годаром в первой половине XVI в. и хранящиеся в фонде Библиотеки Российской академии наук). Схематично обозначим только

те отличия, которые связаны с тремя разделами молитвенника: Страстями Христовыми, Часами св. Духу и Покаянными псалмами. В каждой части текст иллюстрируют 7 гравюр, тогда как в мирских вариантах молитвенника их не более одной-двух. *Horae* для Фонтевро отличается большей сложностью изобразительной программы, которая включает редкую для подобных богослужебных книг иконографию, например, Сошествие во ад в Часах св. Духу или Пророк Нафан перед Давидом и Передача власти царем Давидом сыну Соломону в разделе Покаянных псалмов. Кроме того, добавим, что в части *Vigiliae pro defunctis* именно через гравюры развернута тема *memento mori* и усилена дидактическая функция молитв.

Два богослужебных сборника из собрания РНБ впервые вводятся в научный оборот и можно с уверенностью утверждать, что они уникальны, так как экземпляров, аналогичных по составу, в мире не выявлено. Заслуживают внимания и дальнейшего изучения не только бытование и содержание конволютов, но также и гравюры, интересные не только составом, но и нехарактерной для мирских Часословов сложностью иконографической программы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Добиаш-Рождественская О.А.* Выставка западных часовников с миниатюрами в Публичной библиотеке 28 марта – 4 апреля 1926 г. // Библиотечное обозрение. 1927. Кн. 1–2. С. 3–18.
- Золотова Е.Ю.* Бургундский часослов из Российской государственной библиотеки. Иконография и художественный контекст // Книжная миниатюра Западной Европы XII–XIX веков. Исследования и атрибуции. М., 2019. С. 184–199.
- Киселёва Л.И.* Западноевропейские «Книги часов» в библиотеках Санкт-Петербурга (описание рукописей XIV–XVI вв.). СПб., 2008.
- Hibbard Beech B.* Yolande Bonhomme: a Renaissance printer // Medieval prosopography. 1985. Vol. 6.2. P. 79–100.
- Torchet C.* Histoire de L'Abbaye royale de Notre-Dame de Chelles. Paris, 1889. T. 2.

Zöhl C. Jean Pichore. Buchmaler, Graphiker und Verleger in Paris um 1500. Turnhout, 2005.

Zöhl C. La réception précoce d'Albrecht Dürer dans l'art français // La France et l'Europe autour de 1500: croisements et échanges artistiques, Paris, 2015. P. 155–168.

Н.П. ЧЕСНОКОВА

ПОСТВИЗАНТИЙСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО О КОНСТАНТИНОПОЛЕ НОВОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ТЕКСТУ

Поствизантийское пророчество о судьбе поверженного турками Константинополя переводилось на русский язык и получило достаточно широкое распространение в русской литературе XVII века (Чеснокова 2011: 159–180). Так называемые Оракулы византийского императора Льва Мудрого, обретенные по преданию на гробнице Константина Великого и расшифрованные патриархом Геннадием Схоларием (1454–1456, 1463), не раз становились предметом размышлений и комментариев как греческих, так и славянских книжников (Чеснокова 2008: 248–262; Чеснокова 2019: 171–173; Чеснокова 2022: 339–353).

В России восприятие и трактовка этого текста менялись на протяжении почти всего XVII столетия в зависимости от изменения внешнеполитического положения Османской империи и христианских государств, ей противостоящих. Пророчество появилось в России вместе с призывами, идущими из греческого мира, об освобождении христиан Высокой Порты и развивалось в контексте трактовки термина «ксанфос генос — русый род», который по пророчеству должен принести свободу греческому народу и с которым в то время ассоциировали русских. В реальной политике России 70-х годов XVII в. идеи пророчества можно соотнести с попыткой царя Алексея Михайловича создать антитурецкую коалицию, хотя ее основной задачей была помощь Речи Посполитой против турок.

В конце XVII в. предсказание уже ассоциировалось с военными успехами царя Петра I под Азовом. Последний по времени из известных переводов пророчества, согласно источникам, был сделан Лаодикийским митрополитом Парфением в Москве в 1698 году. Оставляя без изменения текст предсказания, автор добавил от себя вирши, кратко объясняющие его суть, а также создал стихотворный панегирик царю Петру, в котором связал древнее пророчество с победами русского государя.

Но не только содержание предсказания получило новую интерпретацию. Повторное обращение к известным в науке текстам Парфения полностью изменили взгляд на личность их автора. Согласно данным историографии, Парфений — русский или выходец с Украины, в некоторых изданиях он без какой-либо аргументации называется греком. С целью паломничества Парфений много путешествовал по Христианскому Востоку, как иеромонах совершал богослужение на славянском языке. В 1686 г. Парфений встретился в османской столице с русской делегацией во главе с подьячим Посольского приказа Никитой Алексеевым, которая добивалась и добилась решения Константинопольского патриархата о переподчинении Киевской митрополии Московскому предстоятелю. В 1696 г. Парфений приехал в Москву, в 1698 г. написал несколько текстов, в том числе, панегирик Петру I. Что касается последних лет жизни, которые митрополит провел в России, без ссылок на документы, сообщается, что в 1701 г. Парфений был рукоположен в митрополита Азовского, в 1703 г. — в митрополита Холмогорского и Важеского, но не доехав до места назначения, он заболел в Ярославле, где и скончался 2 января 1704 года.

Обращение к архивным материалам показало, что Парфений Лаодикийский — по рождению грек из Константинополя. Этот факт подтверждается не только архивными документами и греческими автографами митрополита, но и еще одним списком его текстов из Томского областного краеведческого музея на греческом и русском языках. Что же касается посвящения Парфения Лаодикийского на русские митро-

поличьи кафедры, то вновь открытые источники не дают по этому поводу однозначных ответов.

В связи с новыми данными возникают вопросы относительно того, кто перевел сочинения Парфения (или помогал ему в переводе), мог ли митрополит в столь значительной степени владеть русским языком? Известно, что Парфений знал и знал хорошо славянский язык, он много общался с русскими и украинцами, совершал литургию по славянским богослужебным книгам, видимо, поэтому и заслужил особое уважение русских, о чем упоминал царский посланник в Речи Посполитой. Однако правильный русский текст практически без украинизмов, а тем более стихи на русском языке, переведенные с греческого, все-таки вызывают вопросы об их происхождении и требуют дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Чеснокова Н.П.* Предсказания о Цареграде Льва Премудрого и патриарха Мефодия» в фонде Тайного приказа Российского государственного архива древних актов // *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.* М.; СПб., 2008. С. 248–262.
- Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С. 159–180.
- Чеснокова Н.П.* Греческие пророчества XVII в. о Константинополе в русской традиции // *Византийское «содружество»: традиции и смена парадигм. Тезисы докладов XXII -й всероссийской научной сессии византинистов РФ.* Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 171–173.
- Чеснокова Н.П.* Толкование пророчества о Константинополе Газского митрополита Паисия Лигарида // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории.* 2022. Вып. 80. С. 339–353.

А.В. ЧИРКОВА

ГРАМОТЫ ПРИОРАТА БЕЛЬРУА XIII ВЕКА В СОБРАНИИ Н.П. ЛИХАЧЕВА

НОВЫЕ НАХОДКИ

Тринадцать грамот XIII века из архива шампанского приората Бельруа (Belroy, *dép.* Aube, *com.* Bayel; основан в 1215 г. (Guyon 1998: 87–88), одной из первых дочерних обителей Ордена уставных каноников Валь-дез-Эколье (Val-des-Écoliers, *dép.* Haute-Marne, *com.* Verbiesles; основан в 1212 г. (Guyon 1998: 22, 84)), были приобретены через парижский антиквариат Нозля Шараве (1861–1932), «Maison J. Charavay aîné», вместе с редким письмом на бумаге начала XIV в., особо заинтересовавшим русского исследователя филиграней (Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Карт. 328, № 18). Н. Шараве настоял на покупке комплекса Бельруа в качестве обязательного дополнения, запросив в письме 23 октября 1912 г. за все 14 документов 350 франков (Чиркова 2014: 127).

Пути попадания этих грамот на антикварный рынок неизвестны. Их краткие аннотации были опубликованы в числе других 28 актов Бельруа, обнаруженных среди документов прихода Сен-Пьер в Мулене (Daguin 1887: №№ 1, 3, 4, 7, 8, 6, 10, 11, 13, 16, 22, 25, 17). Предположительно, грамоты были отобраны для какого-то исторического сочинения Пьером Дарданом (Dardan), приором Бельруа в 1694–1713 гг. и деканом капитула Нотр-Дам в Мулене (Lalore 1887: 181). Из найденных А. Дагеном актов к XIII в. относятся 25. Еще 52 грамоты Бельруа было выявлено в Архиве департамента Об Ш. Лалором, 45 из которых принадлежит XIII в. (Lalore 1887: 170). Таким образом, в Петербурге оказалась заметная доля документального наследия Бельруа. В.И. Мажугой было описано и издано в аннотациях 11 актов 1218–1273 гг. и был дан крат-

кий очерк истории приората и его владений (Мажуга 1980: 242–247; Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Карт. 326, № 28–35, 39; Карт. 327, № 6). Два других документа Бельруа обнаружались в другом картоне, когда публикация уже вышла (Карт. 328, № 1, 10).

Обе грамоты демонстрируют черты, общие для других документов Бельруа. С лицевой стороны с помощью пергаменной ленточки, на которой крепилась вислая печать, к документам прикреплены бумажные аннотации XVII в. на смеси французского и латыни. Той же рукой на верхнем поле грамот проставлен год по Пасхальному стилю, а в тексте подчеркнуты основные элементы содержания. Почти на всех грамотах есть проколы шилом, сделанные сквозь сложенный документ с целью «обеззараживания» архива во время чумы. На обороте грамот присутствуют архивные записи XVII в. на французском с архивным шифром («quote»); есть и другие однотипные номера — вероятно, сигнатуры частной коллекции XVIII века.

Первый документ от имени декана капитула Сен-Маклу Радульфа *de Rosteria* и сельского декана Бар-сюр-Оба Аймона датирован сентябрем 1286 г. *Garinus*, кузнец из Бёрвиля (*faber de Burrivilla*; Beurville, dép. Haute-Marne), и его жена *Lesduydis* пожертвовали приорату два участка пахотной земли по пол журнала каждый, расположенных в округе Курсель (*in finagio de Corcellis*; Courcelles, dép. Aube, com. Bar-sur-Aube): один — в местечке *es Vouevres* между выгоном мэра (*paquetum dictum le maire de Corcellis*) и землей Гунбелета, сына покойного Жана Прокаженного; второй — в местечке *en Crepino* рядом с землей Робера Трушара.

Второй документ представляет собой недатированное завещание рыцаря Гуона де ла Порт. Грамота написана той же рукой, что и четыре акта 1239, 1242, 1254 и 1259 гг., составленные от имени сельского декана Бар-сюр-Оба Виарда. Эволюция почерка позволяет датировать документ 1250-ми годами, а упомянутого в качестве одного из возможных исполнителей завещания декана соотнести с сельским деканом, а не с деканом капитула Сен-Маклу. Документ представляет собой поручение о раздаче милостыни (37 ливров), долгов (34 солида), подарков родственникам (60 солидов и один

конь) и пожертвований в пользу восьми духовных учреждений Бар-сюр-Оба (55 солидов и 4 солида годовой ренты), аббатства Клерво (20 солидов), местной командерии Тамплиеров (10 солидов) и приората Бельруа, избранного местом захоронения (60 солидов, 2 марки серебра и 5 солидов ренты).

Магистр Raoul de la Rothière, каноник из Буржа, был избран деканом Сен-Маклу в августе 1283 г., утвержден 4 октября 1283 г.; последнее упоминание — 1311 г. (Arbois 1859: 59; Roserot 1942: 98)). Сельский декан Бар-сюр-Оба Аумон или Edmon известен по документам 1283, 1286 и 1289 гг. (Roserot 1942: 97; Roussel 1879: 167). Деревня Курсель была полностью разрушена во время Столетней войны, точное местоположение ее неизвестно. Права на местную церковь были подарены деканам Сен-Маклу в 1185 г. епископом Лангра; мэр Курселя упоминается в «Свитках феодалов» графов Шампани под 1250 г. как владелец дома в Бар-сюр-Обе; финаж Курселя отмечен в 1319 г. (Roserot 1942: 424–425; Chevalier 1851: 192). Рыцари де ла Порт и Трушар — два видных семейства Бар-сюр-Оба. Из числа их родственников известны прямые ленники графов Шампанских, держатели феодалов в западных предместьях, по которым прошли городские укрепления (Longnon 1901: №№ 173, 3466; Longnon 1904: 495, 496, 500–501, 505), мэры, прево и бальи Бар-сюр-Оба (Roserot 1942: 93, 94, 95), священники и каноники Сен-Маклу (Arbois 1859: 60, 96, 105, 109, 114, 115, 125; Daguin 1887: №№ 13, 23, 24; Lalore 1887: № 37;). Упомянутый в завещании оруженосец Вихард де ла Порт — возможно, будущий бальи Шаснэ и Шомона (Daguin 1887: № 22; Lalore 1887: №№ 30, 39, 40, 41; Longnon 1904: 499, 504).

БИБЛИОГРАФИЯ

Мажуга В.И. Грамоты XIII в. монастыря Бельруа (Архив ЛОИИ СССР АН СССР) // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 229–247.

Чиркова А.В. Французские акты XI–XIII веков из собрания Н.П. Лихачева: К вопросу о формировании коллекции // Наследие Ни-

- колая Петровича Лихачева. СПб, 2014. С. 122–134 (Труды Государственного Эрмитажа, LXX).
- Arbois de Jubainville H. d'*. Histoire de Bar-sur-Aube sous les comtes de Champagne, 1077–1284. Paris; Troyes; Bar-sur-Aube, 1859.
- Chevalier L.* Histoire de Bar-sur-Aube. Bar-sur-Aube, 1851.
- Daguin A.* Chartes du prieuré de Belroy (Aube) // Mémoires de la Société académique d'agriculture, des sciences, arts et belles-lettres du département de l'Aube. Troyes, 1887. Т. XXIV. 3e série. P. 163–168.
- Guyon C.* Les écoliers du Christ. L'Ordre canonial du Val des Écoliers 1201–1539. Université de Saint-Étienne, 1998.
- Lalore Ch.* Notice sur le prieuré de Belroy (Aube) // Mémoires de la Société académique d'agriculture, des sciences, arts et belles-lettres du département de l'Aube. Troyes, 1887. Т. XXIV. 3e série. P. 169–195.
- Longnon A.* Documents relatifs au comte de Champagne et de Brie, 1172–1361. Paris, 1901. Т. I; Paris, 1904. Т. II.
- Roserot A.* Dictionnaire historique de la Champagne méridionale, Aube, des origines à 1790. Langres; Troyes, 1942. Т. I.
- Roussel C.F.* Le diocèse de Langres: Histoire et statistiques. Langres, 1879. Т. IV.

И.Н. ШАМИНА

ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ КНИГА КОЛОМЕНСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА 1706 Г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Приходо-расходные книги духовных организаций — это источник, позволяющий существенно дополнить сведения об их хозяйственной деятельности и повседневной жизни. Причем если приходо-расходные книги монастырей уже не раз становились предметом изучения, то подобным документам архиерейских домов внимания уделяется недостаточно. Пожалуй, сколько-нибудь полно изученной можно считать лишь приходо-расходную документацию Вологодского архиерейского дома (Приходо-расходные книги 2016). В настоящем исследовании вводится в научный оборот приходо-расходная книга Коломенского архиерейского дома 1706 г. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 68), которая дает информацию о кафедре в первые годы церковных преобразований Петра I и о том, как на ее развитие повлияли петровские указы начала XVIII века. Источник представляет собой рукопись на 287 листах, составленную двумя архиерейскими казначеями — Аввакумом и Сергием. В нем отдельно зафиксированы записи о приходе денег и расходные статьи, подсчитаны итоговые и промежуточные результаты финансовой деятельности Коломенской кафедры.

Приходная часть источника представляет собой своего рода ведомость о сборе денег с приходских церквей Коломенской епархии — «окладных» и «полонных», а также вечных пошлин. Из церквей Коломенского и Каширского уезда их доставляли сами священники. В связи с этим в источнике перечислены приходские храмы и села, где они находились. В других уездах (Тульском, Орловском, Кромском,

Крапивенском, Веневском, Дедиловском) деньги собирали на местах поповские старосты или настоятели монастырей, а затем передавали в Коломну.

Приходо-расходная книга позволяет составить представление и о структуре епархиального управления. Отмечая населенные пункты Коломенского и Каширского уездов, казначеи часто указывали к какой десятине (епархиальному округу) они относятся. Так, в записях о поступлении денег с церковей Коломенского уезда упоминаются Боршевская, Градская, Зарецкая, Каширская, Малинская, Пахрянская и Песоченская десятины, а в Каширском уезде — Ростиславская и Тешиловская. Денежные сборы с приходских церковей епархии после нововведений Петра I остались, по сути, единственным источником доходов кафедры. Однако и они подвергались контролю со стороны Монастырского приказа, о чем прямо говорится в рассматриваемом источнике: «А по указу великого государя и по грамоте из Монастырского приказа велено на Коломне столнику и воеводе... в приказ Монастырских дел, что в доме денежной казны в приходе помесечно, давать ведомость».

В расходной части документа по дням записаны траты архиерейского дома на те или иные нужды и указаны суммы, которые были издержаны. Зафиксированы списки приказных служащих архиерейского дома, указан размер выплачиваемого им жалованья. Сравнение этого списка с перечнем приказных служащих из переписной книги архиерейского дома 1701 г. (Башнин, Устинова, Шамина 2022: 317–491), позволяет увидеть динамику изменения их численности и персонального состава, а также размера выплат.

Источник содержит информацию и о коломенских архиереях. Так, после смерти в октябре 1704 г. архиепископа Коломенского и Каширского Никиты (Тотемского) архиепископом в Коломну был назначен Антоний (Одинович). Однако, как следует из приходо-расходной книги, с момента своего назначения и почти до конца 1706 г. он находился в Москве: в мае 1705 г. шло строительство архиерейских келий на московском подворье, где, очевидно, архиепископ и поселился. Сюда из Коломны регулярно направлялись подводы с

продуктами, приезжали архиерейские служащие. Из казны на обеспечение архиерея ежемесячно отчислялись весьма значительные суммы — от 50 до 200 рублей. К началу декабря архиерей прибыл в Коломну: в записи прихода-расходной книги от 30 ноября упоминается, что к его приезду был куплен «подносной пшеничной хлеб». В это же время появились и записи о денежных тратах на ремонт и благоустройство архиерейских келий. Источник содержит данные о строительстве Троицкой церкви в архиерейском доме, которое инициировал Пресвященный Антоний, и др.

Основная часть денег, как следует из прихода-расходной книги, шла на обеспечение жизнедеятельности архиерейского дома, в первую очередь на закупку продуктов питания. Так, регулярно и в больших объемах в архиерейский дом покупалась рыба. Выделяются несколько ее категорий: свежая, засольная, ушная, живая. В большинстве случаев рыба приобреталась в Коломне, реже в Москве. В мае 1706 г. большое количество «засольной» рыбы было доставлено из Орла. Рыба использовалась как на внутренний домовый обиход, так и отправлялась в Москву на архиерейский двор. Неоднократно в Коломенский архиерейский дом доставлялась живая рыба — «в сад». Несколько раз в течение года, на праздники, покупалось мясо — говядина, свинина, птица — «на пищу домовым людям».

Ассортимент приобретаемых товаров зависел от времени года. Так, весной, в начале полевых и посадочных работ, казначеи архиерейского дома закупали семена овощей — репы, свеклы, моркови, огурцов, капусты. В июле–августе огурцы и другие овощи покупались дополнительно. В августе приобретали ягоды — малину и бруснику, а также яблоки и грибы и т.д. Часть продуктов производилась в самом архиерейском доме, и деньги тратились на покупку необходимого сырья. Так, много раз приобретался хмель «к винному сиденью» и «пивному варенью» и дрожжи. Для пивоварни из окрестных сел вывозили также ветхие избы. Одними из наиболее часто приобретаемых казначеями Коломенского архиерейского дома хозяйственных товаров являлись свечи, бумага и чернила, различная посуда.

В приходо-расходной книге Коломенского архиерейского дома нашел отражение процесс подготовки и празднования великих церковных праздников — Успения Божией Матери, Рождества Христова и др., когда священники соборной церкви получали «праздничные» деньги, дополнительно закупались свечи и воск, а также большее, чем обычно, количество разных продуктов. В приходо-расходной книге отмечены и случаи, когда в канун праздников священники приходили в архиерейский дом со святой водой («святыней»).

Таким образом, приходо-расходная книга Коломенского архиерейского дома 1706 г. позволяет определить основные источники доходов архиерейской казны в период введения ограничительных мер петровского правительства, а также установить статьи расходов, которые в целом не отличались от монастырских. Кроме того, она содержит важные сведения о структуре епархиального управления и составе служащих Коломенской кафедры, деятельности архиерея и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022.

Приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.

Ю.Э. ШУСТОВА

СИМВОЛИКА ВРЕМЕННЫХ ЦИКЛОВ В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА КНИГИ ПРОПОВЕДЕЙ ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА «ТРУБЫ...» (1674)

Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и Новгород-Северский, один из самых ярких авторов эпохи барокко, создал два сборника проповедей, получивших широкое распространение в среде украинских и русских читателей и оказавших большое влияние на становление и развитие искусства составления проповедей.

Первая книга — «Меч духовный, еже глагол Божий на помощь Церкви воюющей, из уст Христовых поданый» (Киев, 1666) включала проповеди подвижного календарного цикла (воскресные проповеди, начиная с Пасхи, и поучения на Страстную неделю). Символика духовного меча подробно раскрывалась в гравюре титульного листа и пространным тексте предисловия (Шустова 2008: 462–463; Сукина 2021: 20–36).

Книга проповедей неподвижного цикла задумывалась как вторая часть «Меча духовного». В письме ректору Киево-Могилянской академии Варлааму Ясинскому от 4 ноября 1668 г. Лазарь Баранович писал: «Вторая часть моя на праздники, которую следует назвать “Трубами”, как и сказано: вострубите в нарочитый день праздника, наискорей издала звук свой» (Письма 1865: 54). Однако напечатать ее удалось лишь спустя 12 лет. Да и публикация книги была связана со значительными трудностями, что привело к тому, что книга вышла в 1674 г. в двух вариантах, отличающихся иллюстративным оформлением и названием. Сначала вышли «Трубы

словес проповедных на нарочитыя дни праздников господских, богородичных, апостольских, мученических...», а спустя несколько месяцев — «Трубы на дни нарочитыя праздников господских, богородичных, апостольских, мученических...».

Композиции титульного листа и фронтисписа были составлены самим Лазарем Барановичем и являются важными элементами книги, самостоятельными эмблематическими текстами. Титульный лист вместе с комплексом цитат из Библии на обороте титула, стихами «На титул книги сея, и на вся во дверех ея начертания со дванадесятми небесными знаменіями изображенныя» и «Предисловием к читателям» представляют эмблематический текст, в котором раскрывается смысл круга проповедей на годичный цикл. Основным лейтмотивом этого эмблематического текста является время как календарно-циклическая категория. Также здесь заложен временной образ чтения проповедей на неподвижный календарный цикл, «на праздники всего лѣта». Открывая книгу, читатель видит гравюру титульного листа, начинает чтение круга проповедей со «Слова на новое лѣто в день 1 месяца септемврия», а заканчивая чтение книги, вновь видит титульную гравюру, в которой вместо названия и выходных сведений изображены две пары рук, тянущихся друг к другу и соединяемых крестом. Таким образом, Баранович подчеркивает, что всякий конец есть начало нового, на смену любому временному циклу приходит новый, конец чтения книги проповедей символизирует новое чтение в наступающем новом году.

Титульный лист вместе со стихами «На титул книги сея, и на вся во дверехъ са начертаніа со дванадесатъми небесными знаменіам(и) изображенныя» и текстом предисловия образуют эмблематический текст, основным лейтмотивом которого являются временные циклы календарного годичного круга. Солнце и луна символизируют суточное время, звезды — 12 месяцев года, знаки зодиака солнечный круг по небосклону. Также узнаваемы символические изображения времен года, которые представлены не явно, однако читаются в атрибутах, с которыми изображены святые Иоаким, Ан-

на, символизирующие осень и весну, и ангелы, предстающие в образах зимы и лета.

С Солнцем сравнивается книга проповедей: «Г(о)с(по)дскій праздникъ КНИГА вызначаетъ, Б(о)городичникъ въ С(о)лнци сѣдетъ». Солнце символизирует годичный праздничный цикл: «Понеже всех святых святейшее слово написано в сей книзи», а также славу всех святых: «Все святые держащиеся сея книги чистыми руками, просвещаются, аки слонце; праведници просветятся яко солнце, в царствии отца их». В лучах солнца помещено изображение Богородицы, нимб над которой очерчивает двенадцать звезд, символизирующих месяцы года. Иконография образа Богородицы восходит к «Откровению» Иоанна Богослова: «видѣ Жену облеченну въ С(о)лнце, и ЛУНА под ногама ѿ, и на Главѣ ѿ Вѣнецъ ѿ Звѣздъ дванадесати» (Откр. 12: 1).

Святые Иоаким и Анна, родители Богородицы, представлены в образах осени и весны. Иоаким держит гроздь винограда, традиционно изображающуюся на визуальных образах осени, здесь интерпретирующуюся как символ своей дочери («ГРОЗДЪ ѿбѣщанна земли держитъ, дщерь свою»), а Анна — сосуд с водой и факел, которые символизируют напоение земли для хорошего урожая и прибавление светового дня весной. В стихах дается толкование этим образам: «ІОАКИМЪ, АННА, с(вя)тые корѣна, / Тѣшатса з собою буйного насѣна. / Іоакимъ ГРОЗДЪ и СОСУДЪ избранный / несеть, утѣха в томъ есть с(вя)тою Анны. / Анна СВѢТИЛНИКЪ незгашенный маеть. / МЕДОМЪ и МЛЕКОМЪ землю поливаетъ». Мед и молоко также — «сладчайшему І(су)су, а светильник — «Помазанному, не угасающую лампаду».

Ангел, вскапывающий землю и символизирующий зиму, сравнивается Лазарем Барановичем с кладоискателем, который находит сокровища в книге: «КОПАЮТЪ землю скарбъ в оной знаходять:/ к такойже праці и иных приводатъ». Ангел с серпом, олицетворяющий лето. Серпом «жнутъ пшеницу, и собирають в житницу Г(о)с(по)дню».

Знаки зодиака символизируют годичный цикл прохождения солнца через зодиакальные созвездия: «Якъ с(о)лнце кождый такъ будетъ свѣтити, / На н(е)бѣ з с(вя)тыхъ, на

Б(о)га смотрѣти. / Дванадцать знаковъ с(о)лнце в небѣ ма-
етъ, / Кругъ свой чрез тый що день Ѡправляетъ». Под зна-
ками зодиака, в солнцах, помещены изображения 26 святых.
Каждый день солнечного календарного года связан с имена-
ми святых: «Яко с(о)лнце теченіе свое совершает чрез
дванадесат знаменій зодіака н(е)беснаг(о), сице с(вя)тыи,
ихъ же яко с(о)лнце лица прообразишася на н(е)б(е)сном
Ѡаворѣ». Святые помещены под знаком зодиака не по календарному принципу дней памяти, а по символическому соотношению духовного подвига с образом того или иного знака (Шустова 2009а: 56–81; Шустова 2009б: 109–124). Так, по мнению Барановича, солнце в знаке Рыб символизирует апостолов Петра и Павла, «в приличном рыба́рем знамении». Он сравнивает их с рыбаками, которые ловят души людей «их же сотвори Христос ловца человеков»: «Петръ, Павелъ в рибяхъ, тотъ з тымъ рыбы ловить, / з АГНЦЕМЪ Кр(е)ститель, агнецъ Б(о)жій мовить».

Книга проповедей, представленная как чтение на протяжении года, с одной стороны, обращает внимание читателя на важные временные циклы, которые повторяются изо дня в день, из года в год, тем самым структурируя и упорядочивая время. С другой стороны — Баранович предлагает читателю при каждом новом чтении обращаться к новому пониманию образов праздников и святых, познание которых бесконечно, как и само время.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. Чернигов, 1865.
- Сукина Л.Б. Эсхатологические сюжеты и демонические образы в гравюрах книги «Меч духовный» Лазаря Барановича 1666 г. // *In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах № 10.* М., 2021. С. 20–36
- Шустова Ю.Э. Образ царской власти в поэтико-геральдических композициях печатной книги Московского государства второй половины XVII в. // *Труды «Русской антропологической школы».* М., 2008. Вып. 5. С. 462–463.

- Шустова Ю.Э.* Восприятие символики знаков зодиака в книжности Московского государства второй половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009 г. / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2009. С. 56–81.
- Шустова Э.Ю.* Интерпретация символики Зодиака в эпоху царя Алексея Михайловича // Коломенское: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 12. С. 109–124.

А.С. ЩАВЕЛЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХАЗАРСКОГО ОБЫЧАЯ ПОДНЯТИЯ НОВОГО АРХОНТА НА ЩИТЕ (DAI.38.51–53)

В византийском трактате «Об управлении империей» императора Константина VII Багрянородного 952–959 гг. подробно описывается, как анонимный «хаган архонт Хазарии» (χαγάνος ἄρχων Χαζαρίας) проводит инвестицию первого архонта мадьяр (в тексте они в соответствии с византийской этнонимической номенклатурой обозначены как «турки» — οἱ Τοῦρκοι) (DAI. I: 172; II: 145–149). В это время мадьяры были подчинены хазарам, обитали в пределах зоны их политического контроля и использовались в их военных акциях.

По согласованию с «первым воеводой» (πρῶτος βοέβδος) мадьяр Леведией (Λεβεδιάς) хакан Хазарии предлагает передать титул первого архонта (πρῶτος ἄρχων) одному из двух воевод — Алмуцу (Ἀλμούτζης) и его сыну Арпаду (Ἀρπαδῆς). После этого хазарский хакан посылает в землю мадьяр вместе с Леведией своих людей (ὁ χαγάνος ἐκεῖνος δέδωκεν ἀνθρώπους αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ), и они ведут переговоры уже со всем народом мадьяр. Выбор мадьяр и людей хазарского хакана падает на воеводу по имени Арпад, которого *поднимают на щите*: «так и архонтом по обычаю хазар и *закану* они [его] сделали, подняв его на щите (ὄν καὶ ἄρχοντα κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ζάκανον πεποιήκασι, σηκώσαντες αὐτὸν εἰς σκουτάριον)». Одновременно род Арпада получает у мадьяр монополию на выдвижение кандидатов в архонты. Отметим, что из текста не совсем ясно, кто именно провел обряд поднятия на щите — сами мадьяры или посланники-хазары. Однако, поскольку обряд поднятия на щите назван «обычаем хазар», следова-

тельно, его должны были с большей вероятностью как раз проводить люди хакана Хазарии. Таким образом, *инвеститура архонта Арпада была проведена по-хазарски*, что логично, поскольку у мадьяр (турков) до этого не было своего архонта, следовательно, не было и обряда его наделения этим титулом и статусом.

Описание поднятия нового держателя власти на щите в качестве хазарского обычая всегда создавало для исследователей затруднение и не комментировались предметно, так как считалось какой-то ошибкой или фактически выдумкой византийцев (DAI II: 149; КБ. 1989: 393). Это было вызвано тем, что все известные примеры описания такого обряда были связаны с провозглашением вождей «варваров-германцев», начиная с лидера народа каннинефатов Бринно около 69 г., и римских императоров, начиная с Флавия Клавдия Юлиана Отступника в 360 г. (Teitler 2002). Для нас не важно, был ли этот обычай «исконно римским» или заимствованным в римскую традицию «германским», но нам важно, что он прочно вошел в политическую культуру Римской империи и сохранился в Ромейской империи (Византии) вплоть до XI в. (Walter 1975). Последний такой случай датируется 1047 г., когда был поднят на щите (ἀΐρουσιν ἐπ' ἀσπίδος) полевой командир и претендент на императорский престол Лев Торник (Walter 1975: 159).

Вполне очевидно, что описание ритуала инвеституры архонта мадьяр Арпада не могло быть выдуманно и сконструировано по имеющимся литературным образцам императором Константином VII и его сотрудниками. Логику такого нарративного конструирования просто невозможно объяснить, поскольку не ясно, зачем императору, отличающемуся византийским снобизмом (Magdalino 1978) и считавшем ромеев и «варварские» народы Причерноморья буквально разными биологическими видами (Kaldellis 2019: 7–9), понадобилось приписывать вождю «диких» номадов-мадьяр престижный обычай, характерный для римских (ромейских) императоров, и при этом еще и объявлять его «хазарским». Кроме того, сам жанр трактата «Об управлении империей», который был написан как учебник по дипломатии и полито-

логии для сына-наследника автора-императора Романа II Багрянородного, не предполагал такого рода литературных игр.

Очевидно, что в трактате отразился аутентичный рассказ о реальном событии, сохранившейся в некой хазарской или мадьярской легенде типа *origo regis*. Эту информацию могли получить византийские послы или агенты, работавшие среди «варварских» народов Северного Причерноморья: например, упоминаемый в трактате клирик Гавриил, совершивший посольскую миссию к мадьярам (DAI. I: 56).

Таким образом, данный рассказ отражает реальную практику «поднятия на щит» новых вождей хазарами в IX–X веках. В этот период такой обычай был характерен только для ромеев (византийцев), причем, важно, что поднятие на щит использовалось тогда, когда императора провозглашала ромейская армия. Хазарские правители в это время находились к тесных, чаще всего, союзнических отношениях с ромейскими императорами, а хазарские воины служили в ромейской армии, включая личную охрану императоров — этерию (Noonan 1991; Howard-Johnston 2007). Очевидно, что хазары, служа в ромейской армии, могли лично участвовать в обряде поднятия на щит претендента на императорский престол солдатами и офицерами или слышать рассказы об этом от своих сослуживцев-очевидцев. Эти хазары-ветераны вполне могли вернуться в родную Хазарию после завершения срока службы и транслировать соотечественникам полученные знания. Соответственно, совсем не удивительно, что византийский обряд инвеституры попал в хазарскую практику манифестации власти нового лидера.

БИБЛИОГРАФИЯ

- КБ — *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.
- DAI I — *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*. Washington D.C., 1967. Vol. I: Greek Text and English Translation / Ed. by R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsik.

- DAI II — *Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio. Washington D.C., 1962. Vol. II: Commentary / Ed. by R.G.H. Jenkins.
- Howard-Johnston J.* Byzantine Sources for Khazar History // The World of the Khazars: New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium / Ed. by B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007. P. 163–194.
- Kaldellis A.* Romanland. Ethnicity and Empire in Byzantium. Cambridge Massachusetts; London, 2019.
- Magdalino P.* Byzantine Snobbery // The Byzantine Aristocracy (9th to 13th Centuries) / Ed. by M. Angold. London, 1984. P. 58–78.
- Noonan T.S.* Byzantium and the Khazars: A Special Relationship? // Byzantine Diplomacy. Papers of Symposium of Byzantine Studies / Ed. by J. Shepard & S. Franklin. Aldershot, 1991. P. 109–132.
- Teitler H.* Raising on a Shield: Origin and Afterlife of a Coronation Ceremony // International Journal of the Classical Tradition. 2002. Vol. 8. № 4. P. 501–521.
- Walter Ch.* Raising on a Shield in Byzantine Iconography // Revue des études byzantines. 1975. № 33. P. 133–175.

А.Д. ЩЕГЛОВ

ХРОНИКА АДАМА БРЕМЕНСКОГО И ШВЕДСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ XV–XVI ВЕКОВ

В шведских исторических сочинениях XV–XVI веков (так называемая «Прозаическая хроника», «История Готского королевства» Эрикуса Олаи, «Шведская хроника» Олауса Петри, «История готы и свеев» Иоханнеса Магнуса) присутствуют, в числе прочего, сведения, восходящие к значительно более раннему сочинению — хронике Адама Бременского «Деяния гамбургских архиепископов» (XI в.), причем указанные сведения подверглись искажениям. Каковы причины этих искажений? Кто из шведских авторов позднего Средневековья был знаком с хроникой Адама Бременского непосредственно, а кто получил ее данные из вторых рук? Ответы на эти вопросы являются предметом дискуссий.

Один из важнейших эпизодов, восходящих к хронике Адама Бременского, — описание Уппсальского языческого храма. Согласно Адаму, уппсальское святилище было украшено золотом. Внутри находились статуи богов — Тора, Водана (Одина) и Фриккона (Фрея). Идол Фриккона снабжен огромным фаллосом; Водана представляют вооруженным, подобно Марсу; Тора — со скипетром, подобно Юпитеру. Возле святилища растет вечнозеленое дерево. Под ним находится источник, где язычники совершают жертвоприношения. Святилище опоясывает золотая цепь. К богам приставлены жрецы, которые приносят жертвы. Если грозит мор и голод, умиляют Тора, если война — Водана, если предстоит свадьба — Фриккона. Каждые девять лет устраивается всеобщее празднество свеев. В жертву богам приносят девять

голов из живности мужского пола; кровью умилоствляют богов, тела развешивают в роще рядом со святилищем. Вместе с людьми там висят собаки и лошади. Один христианин поведал Адаму, что видел 72 тела, висевшие вперемежку.

Первым из известных шведских исторических сочинений, где цитируется рассказ Адама Бременского об Уппсальском храме, является «Прозаическая хроника». Ее автор ссылается на «мудрого учителя по имени Адам» и в ряде случаев близко следует его повествованию. Вместе с тем, в «Прозаической хронике» присутствуют отличия от хроники Адама Бременского. Пример подобного сходства и различия — сообщение «Прозаической хроники» о боге Торе. Рассказ следует описанию Адама. Но «Прозаическая хроника» добавляет и другие сведения: Тора якобы изображают голым ребенком (*nakit barn*), который сидит на повозке и держит в руке семь звезд. Сведения о «повозке», «семи звездах», а также о том, что Тора изображают юношей, возникли оттого, что было искажено сообщение Адама Бременского, согласно которому Тора представляют со скипетром, как Юпитера: «Thor autem cum sceptro Iovem simulare videtur». Шведский автор интерпретировал слово *Iovem* («Юпитеру») как *iuvenem* (юноше), а *sceptro* («скипетром») как *Septentrio* — «Семью звездами», то есть семью крупными звездами созвездия Большой Медведицы, которые в представлениях многих народов отождествлялись с повозкой (Munch 1858: 326; Löw 1908: 14; Scheglov 2014: 154). При этом семь звезд, несомненно, вызывали у средневековых читателей ассоциации с атрибутом божества, упомянутым в Апокалипсисе: «Он держал в деснице своей семь звезд...» (Откр. 1:16; Ср. Откр. 1:20; 2:1) Добавлено, что в честь Тора назван четверг — *Torsdagen*. Хронист указывает местонахождение святилища: гора Домберьет («Соборная гора»). Зато в «Прозаической хронике» нет упоминания о скипетре Тора; отсутствует уподобление Тора Юпитеру. Сообщения об Одине и Фрикконе (по «Прозаической хронике» — Фригг) близки к рассказу Адама; но добавлено, что в честь богов названы среда (*odensdag*) и пятница (*friggedag*). Хронист верно следует Адаму в описании храма, рощи и жертвоприношений. Место рощи, в свою очередь,

четко определено — «где ныне находится упсальская Крестьянская церковь». Есть отличие в сообщении о христианине, который видел тела принесенных в жертву существ: по Прозаической хронике их было 77, а не 72. Из «Прозаической хроники» искажения перешли в хроники Эрикуса Олаи и Олауса Петри.

К сочинению Адама Бременского восходит и приведенный в «Прозаической хронике» рассказ об ослеплении языческого жреца — что, по преданию, послужило началом проповеди христианства в Швеции, а также сведения о деятельности христианских миссионеров — Стафана и Адальварда. На произведении Адама основано и восхваление Швеции как благословенной и богатой страны; в данном случае сам шведский автор ссылается на Адама.

Дискуссионным является вопрос об использовании сведений Адама Бременского хронистом Эрикусом Олаи, автором так называемой «Истории готского королевства» (около 1470 г.). Ряд специалистов отметили, что Эрикус Олаи использовал данные Адама опосредованно, основываясь на «Прозаической хронике». Но обращался ли он при этом к первоисточнику — хронике Адама Бременского? Э. Нюрин-Хойман обнаружила ряд параллелей между текстами Адама Бременского и Эрикуса Олаи, что могло быть следствием знакомства указанного шведского хрониста с трудом Адама. Э. Нюгрен высказал предположение, что Эрикус Олаи почерпнул сюжеты Адама именно из первоисточника, а не из «Прозаической хроники».

Мое исследование подтвердило, что главным источником для Эрикуса Олаи являлась «Прозаическая хроника». Вместе с тем, я выявил сведения, которые Эрикус Олаи, очевидно, заимствовал непосредственно у Адама — например, указание, что статуи богов в храме расположены в виде триклиния, и что Тора изображали со скипетром в руке. Рассказ о деяниях миссионеров Стафана и Адальварда в свою очередь имеет немало общего с текстом Адама.

Таким образом, следует отвергнуть предположение Нюгрена о том, что Эрикус Олаи почерпнул сведения об Упсальском храме и первых миссионеров из хроники Адама,

а не из «Прозаической хроники». Главным источником в данном случае послужила именно «Прозаическая хроника». В то же время мы можем с уверенностью заключить, что часть материала была почерпнута напрямую у Адама. Эти факты иллюстрируют две тенденции в хронике Эрикуса Олаи: он многое заимствовал у ближайших предшественников, но при этом обогащал и дополнял их сведения.

В отношении шведских историков XVI в. можно констатировать, что они использовали сведения Адама Бременского и напрямую, и опосредованно. Реформатор и историк Олаус Петри, автор объемного сочинения «Шведская хроника» черпал сведения об Уппсальском языческом храме и о миссионерах Стафане и Адальварде из средневековых шведских источников. Иоханнес Магнус, автор монументальной «Истории готов и свеев» был знаком как со средневековой шведской традицией, так и с хроникой Адама Бременского.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Löw G.* Sveriges forntid i svensk historieskrivning. Stockholm, 1908.
- Munch P.A.* Om kilderne til Sveriges historie i den førkristelige tid // *Annaler for nordisk oldkyndighed og historie.* København, 1858.
- Nyrin-Heuman E.* Källkritiska, textkritiska och språkliga studier till Ericus Olais Chronica Gothorum. Lund, 1944.
- Scheglov A.* Ericus Olai och Adam av Bremen // *Historisk tidskrift.* Stockholm, 2014. Bd. 133. S. 145–169.

ОБ АВТОРАХ

АГИЛЯР КУЭСТА АНХЕЛЬ ИГНАСИО — PhD, доцент Автономного университета Мадрида и Международного университета Валенсии (Мадрид)

АНДРЕЙЧЕВА МАРИАННА ЮРЬЕВНА — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории РАН (Москва)

АРЗАКАНЯН МАРИНА ЦОЛАКОВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

АУРОВ ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ — кандидат исторических наук, доцент Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва)

БЕЛОУСОВ МАКСИМ РУДОЛЬФОВИЧ — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Казань)

БОНДАРЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ВАЛЬИНА РОДРИГЕС АЛЕХАНДРО — PhD, доцент Автономного университета Мадрида (Мадрид)

ВЕРШИННИНА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА — кандидат исторических наук, старший преподаватель Нижегородского ГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

ВИН ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ВИНОКУРОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ГЕРЦЕН АНДРЕЙ АРТЕМОВИЧ — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

ГРЯЗНОВ АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ — старший научный сотрудник НП «НИЦ «Древности» (Вологда)

ДЖАКСОН ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ДМИТРИЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА — доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

- ДУХАНИНА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА* — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ЗЕМЛЯКОВ МИХАИЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ* — кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва)
- КАЗБЕКОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- КАЛИНИНА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- КАМАРЕРО БУЙОН КОНСЕПЬСОН* — PhD, профессор Автономного университета Мадрида (Мадрид)
- КИРИЛЛОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (Москва)
- КОЗЛЯКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ* — доктор исторических наук, профессор Рязанского ГУ им. С.А. Есенина (Рязань)
- КОНДРАТЬЕВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ* — проект ЭС «Византийское право и акты»
- КОНОВАЛОВА ИРИНА ГЕННАДИЕВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)
- КОНЮШИХИНА НАДЕЖДА ЛЬВОВНА* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- КОРЗО МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва)
- КУЗНЕЦОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ* — доктор исторических наук, профессор Института экономики и предпринимательства Нижегородского ГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)
- КУРЫШЕВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ЛАЗАРЕВА АРИНА ВЛАДИМИРОВНА* — кандидат исторических наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва)
- ЛИТОВСКИХ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- МАЖУГА ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)

- МАСЛОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- МЕЛЬНИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- МИТЮРЁВА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА* — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Тюменского ГУ (Тюмень)
- МИШИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- МОИСЕЕВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского ГУ, зав. Сектором ГБУК г. Москвы «Музейное объединение “Музей Москвы”» (Новосибирск; Москва)
- НОВИЧЕНКО ИРИНА ЮРЬЕВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, зав. Отделом специальных коллекций Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва)
- ПАСКАЛЬ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки (Москва)
- ПЕТРОВА МАЙЯ СТАНИСЛАВОВНА* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ПОПОВА ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА* — кандидат исторических наук, ассистент Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого (Новгород Великий)
- ПОРТНЫХ ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ* — доктор исторических наук, доцент Новосибирского ГУ (Новосибирск)
- ПРАЗДНИКОВ АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ* — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии Вятской государственной сельскохозяйственной академии (Киров)
- ПЧЕЛОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ* — кандидат исторических наук, зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археологии Исторического факультета ИАИ РГГУ (Москва)
- РЕЙЕР ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ* — кандидат технических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (Москва)
- РЯБОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА* — научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
- СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

- СРЕДИНСКАЯ НАТАЛИЯ БРОНИСЛАВОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
- СУББОТИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- СУКИНА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА* — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем им. А.К. Айламазяна РАН (Переславль-Залесский)
- ТАЦЕНКО ТАМАРА НИКОЛАЕВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)
- УШАКОВ АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ* — младший научный сотрудник, ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений Гуманитарного института Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого (Новгород Великий)
- ФИЛИППОВ ИГОРЬ СВЯТОСЛАВОВИЧ* — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
- ФРОЛОВА ОЛЬГА ЭДУАРДОВНА* — ведущий библиотекарь Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ЧЕСНОКОВА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ЧИРКОВА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)
- ШАМИНА ИРИНА НИКОЛАЕВНА* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ШУСТОВА ЮЛИЯ ЭДУАРДОВНА* — кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ, старший научный сотрудник НИО редкой книги (Музея книги) РГБ (Москва)
- ЩАВЕЛЕВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
- ЩЕГЛОВ АНДРЕЙ ДЖОЛИНАРДОВИЧ* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
МАТЕРИАЛЫ ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Ответственные редакторы

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА КИРИЛЛОВА
ИРИНА ГЕННАДИЕВНА КОНОВАЛОВА

Рецензенты

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ГУСАРОВА
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков Исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ФРОЛОВ
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

*Дизайн обложки И.Н. Граве
Корректор Н.Л. Конюшихина*

Подписано в печать 26. 05. 2023
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Cambria. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18. Тираж 500.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
<https://www.aquilopress.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Телефон: +7 (495) 545 37 10
info@onebook.ru
<https://www.onebook.ru>

ISBN 978-5-906578-94-5

9 785906 578945